

Koinon

Vol. 2 | No. 3 | 2021

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 2 | No. 3 | 2021

В оформлении обложки использовано изображение панно А. Матисса «Танец»

Матисс, Анри. 1910. Холст; масло. 391×260 см. Инв. № ГЭ-9673

© Succession H. Matisse

© Фото: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. В. С. Тербенин

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Адрес редакции: Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2021

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Ural Federal University, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)

Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, докт. ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Члены редколлегии

Н. Л. Антонова, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. В. Грунт, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Я. В. Дидковская, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. А. Керимов, докт. полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Х. Керимов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. А. Комлева, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)

Ю. Г. Коргунок, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)

Т. А. Круглова, докт. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Ладьжец, докт. филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Е. Н. Лисанюк, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

С. Лисица, докт. социологии, проф. (Израиль, Ариэль, Ариэльский университет)

П. Нелье, докт. политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)

Э. А. Паин, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

А. В. Перцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Н. Руденко, академик Российской академии наук, докт. юрид. наук, канд. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

М. Шuvaкович, докт. философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Г. Асмолов, академик Российской академии образования, докт. психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Борисов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН)

Д. В. Зайцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Р. Кампа, докт. социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)

М. Липовецкий, докт. филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

И. Б. Микиргумов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Е. Э. Носенко-Штейн, докт. истор. наук, проф. (Россия, Москва, Институт востоковедения РАН)

О. В. Попова, докт. полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

А. М. Руткевич, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Г. Саймонс, докт. политологии, проф. (Швеция, Упсала, Упсальский университет)

С. Ушакин, докт. философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)

С. А. Шаронова, докт. социолог. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

М. Ямпольский, докт. искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief, science editor in sociology — **A. V. Merenkov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Deputy Editor-in-chief, science editor in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, University for Humanities, Yekaterinburg, Russia)
- Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**, D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- The editorial board members**
- N. L. Antonova**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Ya. V. Didkovskaya**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- E. V. Grunt**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. A. Kerimov**, D. Sci. (Political Sciences), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- T. Kh. Kerimov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. G. Kislov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. A. Komleva**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Geopolitical Analysis Centre of the Academy of Geopolitical Sciences, Yekaterinburg, Russia)
- Yu. G. Korgunyuk**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Institute of Social Sciences Information, Moscow, Russia)
- T. A. Kruglova**, D. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. S. Ladyzhets**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
- E. V. Lisanyuk**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- S. Lissitsa**, D. Sci. (Sociology), Professor (University of Ariel, Israel)
- P. Neglie**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Trieste, Italy)
- E. A. Pain**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- A. V. Pertsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- V. N. Rudenko**, Academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy) (Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia)
- M. Šuvaković**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Belgrade, Serbia)

THE EDITORIAL COUNCIL

- A. G. Asmolov**, Academician of the Russian Academy of Education, D. Sci. (Psychology), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)
- E. V. Borisov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the RAS, Novosibirsk, Russia)
- R. Kampa**, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- M. Lipovetsky**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Columbia, New York, the USA)
- I. B. Mikirtumov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- E. E. Nosenko-Stein**, D. Sci. (History), Professor (Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia)
- O. V. Popova**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- A. M. Rutkevich**, D. Sci. (Philosophy), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- S. A. Sharonova**, D. Sci. (Sociology), Associate Professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia)
- G. Simons**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Uppsala, Sweden)
- S. Ushakin**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton University, the USA)
- M. Yampolsky**, D. Sci. (History of Art), Professor (the University of New York, the USA)
- D. V. Zaitsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Ответы на вопросы редакции «Койнона» о совместности

Ойлер В. Л. 7

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Эстетика о прошлом, настоящем и будущем: из докладов Второго российского эстетического конгресса

От редакции 13

Рейфман Б. В. «Человек толпы» и «человек массы» как различные концептуализации
идентичных социальных феноменов 14

Устюгова Е. Н. Эволюция проблемы синтеза искусств в эстетике 30

Закс Л. А. Эстетическое наших дней: новая феноменология 44

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Бахтигареева Э. Н. Общественность как предмет изучения социальных наук 67

Бурлина Е. Я. Хронотопия города 85

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Из истории немецкого мировоззрения

Перцев А. В. И. В. Гёте: путь жизни и философия искусства 109

Вершинин С. Е. Концепция неодновременности Эрнста Блоха (Предисловие к переводу) 128

Блох Э. Неодновременность и обязанность сделать ее диалектической
(перевод *С. Е. Вершинина*) 139

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И. Медиапотребление новостей жителями малых городов
России 158

Сивкова Н. И. Система детерминации электорального поведения 169

Меренков А. В., Спиридонова А. Д. Использование социальных сетей партиями
«Новые люди» и «Единая Россия» в предвыборной кампании 2021 г. 182

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Круглова Т. А. Интеллектуальная карта отечественной эстетики: к итогам работы
Второго российского эстетического конгресса 194

TABLE OF CONTENTS

Answers to the Koinon Editorial Board Questions about Being-in-Common

Euler W. L. 7

CHALLENGES OF THE PRESENT IN THE OPTICS OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

Aesthetics of the Past, Present, and Future: From Reports of the Second Russian Aesthetic Congress

From the editors 13
Reifman B. V. “Man of the Crowd” and “Man of Mass” as Different Conceptualizations
of Identical Social Phenomena 14
Ustyugova E. N. The Evolution of the Problem of Art Synthesis in Aesthetics 30
Zaks L. A. The Aesthetic of Our Times: A New Phenomenology 44

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES AND MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

Bakhtigareeva E. N. The Public as a Subject of Study of Social Sciences 67
Burlina E. Ya. Chronotopia of the City 85

IDEAS OF TIME AND FORMS OF TIME

From the History of the German Worldview

Pertsev A. V. J. W. Goethe: The Way of Life and Philosophy of Art 109
Vershinin S. E. Ernst Bloch’s Concept of Non-Simultaneity (Preface to Translation) 128
Bloch E. Non-Simultaneity and the Obligation to Its Dialectics (*Translated by S. E. Vershinin*) 139

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

Novgorodtseva A. N., Sivkova N. I. News Media Consumption by Residents
of Small Towns of Russia 18
Sivkova N. I. System of Determination of Electoral Behaviour 169
Merenkov A. V., Spiridonova A. D. The Use of Social Media by the New People
and United Russia in the 2021 Election Campaign 182

REVIEWS AND CRITIQUES

Kruglova T. A. Intellectual Map of Domestic Aesthetics: To the Results of the Work
of the Second Russian Congress of Aesthetics 194

Отвeты на вопросы журнала о совместности

W. L. Euler

Federal University for Latin American Integration
Foz do Iguaçu, Brazil

How do You assess the state (level and quality) of the jointness of the present-day mankind on a whole, and, in particular, the sphere of its life and culture You focus on? What problems today, in the XXI-st century, complicate the integration of people, groups, countries, regions, and cultures, and impede their cohesion, unity, solidarity?

What role in Your science and Your particular research field do reality and the idea of jointness of people and societies, their practices and consciousness play (or should play)? To what extent sustainably and consciously has the idea of jointness (in its various turns and modi) been integrated into the worldview and methodology of Your science and the specific scientific topic?

First of all, You should know that I'm not able to talk about the actual situation in my home country (Germany) because I'm working and living since many years in Brazil. As a Visiting Professor of Philosophy I'm teaching and researching within the areas of Logic, Ethics and Scientific Thought at the "Universidade Federal da Integração Latino-Americana" (UNILA) (Federal University of Latin-American Integration), "Instituto Latino-Americano de Economia, Sociedade e Política" (ILAESP) (Latin-American Institute of Economy, Society and Politics), in Foz do Iguaçu/Paraná. Our university is very young (founded in 2010). Its special location and alignment with actual problems of Latin-America, which opens the field for all countries of the continent, gives me the opportunity to comment on many social and political affairs around those nationalities, from where we receive young people for their studies in our special fields (not only in philosophy, but, for example, also in economy, social affairs, natural sciences, mathematics, engineering, medicine and others. As a condition and consequence, our university is governed by binational administration and organized in a bilingual way (Spanish and Portuguese).

But it is, on the other hand, hardly possible to answer your questions to the full and exhausting extent, because analyzing and evaluating particular situations,

environments, and so on, with relation to „jointness“ presupposes the knowledge of the whole geographical, cultural and political horizon in front of which we have to organize our life.

Brazilian people are in a very high degree (at least higher than in Germany and other European countries) interested in social contacts (cultural events). One can even say, they understand and define their private and social life completely with relation to others. Nevertheless, we can observe also in that beautiful country indications of racism and discrimination against minorities, sometimes interweaved with violence against women, foreigners and indigenes. Such occurrences provoke police and semi-military forces to act against persons with the intention to reestablish and to defend law and order. Along with the increasing power of political authorities we can also state an increasing tendency by industrial and monetary companies to influence and to occupy private life interests of the citizens.

All these tendencies can be taken into account for judgments about the state of jointness in so far as they can be regarded as signs of destruction or dissolution of social relationship. In general we can say, increasing means and concentration of political power of a State conditions the reduction of people's rights as free persons. Regarding the fact that Brazilians are cultivating strong feelings in favor of their own nationality, the danger really exists that they will stay in uncritical conformity with misleading political powers.

In the region where I actually live — the state of Paraná (South Brazil) — there was traditionally a high mobility of people from outside neighbour countries (Argentine, Paraguay). Many traders, workmen and tourists were passing day by day the frontier to Brazil and inversely. Nowadays, those visitors are staying at home because they fear to get contaminated by the Corona19-virus which created in Brazil a very dangerous situation. Naturally, all these disturbances had a negative impact on social, political and cultural life. Already the simple norms of keeping distance from each other, respecting the orders of lockdown a.s.o. prescribe forms of behavior strictly opposed to the recommendation of jointness. Cultural and educational structures (kindergartens, schools, universities) do not have further any personal life. Classes are organized only in distance through internet (in so called virtual locations). This again is linked with other forms of life in „Cyberspace“, which serve in a certain way as substitutes for real contacts between humans. It separates everybody from each other. The result may be, in the end, a stereotype, cold and emotionless world, a life in isolation.

Another aspect of the destruction of social life is the State's control and demolition of social and political forms (groups, institutions) of self-organization of their proper interests. During the period of pandemics all kinds of protests by the crowds of workmen were forbidden. One could not see any spectacle of manifestation in the streets in order to make their interests and requirements publicly known. We can observe a loss of solidarity. In sum, we can say that

the present tendencies towards separation, social isolation and, in consequence, other effects (criminality, drug's consumption etc.) are strong enough to divide the population into the most representative classes, where the class of the poor amounts constantly to get repressed by the rich and powerful people. Day by day, as it seems, our town police is going to remove persons from public life (beggars, casuals, madmen living by nothing than garbage — the poorest among the poor!). This is what I meet every day, so to speak, the *real philosophy* whose object and content is the misery of the non-privileged population.

In my special field of research and teaching philosophy the loss of jointness was extremely dramatic because this science lives straightway from international contacts and from the exchange of interests and results of worldwide research. I had, like many of my colleagues, to cancel many journeys already planned for the purpose of international jointness of research studies. One can say that in my research field, the idea of jointness had been practiced with great success, since many decades. Obviously, it cannot be removed from scientific community without destroying the whole academic life. What we register in the moment is jointness negative: everywhere, in each country around the world, we notice failure of jointness in the process of defense of worldwide healthiness against the expansion of the pandemic effects of Covid-19. This is the most discouraging result of recent human development.

В. Л. Ойлер

Федеральный университет
латиноамериканской интеграции
Фос-ду-Игуасу, Бразилия

Как Вы оцениваете состояние (уровень развития и качество) совместности современного человечества в целом и, в частности, той сферы его жизни и культуры, которую исследуете Вы? Какие проблемы сегодня, в XXI в., больше всего осложняют интеграцию людей и групп, стран, регионов и культур, мешают их объединению, единству, солидарности и сплоченности?

Какую роль в Вашей науке и конкретной исследовательской сфере играют и должны играть реальность и идея совместности людей и обществ, их практик и сознаний? Насколько осознанно и последовательно идея совместности (в ее различных поворотах и модусах) интегрирована в мировидение и методологию Вашей науки и конкретной научной темы?

Прежде всего мне хотелось бы сказать, что я не тот, кто мог бы рассказать о реальной ситуации в родной для меня Германии, так как уже много лет живу

в Бразилии. В качестве приглашенного профессора философии я читаю лекции и занимаюсь исследованиями в рамках таких наук, как логика, этика и научное мышление, в Федеральном университете латиноамериканской интеграции, Латиноамериканском институте экономики, общества и политики в Фос-ду-Игуасу, штат Парана. Особое местоположение университета и его ориентация на реальные проблемы Латинской Америки, открывающие его для всех стран континента, дают мне возможность высказывать свое мнение по многочисленным общественным и политическим вопросам, касающимся народов этих стран. Именно из них и набираются молодые люди для получения образования по разным специальностям нашего вуза (не только по философии, но, например, по экономике, математике, инженерному делу, естественным наукам, медицине, социальным наукам и т. д.). Как условие и следствие, во главе университета стоит администрация из представителей двух государств, а обучение организовано на двух языках — испанском и португальском.

С одной стороны, вряд ли возможно на ваши вопросы дать полные и исчерпывающие ответы, потому что анализ и оценка конкретных ситуаций, сред и т. д. в связи с проблемой «совместности» предполагает знание всего географического, культурного и политического горизонта, глядя на который и изучая который мы должны организовывать свою жизнь.

Бразильцы в гораздо большей степени (по крайней мере, большей, чем в Германии и других европейских странах) интересуются социальными контактами (культурными событиями). Можно даже сказать, что они понимают и определяют свою частную и общественную жизнь исключительно в контексте своих отношений с другими. Тем не менее, в этой прекрасной стране также можно наблюдать проявления расизма и дискриминации по отношению к меньшинствам, которые часто сочетаются с насилием по отношению к женщинам, иностранцам и коренным жителям. Такие инциденты провоцируют действия полиции и полувоенных формирований по восстановлению и защите закона и порядка. Наряду с ростом влияния политической власти, можно также указать на усиление тенденции, состоящей в том, что промышленные и денежно-кредитные компании оказывают влияние на частную жизнь граждан и вторгаются в нее.

Все эти тенденции могут быть приняты во внимание при оценке состояния совместности в той мере, в какой они могут считаться признаками деструкции и прекращения социальных отношений. В общем, мы видим, что рост ресурсов и политической власти государства обуславливает ограничение прав граждан как свободных людей. Принимая во внимание тот факт, что бразильцы культивируют сильные чувства, поддерживая патриотический дух, существует реальная опасность того, что они останутся в слепом подчинении дезориентирующей политической власти.

Для того региона, где я живу сейчас, — штата Парана (Южная Бразилия) — традиционной была высокая мобильность людей из соседних стран

(Аргентина, Парагвай). Множество коммерсантов, рабочих и туристов ежедневно пересекали границу Бразилии в обоих направлениях. Сегодня эти посетители остаются у себя дома из-за боязни заразиться вирусом COVID-19, который привел к чрезвычайно опасной ситуации в стране. Очевидно, что все эти потрясения отрицательно сказались на общественной, политической и культурной жизни. Уже простые нормы соблюдения социальной дистанции, добровольного сохранения изоляции и т. д. предписывают поведение, кардинально отличающееся от норм, рекомендуемых совместностью. Культурные и образовательные структуры (детские сады, школы, университеты) не имеют больше собственной жизни. Занятия организованы дистанционно, через Интернет (в так называемых виртуальных участках). Это опять-таки связано с другими формами жизни в «киберпространстве», которые, в каком-то смысле, служат заменой «живым» контактам между людьми. Это отделяет людей друг от друга. Конечным результатом может быть стереотип, моделирующий холодный мир без эмоций, с жизнью в изоляции.

Еще одним аспектом разрушения социальной жизни является контроль государства и уничтожение общественных и политических форм (институтов) самоорганизации собственных интересов различных групп. Во время пандемии все виды протестных акций с толпами участников были запрещены. Никто не видел ни единого уличного зрелища, способного придать широкую огласку интересам и требованиям трудящихся. Мы наблюдаем утерю солидарности. Подводя итоги, можно сказать, что нынешние тенденции к отделению, социальной изоляции и, как следствие, росту других эффектов (криминал, наркомания и т. д.) достаточно сильны, чтобы разделить население на наиболее значительные классы, где класс бедняков неуклонно подвергается репрессиям (угнетению) со стороны класса богатых и влиятельных людей. Кажется, что полиция день за днем «изымает» человека из общественной жизни (попрошайки, поденные рабочие, сумасшедшие, живущие исключительно за счет помоек, — беднейшие из бедных!). Эту картину я вижу каждый день: это, так сказать, реальная философия, чей объект и содержание — бедность непри-вилегированного населения.

В моей специализированной области исследований и преподавания потеря совместности ощущается особенно остро, потому что эта сфера непосредственно «живет» посредством международных контактов и обмена интересами и результатами международных исследований. Мне, как и многим моим коллегам, пришлось отменить множество поездок, которые были спланированы с целью совместности исследований. Можно сказать, что в моей области науки идея совместности практиковалась с огромным успехом десятилетиями. Очевидно, что устранение совместности из научного сообщества приведет к разрушению всей академической жизни. То, что мы сейчас фиксируем, является совместно-негативным: в каждой стране мира

наблюдается провал (неудача) совместности в процессе защиты здоровья мира от вируса COVID-19. Это самый разочаровывающий результат современного развития человечества.

Перевод с английского Н. Н. Шабаловой

Рукопись поступила в редакцию / Received: 19.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Информация об авторе

Ойлер Вернер Людвиг
доктор философии, профессор
Федеральный университет
латиноамериканской интеграции
85.851-190 Бразилия, Центр, Парана,
Фос-ду-Игуасу, ул. Инженера Ребусаса,
809, Империял-отель
E-mail: werner.euler@web.de

Information about the author

Euler, Werner Ludwig
Ph.D., Professor
Federal University for Latin American
Integration
Imperial Hotel Foz, 809 Rua Engenheiro
Rebouças, Foz do Iguaçu-PR, Centro, CEP:
85.851-190 Brazil
E-mail: werner.euler@web.de

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Эстетика о прошлом, настоящем и будущем: из докладов Второго российского эстетического конгресса

ОТ РЕДАКЦИИ

1–3 июля 2021 г. в Екатеринбурге состоялся Второй российский эстетический конгресс, организованный Уральским федеральным университетом имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского гуманитарного института УрФУ) совместно с Российским эстетическим обществом (РЭО). Конгресс стал важным событием в жизни российской эстетики, активизировав деятельность объединенных в РЭО эстетиков по сохранению и усилению авторитета и влияния эстетической мысли в российском обществе. О масштабе и значимости конгресса говорит тот факт, что в нем приняли участие (очно и в онлайн-формате) 238 эстетиков из 28 российских и 5 зарубежных городов, а работу конгресса приветствовал президент Международной эстетической ассоциации М. Шувакович. Подробнее о Втором эстетическом конгрессе и пути российской эстетики к нему говорится в публикуемой в этом номере «Койнона» обзорно-аналитической статье Т. А. Кругловой. А в данном разделе журнала мы размещаем тексты трех прозвучавших на конгрессе докладов — докладов, дающих некоторое представление об интересах и проблемах современной эстетики, ее работе в социокультурно-исторической амплитуде «прошлое — настоящее — будущее». Публикация докладов конгресса будет продолжена.

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.025

УДК 316.343 + 130.123 + 130.3

«ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ» И «ЧЕЛОВЕК МАССЫ» КАК РАЗЛИЧНЫЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Б. В. РейфманРоссийский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация: В статье сопоставляются различные концептуализации того игравшего важнейшую роль в европейской социокультурной реальности XVIII–XX столетий явления общественной жизни, которое, начиная с конца века Просвещения, наполнило новыми смыслами слова «толпа» и «людская масса». В тексте не выделяются отдельные параграфы, однако условно он делится на две примерно равные части. В первой части, привлекая в качестве дополнительного источника, помогающего лучше понять основной предмет, ту главу работы В. Беньямина «Бодлер», которая называется «Фланер», автор на примере рассказа Э. По «Человек толпы» и некоторых критических статей Ш. Бодлера и О. де Бальзака рассматривает рефлексию по поводу феномена толпы в художественной литературе и критике первой половины XIX в. Устанавливается, что уже в этот период «толпа» как определенный феномен реальности получает, можно сказать, противоположные ценностные характеристики. С одной стороны, образы толпы выражают безжизненно-зловещую буржуазную меркантильность, с другой стороны — динамичный, разрушающий любую привычность возвышенный «дух современности», предстающий как явление рождения нового индустриального мира, мира мегаполисов. Эти ранние варианты осмысления «толпы» в художественных произведениях и критике получают продолжение в философско-культурных и социально-психологических концептуализациях конца позапрошлого века. Понятие «человек массы» в «Воле к власти» Ф. Ницше и понятие «человек толпы» в социальной психологии Г. Лебона и Г. Тарда на первый взгляд кажутся почти тождественными. Однако анализ этих понятий показывает, что вписаны они создателями их авторами в совершенно разные контексты, выражающие опять же противоположные, полярные оценки современности. Об этом различии, в первую очередь, свидетельствуют понятия-антиподы «человека массы» и «человека толпы», каковыми являются, соответственно, «сверхчеловек» и «публика».

Ключевые слова: человек толпы, человек массы, публика, сверхчеловек, фланер, буржуазность, социальная философия.

© Рейфман Б. В., 2021

Для цитирования: Рейфман Б. В. «Человек толпы» и «человек массы» как различные концептуализации идентичных социальных феноменов // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 3. С. 14–29. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.025

«MAN OF THE CROWD» AND «MAN OF THE MASS» AS DIFFERENT CONCEPTUALIZATIONS OF IDENTICAL SOCIAL PHENOMENA

B. V. Reifman

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

Abstract: The article compares various conceptualizations of what played an essential role in the European socio-cultural reality of the 18th — 20th centuries, the phenomenon of public life, which, since the end of the Enlightenment, has filled the words “crowd” and “mass of people” with new meanings. The text does not highlight separate paragraphs. However, it consists of two approximately equal parts. In the first part, the author draws on the chapter of V. Benjamin’s work “Baudelaire” called “Flâneur” as an additional source that helps better understand the main subject. Further, on the example of E. Poe “The Man of the Crowd” and O. de Balzac, he examines reflection on the phenomenon of the crowd in fiction and criticism of the first half of the 19th century. In this period, the “crowd” as a particular phenomenon of reality acquires opposite value characteristics. On the one hand, the images of the crowd express a lifeless, sinister bourgeois commercialism. On the other, they depict a dynamic, sublime “spirit of modernity” that destroys any habituality, appearing as a phenomenon of the birth of a new industrial world, the world of megacities. The philosophical-cultural and socio-psychological conceptualizations of the end of the century before last follow these early versions of understanding the “crowd” in fiction and criticism. At first glance, the concept of “mass man” in F. Nietzsche’s “Will to Power” and the concept of “crowd man” in the social psychology of G. Le Bon and G. Tarde seem to be almost identical. However, an analysis of these concepts shows that their authors-creators inscribed them in absolutely different contexts, again expressing polar assessments of modernity. The concepts-antipodes of “man of the mass” and “man of the crowd”, which are, respectively, “superman” and “public” testify to this difference in the first place.

Keywords: a man of the crowd, a man of the mass, public, superhuman, flâneur, bourgeois, social philosophy.

For citation: Reifman, B. V. (2021), ““Man of the Crowd” and “Man of Mass” as Different Conceptualizations of Identical Social Phenomena”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 14–29 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.025

«Этот старик... прообраз и воплощение тягчайших преступлений. Он не может остаться наедине с собой. Это человек толпы. Бесплезно следовать за ним, ибо я все равно ничего не узнаю ни о нем, ни о его деяниях» [По 1979, с. 65], — финальные фразы знаменитой новеллы Э. По «Человек толпы», в которой герой-рассказчик без какой-либо конкретной цели, не обнаруживая себя, идет следом за показавшимся ему странным стариком, свидетельствуют об одновременном с окончанием повествования завершении происходящей в новелле эволюции авторской манеры описания толпы. Контуры озвучиваемого этим безымянным рассказчиком отображения многочисленных прохожих на лондонской улице, довольно четкие в начале, к финалу как будто размываются, и повествование в итоге приходит к тому, что, используя выражение самого автора, можно назвать метафорой порочных секретов, «которые не позволяют себя рассказывать» [Там же, с. 55]. В начале новеллы бесформенная людская масса, кольшущаяся перед рассматривающим ее через большое окно кофейни героем, который еще не отправился в свое путешествие, как бы расчленяется им и распадается на ряд кратко обозначенных социальных типов, некоторые из которых затем дооформляются в духе французского физиологического очерка 1830–1840-х гг.¹ «В племени клерков, которое сразу бросалось в глаза, я различил две характерные категории», — рассказывает герой и далее дает развернутые характеристики внешнего вида «младших писарей сомнительных фирм» и «старших клерков солидных фирм» [По 1979, с. 57]. Но наиболее интересен здесь не столько оформленный ряд этих характеристик, сколько отражающийся в нем образ самого рассказчика, который вполне согласуется с описанным В. Беньямином в книге «Бодлер» фланером, отправляющимся «на асфальтовые мостовые пополнять свой гербарий» и мысленно «обращать бульвар в интерьер» [Беньямин 2015, с. 38–39]. Этот фланер не оставляет «позирующему» ему люду шансов быть чем-то менее законченным, чем уже готовые бездушные вещи. Социальные типы предстают в новелле как объекты, не предполагающие никакой неопределенности, которая бы сулила некое развитие в повествовании или подразумевала варианты читательского домысливания. Однако постепенно герой-рассказчик, наблюдающий за толпой, перестает соответствовать определяющим фланера признакам. Можно предположить, что сначала его доминирующее состояние было предопределено актуальной для XIX в. позицией зрителя, на глазах у которого вместе с индустриальной эпохой рождаются мегаполисы и перманентно остраняется все привычное. Именно такое состояние как раз и превращало завсегдатая улиц и пассажей во фланера, наслаждающегося новизной городского пространства и той доселе неведомой горожанам динамикой, которая,

---

¹ Физиологический очерк — жанр эссеистики, возникший во Франции во второй половине 1830-х гг. и предшествовавший рождению критического реализма.

по-видимому, формировала совершенно новое «внутреннее время» жителя мегаполиса. Как и авторы физиологических очерков и многие другие его современники, фланер испытывал то визуальное удовольствие, которое и выражалось в непреодолимом желании выстраивать осязаемые и вербализуемые ряды типов людей-вещей, людей-объектов. Но далее в рассматриваемом нами повествовании намечается совсем другая линия: внутреннее состояние фланера, передаваемое посредством описания зрелища лондонской толпы, вытесняется тревожащей аморфной неопределенностью, свидетельствующей, скорее, о воздействии на рассказчика той энтелехии толп, которая смутно проступает в пестроте людской массы как некая ее зловещая потенциальность. Ощущение этой недоброй потенциальности, таящейся в толпе на улице большого города, усиливается тем, что По, как пишет в «Бодлере» Беньямин, «выражает безнадежную изолированность людей в их частных интересах не через различия в их действиях... а через неупорядоченное однообразие... Готовность, с которой получившие в толпе толчок еще и извиняются, дает указание на то, откуда берутся средства, используемые По. Они происходят из клоунского репертуара. И он использует их так же, как позднее их будут использовать актеры-эксцентрики <...> Люди ведут себя у По так, словно они в состоянии выполнять только рефлекторные движения» [Беньямин 2015, с. 57]. Такой образ «человека-вещи» здесь совершенно не похож на те объективации, о которых речь у нас шла в связи с физиологическими очерками. Этот образ у По созвучен теме «неживой жизни» в европейской и американской литературе. В статье «Куклы в системе культуры» Ю. Лотман пишет, что «в конце XVIII века Европу охватило повальное увлечение автоматами. Сконструированные Вокансоном куклы сделались... образом мертвого движения. Поскольку это время совпало с расцветом бюрократической государственности, образ наполнился социально-метафорическим значением... мертвой машинной жизни. Это определило вспышку мифологии куклы в эпоху романтизма» [Лотман 1992]. После Великой французской революции «кукольная» тема использовалась романтиками, в первую очередь немецкими, для создания сатирического гротеска, отвергавшего, как отмечает в «Драме немецкого романтизма» А. Карельский, «разнузданное общество» поздне-просвещенческой и пост-просвещенческой Европы с его «грубыми и беззаконными инстинктами» [Карельский 1992, с. 26]. Проясняя причинно-следственные связи между первыми «повседневными» итогами французской революции и немецким романтизмом, Карельский отмечает, что романтики «возненавидели буржуа, узурпировавшего свободу, и в качестве защитной реакции взвинтили свое понятие свободы до абсолюта, обожествовали человека духа, гения в противовес человеку массы, буржуа, филистеру» [Там же]. Филистерский же характер нарождавшегося буржуазного мира, чуждого поэзии и художественному мироощущению, в романтизме, прежде всего у Э. Т. А. Гофмана, как раз и выражался в образах механических кукол. Вот

и у По та «кукольность», которая проступает в описании толпы, сменяя по ходу развития сюжета объективацию социальных типов, передававшую видение героя-рассказчика в начале новеллы, указывает на романтический антибуржуазный пафос автора, противоположный благодушному настроению фланера, приветствующего наступление новой эпохи и получающего визуальное удовольствие от наблюдения за ее приметам.

Двойственность в отношении к человеку толпы и к ее наблюдателю, которые, с одной стороны, утверждаются как зримый объект, представляющий совершенно новый мир мегаполиса, и как зритель этого объекта, а с другой стороны, отрицаются с антибуржуазной позиции, объединяла многих современников По. Причем если у американского писателя, как и у европейских «чистых» романтиков, эти оценки были резко дифференцированы и составляли бинарную оппозицию, ибо «прозаическое», как правило утилитарное, видение реальности такой, «как она есть», и ее гротесковое видение характеризовали, соответственно, буржуа и Поэта, то, например, в критических статьях Ш. Бодлера разделить данные точки зрения гораздо сложнее. Бодлер был солидарен с негативным отношением романтиков к буржуазности, понимавшейся им, прежде всего, как свойственное «усредненному» человеку его времени определенное восприятие искусства. Это, по мнению французского поэта и критика, все более утверждавшееся в общественном сознании восприятие было обусловлено не тем, что мы, домысливая позицию Бодлера, можем соотнести с понятием И. Канта «рефлектирующая способность суждения», не даром эстетического восприятия, источник которого — в ноуменальной глубине личности и причастен «лишь к идеям разума» [Кант 1994, с. 115], а склонностью к навязанным извне и, в конечном итоге, как правило, утилитарным ценностям. Бодлер выдвигал в адрес современного ему буржуазного «идолопоклонства толпы» обвинение в подразумеваемом отрицании ведущей роли воображения художника слепом подчинении приоритету точного воспроизведения природы, который, как он полагал, возник вслед за модой на дагерротипию. «В наше прискорбное время родился новый вид техники, который немало способствовал внедрению... нелепых понятий и уничтожению остатков возвышенного в мироощущении французов. В своем идолопоклонстве толпа создала достойный себя... идеал. В живописи и ваянии нынешнее *кредо* широкой публики, особенно во Франции... таково: “Я верю в природу и только в нее одну... Я считаю, что искусство есть не что иное, как точное воспроизведение природы” <...> Некий мстительный бог выполнил пожелания толпы. Ее мессией стал изобретатель Дагерр» [Бодлер 1986а, с. 188]. Очевидное в этом высказывании бодлеровское неприятие фотографии, конечно же, не учитывает ее более поздний опыт, связанный, в частности, с творчеством Надара, с его «моральным пониманием» фотографируемого объекта, заключающимся в том «мгновенном чувстве, которое позволяет вам добиться не безразличной

пластической репродукции, банальной и случайной... но наиболее полного и искомого сходства, интимного сходства» (цит. по: [Ямпольский 1993, с. 16]). Атакует здесь Бодлер, очевидно, и тот наиболее распространенный после 1835 г. некритичный по отношению к реальности вариант физиологического очерка, о котором речь шла выше и в близком родстве с которым состояли визуальные практики фланера.

Но в то же время в «Обращении к буржуа», с которого начинается брошюра «Салон 1846 года», Бодлер пишет: «Вас большинство — и числом и способностями, — за вами сила и, следовательно, право <...> Подобно тому как своей политической деятельностью вы расширили права и приумножили народные блага, так и в области искусства вы способствовали более широкому приобщению публики к художественным ценностям» [Бодлер 1986b, с. 61–62]. А в статье «Поэт современной жизни», посвященной высоко ценимому им творчеству французского художника Константина Гиса, читаем: «Толпа — его стихия, так же как воздух — стихия птиц, а вода — стихия рыб. Его страсть и призвание в том, чтобы слиться с толпой. Бескорыстно любознательный человек, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, с ее суетой, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью» [Бодлер 1986с, с. 290]. Выражение стихии толпы в живописи Гиса, испытывающего наслаждение от слияния с ней, согласно Бодлеру, «преследует цель более высокую, нежели та, к которой влеком праздный фланер, и более значительную, чем быстротечное удовольствие минутного впечатления. Он ищет нечто, что мы позволим себе назвать *духом современности*...» [Там же, с. 291–292].

Сопоставляя эти представленные в критических статьях Бодлера и кажущиеся противоположными друг другу варианты видения толпы, можно предположить, что ее понятие у него, неотделимое, как мы видим из приведенных цитат, от понятий «публика» и «людская масса», подразумевает два различных смысла. Первый из них указывает, по мнению Бодлера, на все более доминирующее во французском обществе большинство людей, склонных к «идолопоклонству», к неким общим ценностям, выбор которых, с бодлеровской точки зрения, конечно же не совпадающей с мнением о себе самих этих людей, не является их личным выбором. Это ситуация, когда не ты осознанно выбираешь нечто «общепринятое», а как бы «общепринятое», не раскрываясь перед тобой в таком качестве, выбирает тебя и способствует твоему пребыванию в комфортной социальной позиции, которая, с одной стороны, позволяет видеть себя не аутсайдером, не маргиналом, с другой стороны — так как этот «твой» выбор совпадает со вкусами уважаемой публики — приобщает тебя к понимаемой определенным образом «элитарности».

Во втором же смысле «толпа» предстает у Бодлера как некая сущность его исторического времени, как то, в чем выражается *дух современности*. Конечно,

не может быть никакого «духа современности» без определенного понятия «истории». По словам Р. Козеллека, «история как общее понятие, как условие, делающее возможным опыт прошлого и ожидание будущего, — понятийное достижение философии Просвещения. Лишь начиная примерно с 1780 года, появляется “история в общем смысле”, “история сама по себе”, “просто история”: с помощью различных пояснений это новое, самодостаточное понятие отделялось от привычных “историй”» [Козеллек 2004]. Этот второй смысл «толпы» как раз и очерчивает в так понимаемой истории (в других своих статьях Козеллек называет ее Историей) «современность» как некий «дух времени», предопределяющий «опыт прошлого и ожидание будущего». Бодлеровский «дух современности», как нам представляется, совпадает с тем «скрытым смыслом» «основ социальных явлений», о котором говорит в «Предисловии к “Человеческой комедии”» старший современник Бодлера О. Бальзак: «... писатель мог бы стать более или менее точным... удачливым, терпеливым или смелым изобразителем человеческих типов, повествователем интимных житейских драм, археологом общественного быта, счетчиком профессий... но чтобы заслужить похвалы... мне нужно было изучить основы... этих социальных явлений, уловить скрытый смысл огромного скопища типов, страстей и событий... Изображенное так общество должно заключать в себе смысл своего развития» [Бальзак 1982]. Размышляя над этими словами Бальзака, мы можем предположить, что они как бы схватывают движение французской, и в целом европейской, литературы от физиологического очерка к реалистическому методу с его стремлением не столько к объективирующей фиксации внешних автору событий и социальных типов, сколько к поиску «скрытого смысла» эпохи, по-другому называемого Бальзаком «социальным двигателем» [Там же]. И здесь самое важное, вероятно, заключается в том, что в отличие от романтиков, которые, критикуя толпу, отделяли себя от нее, возвышались над ней, и Бодлер, говоря о духе современности, и Бальзак, говоря об «основах социальных явлений» как о некоем «скрытом смысле» своего времени, мыслили себя в слиянии с толпой, ибо без такого слияния дух современности как живую, а не «объективированную», сущность эпохи ни уловить, ни выразить невозможно.

Именно это различие образов толпы в литературных и критических текстах, авторы которых мыслят себя либо «возвышающимися над ней», либо «сливающимися с ней», дает один из основных ориентиров нашим дальнейшим рассуждениям. Их темой будут «человек массы» и «человек толпы», прежде всего уже как определенные теоретические концепты, рождавшиеся на рубеже XIX и XX вв. как «завершающие» (в том смысле данного понятия, который подразумевался М. М. Бахтиным) европейское Новое время культурологические обобщения.

В качестве своего рода «пролога» к концептуализации «человека массы», по-видимому, следует рассматривать начало формирования

в интеллектуальной культуре позднего Просвещения философии немецкого идеализма. Конечно, в этом смысле можно говорить и о каких-то других моментах европейской истории культуры, прежде всего о древнегреческих архаике и классике, когда складывалась оппозиция между «логосом» и «доксой», когда Платон разделил людей на философов и всех остальных, предоставив именно философам доступ к высшим формам анамнесиса, к памяти, которая, как сказано в «Федре», обращена на то, «чем божественен Бог» [Платон 1993, с. 158]. Однако именно на рубеже XVIII и XIX столетий способностью к усмотрению того, «чем божественен Бог», которая отличала избранных от всех остальных, становится способность создавать и воспринимать истинные произведения искусства. Как отмечает в «Истине и методе» Х.-Г. Гадамер, «трансцендентное оправдание эстетической способности суждения обосновало автономию эстетического сознания, которая смогла способствовать и легитимации исторического сознания» [Гадамер 1988]. В данный момент мы не будем касаться интереснейшей проблемы этой связи эстетического и исторического сознаний, идея которой восходит, по-видимому, к двум линиям развития кантовского трансцендентализма: шиллеровской и шлейермахеровской. Отметим лишь, что именно концептуализация «эстетической способности суждения» примерно на полтора столетия очертила границы той «элитарности», без которой не могли бы родиться концепции «массового человека».

Этот, как его называет Гадамер, «эстетический поворот» [Гадамер 1988], был предопределен той смысловой трансформацией, которую претерпели в философии Канта мало отличавшиеся друг от друга на протяжении большей части XVIII в. понятия «здравый смысл», «здравый рассудок», «моральное чувство» и «способность к суждению». Все эти понятия, как сказано в гадамеровском *magnus opus*, восходили к толкованию «гражданского нравственного бытия» [Там же] гуманистами итальянского Возрождения, а это толкование, в свою очередь, опиралось на древнеримских классиков, в частности на М. Аврелия [Там же]. В эпоху Просвещения данные понятия указывали на «единство общего разума» как на определенный уровень изначально внеположного каждому отдельному индивиду цивилизационного единства и выражались в нерелефлируемом различии правильного и неправильного, которые были тождественны, соответственно, практически понимаемым годному и негодному. Как пишет Кант, «единство общего разума» постепенно все менее отделялось от «эмпиризма практического разума, усматривающего практические понятия доброго и злого только в эмпирических результатах» (цит. по: [Там же]). Кант же, как известно, подразумевает совсем другой, ноуменальный в своих истоках, самозаконотворительный, т. е. не связанный ни с какими внешними обуславливающими обстоятельствами, «практический разум» и соответствующую ему «способность суждения» и, таким образом,

противопоставляет их просвещенческому «здравому рассудку». Когда же после Шиллера и йенских романтиков в качестве доминирующей ценностной формы деятельности самозаконодательного разума утверждается деятельность эстетическая, в новоевропейской культуре как раз и происходит отмеченный выше «эстетический поворот».

Притом что слова «масса» и «массовый человек», как и родственное им по смыслу слово «толпа», использовались задолго до романтиков, а после заката романтизма как доминирующего мировоззрения оставались актуальными на протяжении всего XIX столетия, как таковая концептуализация «человека массы» произошла лишь на исходе позапрошлого века. Именно тогда в различных направлениях формировавшейся философии жизни началось нарастание иррационалистского противодействия эволюционистским, прежде всего социально-дарвинистским, социологическим установкам. Данные установки примерно за пять десятилетий до начала этого иррационалистского противодействия им возвратили Художника на землю, т. е. отвергли отчуждение приверженного им автора (художника в широком смысле слова) от изображаемой социальной реальности. Это означает, что в 1830–1840-х гг., т. е. в период складывания социологии как науки, вновь, в определенном смысле, заняли высокую позицию в ценностной иерархии просвещенческие идеалы «здравого рассудка» и «единства общего разума», за которыми, в свою очередь, проглядывала ценность «внешне» обусловленного, социально детерминированного существования homo oeconomicus. Рассудок и действия homo oeconomicus, с точки зрения иррационалистских философских течений, не укорененные в его «внутренней», «жизненной», самости, и его сторонниками, и его критиками полагались тотально предопределенными стремлением адаптироваться к социальным нормам и обстоятельствам. Именно такой человек назван в «Воле к власти» Ф. Ницше «человеком массы». Данный человеческий тип, вероятно, актуален в любое историческое время, однако, подчеркнем еще раз, концептуализирован он был именно в конце XIX в. как серьезная угроза новоевропейским личностным ценностям, как, по довольно грубому выражению Ницше, «(“стадо”, “масса”, “общество”), низший вид, который разучился скромности и раздувает свои потребности до размеров космических и метафизических ценностей. Этим, — продолжает немецкий философ, конечно же, мыслящий свою собственную позицию расположенной высоко над “массой”, — вся жизнь вульгаризуется: поскольку властвует именно масса, она тиранизирует исключения, так что эти последние теряют веру в себя и становятся нигилистами» [Ницше 1910, с. 20]. И предreshена такая позиция Ницше была, в первую очередь, тем, что как раз тогда европейские, прежде всего немецкие, интеллектуалы-гуманитарии отчетливо почувствовали реальную опасность, угрожавшую, по гораздо более позднему выражению Ю. Хабермаса, «своеволию эстетического» [Хабермас 1992,

с. 46], т. е., с их точки зрения, высшей новоевропейской ценности. Именно в конце XIX в., когда практически одновременно с понятием «массовый человек» появляется и слово «китч», концептуализируется оппозиция между элитарным и массовым сознаниями.

Слово «масса» в качестве одного из имен определенного социального феномена окончательно отделилось от бытового использования и использовалось в художественной литературе и критике и утвердилось в философии и гуманитарных науках, по-видимому, лишь после выхода в начале 1930-х гг. знаменитого эссе Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» и книги К. Ясперса «Духовная ситуация времени». Однако смысловые эманации, исходившие из «Воли к власти», с большой активностью начали воздействовать на гуманитарное сознание с первых же десятилетий XX в. А в самом конце XIX в., после того как вышли работы французских социальных психологов Г. Лебона и Г. Тарда, было концептуализировано и понятие «толпа» и, можно сказать, началась и его новая, теоретическая, жизнь.

Сам же тот «опыт», который на рубеже позапрошлого и прошлого веков спровоцировал эти, сосредоточенные в понятиях «масса» и «толпа», его концептуализации, явился, как пишет автор книги «Век толп» С. Московичи, «симптомом какого-то нового состояния человечества» [Московичи 2011, с. 26]. Ибо, по словам Московичи, «... вплоть до современной эпохи... толпы появлялись спорадически и играли лишь второстепенную роль. Они... не представляли особой проблемы и не нуждались в специальной науке. Но с того момента, когда они становятся расхожей монетой, ситуация меняется. Если верить Лебону, такая возможность толп влиять на ход событий и на политику... является новшеством в истории» [Там же].

Но *одно и то же* ли «новшество в истории», наблюдая толпы и массы людей, имели в виду французские социальные психологи и Ницше?

Положительным ответ на этот вопрос будет лишь в том случае, если существенные характеристики субъектов, конституированных концептами «толпа» и «масса», можно привести к определенному тождеству. И те описания и дефиниции, которые мы находим, с одной стороны, у основателей социальной психологии Лебона и Тарда, с другой стороны, у Ницше, как будто позволяют говорить о возможности такого отождествления. Эту возможность предоставляет, например, общая для Лебона и Тарда характеристика *человека толпы* как индивида, фанатично утверждающего себя в некой, якобы распознанной его собственным умом «большой» идее, но в то же время испытывающего непреклонную «потребность в каком-то образце» [Московичи 2011, с. 8]. Такая характеристика очень похожа на ницшевское описание в «Воле к власти» *человека массы* как индивида, который «видит в середине и среднем нечто высшее и наиболее ценное» и при этом вовсе не опровергает того, что «все мы жаждем отличия» [Ницше 1910, с. 102]. Более того, рождение феномена

человека массы вписывается Ницше в определенный культурно-исторический контекст. Он полагает, что возникновение этого феномена является одним из финальных моментов в развитии европейской культуры, которое еще в древнегреческой античности обрело свою субстанциальную, по-разному осуществлявшуюся в разные века интенцию — склонность к «*полаганию ценностей*», превратившуюся в Новое время в желание существования в *очерченном круге фиксированных идеологических ценностей*². Это время «немощи власти» или, по-другому, утверждения власти массы, которая отчуждается от перманентного «возрастания» или «самопревозмогания» [Хайдеггер 1993, с. 66] и реализует волю к обустройству «на какой-то ступени» [Там же, с. 65]. *Массовость*, таким образом, понимается немецким философом как то *властное* воплощение «немощи власти», которое, будучи одним из *финальных состояний доминирующей европейской культуры*, состоянием *потребности в идеологии*, было «запрограммировано» еще в момент ее, этой *доминирующей* европейской культуры, возникновения.

Отмеченные признаки «толпы» и «массы», совершенно новые по причине их непричастности к таким более ранним обозначениям «того же самого», как «чернь» или «плебс», вполне «уравняются» друг с другом тем «третьим смыслом», который может быть определен как склонность индивида к особому рода агрессивно-наступательному групповому существованию, неотделимому от добровольного подчинения некой «внешней» идее, идентифицируемой, однако, как «своя собственная» идеологическая позиция [Рейфман 2015, с. 141].

Однако именно первые социально-психологические концепции этого «новшества в истории» стояли у истоков той традиции, которая позже, вписавшись в коммуникативную парадигму, вступила в конфронтацию с *философско-культурной* линией понимания данного феномена, как раз и связанной с ницшевским концептом «человека массы». Ведь понятие «масса» у Ницше или Ортеги-и-Гассета, так же, например, как хайдеггеровские понятия «неподлинного бытия» и *Das Man*, очень далеки от бинарно-оппозиционного сосуществования с понятием «публика», указывающим в социально-психологической теории Тарда на позитивную, «правильную», форму коммуникации, к которой, очевидно, причастен, по его мнению, и сам Тард и которая противоположна негативной форме коммуникации, подразумеваемой понятием «толпа».

Деятельность того индивида, которого Тард называет «человеком толпы», начиная с Великой французской революции, была связана со стремлениями

---

² Подробнее я писал об этом в статье «Сумеречная сова, возвестившая ужас полудня (о понятии Ф. Ницше “масса”, его истолковании М. Хайдеггером и некоторых других концептуализациях подразумеваемого данным понятием феномена)» [Рейфман 2015, с. 143–144].

к политической, прежде всего классовой, борьбе, к установлению гражданских прав и свобод, к партийному строительству в Западной Европе середины XIX в. После июньских событий 1848 г. эти стремления обрели свои отчетливые формулировки, например в неизданном, но хорошо известном историкам «Манифесте» А. Токвиля или в работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» [Калхун 2012, с. 144–145]. «Человек толпы» рождается у Тарда как, можно сказать, негативное обобщение определенных форм сопричастности французов всем этим историческим событиям и определяется им как индивид, испытывающий необходимость быть рядом с другими не в переносном, а в буквальном смысле, участвуя в форме манифестации, забастовки, борьбы на баррикадах и т. п. в некоем общем деле, прежде всего в революционной деятельности. Но Тард обнаруживает во французской реальности конца XIX в. и другую, гораздо более привлекательную для него, форму коллективистского существования, с которой он и связывает понятие «публика». Тардовскую «публику» образует «страсть к злободневности», выражающаяся в необходимости «периодической, в особенности же ежедневной, прессы» [Тард 2015, с. 4] Такая «публика», по словам Тарда, «в специальном смысле начинает обрисовываться с того... момента, когда люди, преданные одной и той же науке, стали слишком многочисленны... чтобы лично сноситься друг с другом, и... завязывающиеся между ними узы солидарности утратили личный характер» [Там же, с. 7–8]. Понятие «публика» указывает здесь на обозначившуюся после изобретения книгопечатания и уверенно заявившую о себе в эпоху Просвещения склонность общества к совершенно новому в истории типу коммуникации, говоря языком современным, к коммуникации медийной. Эта склонность в данном случае, во-первых, означает связанность через периодическую печать и, позже, через другие средства массовой информации, множества незнакомых друг с другом индивидов общей информированностью о текущих событиях, разрозненных, можно даже сказать «хаотичных», но одних и тех же для всех. Во-вторых, подразумеваемая склонность предполагает в качестве определенной ценности такую коммуникацию специалистов-профессионалов или людей, имеющих одинаковые увлечения, которая без какого-либо личного общения происходит через посредство специализированной прессы. Причем, отметим еще раз, эта свойственная «публике» коммуникация, выдвигающая лидеров общественного мнения и объединяющая узких специалистов, рассматривается Тардом именно как определенная социальная ценностная установка, противоположная, по его мнению, ценностям «человека толпы».

Для Ницше же, как и для его последователей, концепт «человек массы» конституировал такую форму буржуазного существования, которая, в силу своей внешней, социально обусловленной предопределенности, меняя обличья, в равной степени была свойственна как «человеку толпы», так и тардовскому «человеку публики». «Человеку массы» у Ницше противостоит

не «публика», а «сверхчеловек», форма жизни которого истолковывается М. Хайдеггером в «Европейском нигилизме» как самодостаточная в своей перманентно-процессуальной неокончателности, универсалистски ориентированная реализация субстанциальной европейской склонности к «полаганию ценностей». Ницшевский «сверхчеловек», таким образом, отвергает и какую бы то ни было результативно-устанавливающую, фиксированную идеологию и, как представляется, родственной этой потребности в идеологии приоритет узкоспециализированного существования.

Подразумевавшийся Тардом коммуникативный контекст, захвативший интеллектуальную власть в эпоху новых и новейших медиа с их влиятельнейшей глобальной установкой на то, что *the medium is the message*, а по существу возвративший тотальное доминирование социологической парадигмы, стал одним из главных факторов отмирания того варианта оппозиции элитарности и массовости, который на рубеже XVIII и XIX столетий родился вследствие «эстетического поворота». А вместе с исчезновением этой оппозиции утратил свою актуальность и концепт «массового человека». «Подлинность» превратилась в «жаргон подлинности» (выражение Т. Адорно), упразднилась сама возможность смысла как бытийной истины, слово «эссенциализм» стало почти ругательным, а стремление приспособляться к социальным нормам и обстоятельствам, слившееся с приоритетом коммуникативности, вновь стало доминирующей ценностью, само собой разумеющейся практической установкой. Эта установка закрепились как *прагматистская истина* в социальном конструктивизме, в частности в его наиболее радикальной форме — телесно ориентированном конструктивизме Ф. Варелы и У. Матураны. Одним из главных же ориентиров в искусстве, как для его создателей, так и для реципиентов, стали приоритеты самодостаточной гаптической аффективности, которая, в отличие от аффективности произведений искусства эпохи «своеволия эстетического», перестала служить слову.

Можно сказать, таким образом, что на рубеже XIX и XX столетий понятия «масса» и «толпа» и соответствовавшие им понятия «человек массы» и «человек толпы» претерпели определенную смысловую трансформацию. Широко использовавшиеся начиная с позднего Просвещения в повседневной жизни почти как синонимы, а в первой половине XIX в. ставшие знаками той художественной рефлексии, которая родилась вместе с индустриальной эпохой и мегаполисами, эти понятия теперь превратились во влиятельные философские и социально-психологические концепты, совершенно по-разному осмыслившие социальную реальность и совершенно по-разному воздействовавшие на нее.

Список литературы

- Бальзак 1982 — *Бальзак О.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 : Человеческая комедия ; Предисловие к «Человеческой комедии» ; Этюды о нравах ; Сцены частной жизни / пер. с фр. Н. Г. Яковлевой ; под общ. ред. Н. Балашова и др. М. : Художественная литература, 1982. 671 с.
- Беньямин 2015 — *Беньямин В.* Бодлер / пер. с нем. С. Ромашко. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.
- Бодлер 1986a — *Бодлер Ш.* Салон 1859 года / пер. с фр. Н. И. Столяровой, Л. Д. Липман // Бодлер Ш. Об искусстве / сост. Ю. Н. Стефанов, А. Д. Чегодаев. М. : Искусство, 1986. С. 181–240.
- Бодлер 1986b — *Бодлер Ш.* Салон 1846 года / пер. с фр. Н. И. Столяровой, Л. Д. Липман // Бодлер Ш. Об искусстве / сост. Ю. Н. Стефанов, А. Д. Чегодаев. М. : Искусство, 1986. С. 61–129.
- Бодлер 1986c — *Бодлер Ш.* Поэт современной жизни / пер. с фр. Н. И. Столяровой, Л. Д. Липман // Бодлер Ш. Об искусстве / сост. Ю. Н. Стефанов, А. Д. Чегодаев. М. : Искусство, 1986. С. 283–315.
- Гадамер 1988 — *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М. А. Журиной, С. Н. Земляного, А. А. Рыбакова и др. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
- Калхун 2012 — *Калхун К.* Классическая социальная теория и Французская революция 1848 года / пер. с англ. Р. Сафронова // Логос. 2012. № 4 (88). С. 143–171.
- Кант 1994 — *Кант И.* Критика способности суждения / пер. с нем. Н. М. Соколова. М. : Искусство, 1994. 367 с.
- Карельский 1992 — *Карельский А. В.* Драма немецкого романтизма. М. : Медиум, 1992. 335 с.
- Козеллек 2004 — *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») [Электронный ресурс] / пер. с нем. М. Мироновой // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni> (дата обращения: 27.02.2015).
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Куклы в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 377–380.
- Московичи 2011 — *Московичи С.* Век толп: исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М. : Академический проект, 2011. 396 с.
- Ницше 1910 — *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 9 : Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888) / под ред. Г. Рачинского, Я. Бермана ; пер. под общ. ред. проф. Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского и др. М. : Московское книгоиздательство : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1910. xxxiv, 362 с.
- Платон 1993 — *Платон.* Федр / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1993. С. 135–191.
- По 1979 — *По Э.* Человек толпы / пер. с англ. М. Беккер // По Э. Рассказы / пер. с англ. Э. Березиного, Н. Галья, М. Беккер и др. ; предисл. А. Николюкина. Ижевск : Удмуртия, 1979. С. 55–65.
- Рейфман 2015 — *Рейфман Б. В.* Сумеречная сова, возвестившая ужас полудня (о понятии Ф. Ницше «масса», его истолковании М. Хайдеггером и некоторых других концептуализациях подразумеваемого данным понятием феномена) // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 139–149.
- Тард 2015 — *Тард Г.* Общественное мнение и толпа / пер. с фр. под ред. П. С. Когана. Изд. 2-е. М. : Ленард, 2015. 208 с.
- Хабермас 1992 — *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект / пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. С. 63–176.
- Ямпольский 1993 — *Ямпольский М. Б.* Видимый мир. Очерки ранней кинофеноменологии. М. : НИИ киноискусства : Центральный музей кино : Международная киношкола, 1993. 216 с.

References

- Balzac, H. (1982), *Sobranie sochineniy, v 10 tomakh. Tom 1, Chelovecheskaya komediya, Predislovie k «Chelovecheskoi komedii», Etyudy o nrvakh, Stseny chastnoi zhizni* [Collected Works, in 10 vols, Vol. 1, Human Comedy, Preface to The Human Comedy, Studies on morals, Private scenes], translated by Yakovleva, N. G., Khudozhestvennaya literature, Moscow, 671 p. (in Russian).
- Baudelaire, Ch. (1986a), “Salon de 1859”, translated by Stolyarova, N. I. and Lipman, L. D., in Baudelaire, Ch., *Ob iskusstve* [About Art], Iskusstvo, Moscow, pp. 181–240 (in Russian).
- Baudelaire, Ch. (1986b), “Salon de 1846”, translated by Stolyarova, N. I. and Lipman, L. D., in Baudelaire, Ch., *Ob iskusstve* [About Art], Iskusstvo, Moscow, pp. 61–129 (in Russian).
- Baudelaire, Ch. (1986c), “Le poète de la vie moderne”, translated by Stolyarova, N. I. and Lipman, L. D., in Baudelaire, Ch., *Ob iskusstve* [About Art], Iskusstvo, Moscow, pp. 283–315 (in Russian).
- Benjamin, W. (2015), *Baudelaire*, translated by Romashko, S., Ad Marginem Press, Moscow, 224 p. (in Russian).
- Calhoun, C. (2012), “Classical social theory and the French revolution of 1848”, translated by Safronov R., *Logos*, no. 4 (88), pp. 143–171 (in Russian).
- Gadamer, H.-G. (1988), *Wahrheit und methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, translated by Zhurinskaya, M. A., Zemlyanoi, S. N., Rybakov, A. A. and Burova I. N., Progress, Moscow, 704 p. (in Russian).
- Habermas, Ü. (1992), “Die Moderne — ein unvollendetes Projekt”, translated by Grigor’ev, A. B., *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 40–52 (in Russian).
- Heidegger, M. (1993), “Der europäische Nihilismus”, in Heidegger, M., *Vremya i bytie. Stat’i i vystupleniya* [Time and being. Articles and speeches], translated by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, pp. 63–176 (in Russian).
- Kant, I. (1994), *Kritik der Urteilskraft*, translated by Sokolov, N. M., Iskusstvo, Moscow, 367 p. (in Russian).
- Karel’skii, A. V. (1992), *Drama nemetskogo romantizma* [Drama of German Romanticism], Medium, Moscow, 335 p. (in Russian).
- Koselleck, R. (2004), “Über die Verfügbarkeit der Geschichte (In: Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten)”, translated by Mironova, M., *Otechestvennye zapiski*, no. 5, available at: <https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni> (accessed 27 February 2015) (in Russian).
- Lotman, Yu. M. (1992), “Dolls in the cultural system”, in Lotman, Yu. M., *Izbrannye stat’i, v 3 tomakh. Tom 1, Stat’i po semiotike i tipologii kul’tury* [Selected articles, in 3 vols, Vol. 1, Articles on semiotics and typology of culture], Aleksandra, Tallin, pp. 377–380 (in Russian).
- Moskovici, S. (2011), *L’âge des foules*, translated by Emel’yanova T. P., Akademicheskii proekt, Moscow, 396 p. (in Russian).
- Nietzsche, F. (1910), *Polnoe sobranie sochinenii, v 10 tomakh. Tom 9, Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostei (1884–1888)* [Complete works, in 10 vols, Vol. 9, The Will to Power. The Experience of Reevaluation of All Values (1884–1888)], translated by Zelinskii, F., Frank, S., Rachinskii, G. and Berman, Ya. (eds.), Moskovskoe knigoizdatel’stvo, Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson, Moscow, xxxiv, 362 p. (in Russian).
- Plato (1993), “Phaedrus”, translated by Egunov, A. N., in Plato, *Sobranie sochinenii, v 4 tomakh. Tom 2* [Collected works, in 4 vols, Vol. 2], Mysl’, Moscow, pp. 135–191 (in Russian).
- Poe, E. (1979), “The Man of the Crowd”, translated by Bekker, M., in Poe, E., *Rasskazy* [Stories], Udmurtiya, Izhevsk, pp. 55–65 (in Russian).
- Reifman, B. V. (2015), “Twilight owl, announcing the horror noon (Nietzsches concept of the ‘mass’, its interpretation M. Heidegger and some other conceptualization this notion implied phenomenon)”, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 139–149 (in Russian).
- Tarde, G. (2015), *L’opinion et la foule*, translated by Kogan, P. S., 2nd ed., Lenard, Moscow, 208 p. (in Russian).

Yampol'skii, M. B. (1993), *Vidimyi mir. Ocherki rannei kinofenomenologii* [The visible world. Essays on Early Cinema Phenomenology], Cinema Research Institute, Central Film Museum, International Film School, Moscow, 216 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 8.11.2021

Информация об авторе

Рейфман Борис Викторович
кандидат культурологии, доцент
Российский государственный
гуманитарный университет
125047, Россия, Москва, ГСП-3,
Миусская площадь, 6
E-mail: brejfman@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1915-7609

Information about the author

Reifman, Boris Viktorovich
Cand. Sci. (Cultural Studies), Assistant
Professor
Russian State University for the Humanities
6 Miuskaya square, GSP-3, Moscow,
125047 Russia
E-mail: brejfman@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1915-7609

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА ИСКУССТВ В ЭСТЕТИКЕ

Е. Н. Устюгова

Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Цель работы — анализ эволюции проблемы синтеза искусств в эстетике XIX–XX вв., выявление внутренней логики исторического развития концептов синтеза искусств в эстетической теории и художественной практике: в романтизме, символизме, раннем русском авангарде (метафизическом), в различных вариантах (жизнестроительных) европейского авангарда: дадаизме, Баухаузе, футуризме. Проводится их сравнение с современными подходами. В результате анализа делается вывод, что рассмотренные стратегии художественного синтеза объединяет принадлежность к одной культурной парадигме, согласно которой искусство хочет быть больше, чем искусство, активно вмешиваясь в жизнь человека и общества. Различия в подходах к проблеме художественного синтеза в европейской культуре XIX–XX и XXI вв. связаны с комплексом решаемых проблем. Прежде всего, с направленностью осуществления синтеза — либо на установление гармонии между художественным сознанием и бытием, либо на преобразование социальной реальности, либо на удовлетворение потребности человека в самоутверждении. Эта целенаправленность определяет и сферу осуществления художественного синтеза — в сознании, в языке, в социальной или антропологической практике. В современных разработках проблемы художественного синтеза продолжается исследование новых потенциалов вовлечения искусства в жизненную реальность, включения в художественно-эстетическую коммуникацию активного реципиента как соучастника художественного события.

Ключевые слова: синтез искусств, синестезия, гармония, жизнестроение, творчество, язык, эстетическая коммуникация.

Для цитирования: Устюгова Е. Н. Эволюция проблемы синтеза искусств в эстетике // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 30–43. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.026

THE EVOLUTION OF THE PROBLEM OF ARTS SYNTHESIS IN AESTHETICS

E. N. Ustyugova

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article centres on the evolution of the art synthesis problem in aesthetics in the XIX–XX centuries. The author examines the internal logic of the historical development of art synthesis concepts in aesthetic theory and artistic practice. They embrace Romanticism, Symbolism, early Russian avant-garde (metaphysical), and different versions (life-building) of the European avant-garde, such as Dadaism, Bauhaus, Futurism. The author compares them with their contemporary approaches. The analysis allows us to conclude that belonging to one cultural paradigm, according to which art wants to be more than art, actively interfering with human life and society unites strategies of artistic synthesis. The differences in the approaches to the problem of artistic synthesis in the European culture of the XIX–XXth and the XXIst centuries are associated with a set of problems to be solved. First of all, the focus of realization of this synthesis is either to establish harmony between artistic consciousness and existence or to transform social reality or to satisfy a person’s need for self-affirmation. This focus also determines the sphere of artistic synthesis — in consciousness, language, or social or anthropological practice. In contemporary studies of art synthesis, the examination of new potentials of art involvement into the reality of life, engagement into the art-aesthetic communication of active recipients as a co-participant of the art event continues.

Keywords: art synthesis, synaesthesia, harmony, life-building, creativity, language, aesthetic communication.

For citation: Ustyugova, E. N. (2021), “The Evolution of the Problem of Art Synthesis in Aesthetics”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 30–43 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.026

Введение

Синтезирование различных видов искусства присуще художественной деятельности на протяжении всей истории культуры, начиная с первобытного синкретизма, античных карнавалов и дионисических действий, включенности в христианский церковный комплекс, а дальше — в государственные церемониалы классицизма, барочные дворцовые и садово-парковые ансамбли и т. д. Во всех этих проявлениях художественный синтез был прежде всего эстетическим средством искусства, которому в эти исторические эпохи была

предназначена функциональная роль — служить обряду, ритуалу, культуре, власти или развлечению. Главной задачей синтезирования было усиление эстетического впечатления, производимого тем или иным феноменом обряда, религии, политики, развлечения.

Но проблемой теоретической эстетики и следующей за ней художественной практики синтез искусств стал только с XIX века. Эстетика обращается к теоретической разработке проблемы синтеза искусств в связи с возникновением новой мировоззренческой парадигмы, меняющей и роль искусства в культуре.

Проблема художественного синтеза в эстетике и искусстве романтизма

Это началось на рубеже XVIII–XIX вв., в эпоху романтизма, — тогда искусство стали понимать уже не как подчиненную форму культуры, призванную служить религии, познанию или морали, а как особый путь к самому Универсуму, уникальную форму культурного творчества, обладающую энергией интуиции, воображения и силой выражения, и как уникальную форму индивидуального творчества художника. Искусство мыслилось как форма культуры, наиболее адекватная идее целостности бытия, а синтез искусств — как средство ее эстетического воплощения и воссоединения разрозненных языков культуры. Идея синтеза искусств стала одним из аспектов нового мифотворчества, стремившегося обрести новые основания универсализма в условиях утраты доверия к религии и научной рациональности.

Центральные идеи, сформировавшие мировоззрение романтиков, — это саморазвивающийся Универсум, явленный человеческому восприятию в образе природы, и художественное творчество как чувственно-духовное прозрение тайн мироздания гениальным художником. Главная трудность состояла в придании языку искусства той животворящей силы, которая позволит выражать невыразимое, сравнивать несравнимое. Романтики впервые сформулировали идею *синестезии* (соответствия звуков, форм, цветов), считая ее прообразом взаимопроникновения многообразных сущностей в универсуме, в процессе которого они претворяются в новые образования бесконечно разрастающейся целостности бытия. Их идеалом была универсально одаренная личность поэта-художника-музыканта. Т. Гофман был писателем, дирижером, театральным художником и режиссером; рисунком и живописью занимались поэты — Жуковский, Пушкин, Лермонтов; Грибоедов и Одоевский писали музыку, а тогдашнего президента Российской Академии художеств А. Оленина называли «*tausendkünstler*», то есть художником тысячи искусств [Турчин 1981, с. 144–147].

Немецкий композитор Р. Шуман писал, что «эстетика одного искусства есть эстетика и другого; только материал различен». Художественное синтезирование проявлялось в языках искусства разнообразно: в музыкальной

ритмике и интонационности стихотворений, использовании в них звукописи; в живописности литературных образов, в литературной основе программной музыки; в музыкальной живописности театральных постановок, в соединении архитектуры, скульптуры и поэзии в садово-парковом искусстве; в категориальном и жанровом смешении трагического и комического, прекрасного и безобразного, прозаического и поэтического. Романтики полагали синестезию свойством гениальности бессознательной и мистической природы художника-визионера, а не результатом профессиональных усилий.

Завершил теоретические и практические искания романтизма Рихард Вагнер в своей концепции тотального художественного произведения (*Gesamtkunstwerk*). Он считал, что современное искусство должно вернуться к словесно-телесно-музыкальному синкретизму, присущему древним, с тем, чтобы исполнить свою миссию формирования «артистической человечности». Он трактовал искусство как деятельность, осознанно профессионально формирующую идеального человека. Этому, как он полагал, наилучшим образом соответствует музыкальный театр, соединяющий в одно целое художественно выразительные усилия драматического искусства, театрального (режиссуры, актерской игры и сценографии), музыкального (вокального и инструментально-симфонического). Тогда, по его мнению, «ни одна из богато развитых возможностей отдельных искусств не останется неиспользованной в общем произведении искусства будущего», а «отдельный художник, как и отдельный вид искусства, должен подавить всякую произвольную эгоистическую склонность... не вызванную потребностями целого»; «поэтому всеобщее произведение искусства является таким единственно истинным, свободным» [Вагнер 1978, с. 242–246]. Следует, однако, признать, что в такой трактовке синтез искусств понимается, скорее, как их унисонность, а не контрапунктическое единство, на что указывал В. Кандинский в своей критике концепции Вагнера, полагая, что качество синестезии при этом отступает на второй план [Азизян 2001, с. 95–96].

Проблема художественного синтеза в эстетике символизма

Во второй половине XIX века идея синтеза искусств была подхвачена и развивалась в теории и художественной практике символизма. Символизм — движение к Абсолюту как тотальному синтезу, открывающемуся эстетическому созерцанию непрерывных взаимопревращений неизреченных смыслов. В отличие от романтизма, который полагал субъектом творчества гениальную индивидуальность художника, субъект сознания в символизме деиндивидуализирован. По Шопенгауэру, безвольный субъект познания открывает потенциалы чистого эстетического созерцания, которому только и дано постижение чистых смыслов, существующих в постоянном взаимопроникновении друг в друга [Шопенгауэр 1992]. Символическое воссоздание целостности бытия

происходит через непосредственное погружение в целостность внутренней жизни сознания как живого целого, а это является сферой художественного опыта. В художественном творчестве субъект отождествляется с творческой энергией бытия через интуицию, подсознание, воображение, поэтому язык искусства символизма строится на основе интуитивно-ассоциативных иррациональных образов, связей зрительных, слуховых, вербальных, цветовых ассоциаций через сплетение образов сознания и подсознания. Художественный синтез, выявляя соответствия, взаимосвязи и взаимные дополнения различных форм, цветов, звуков, ритмов реального мира, становится для символизма средством трансляции глобальной гармонии мироздания. Казалось, что именно он в состоянии разрешить проблему всеобъемлемости художественного языка, ибо символ имеет силу «превращать интимнейшее молчание индивидуальной мистической души в орган вселенского единомыслия и одиночества» [Иванов 1995, с. 75]. Художник продуцирует резонанс творческого Я со всем миром через аналогии и метафорические чувства-смыслы в «художественную реальность», используя при этом возможности присущего искусству суггестивного воздействия на восприятие. Следовательно, синестезия символизма — это свойство творческого сознания устанавливать со-звучие-со-чувствие между художником, бытием и воспринимающим сознанием посредством символов бессознательно-интуитивных ассоциаций художественного сознания.

Концепции синтеза искусств в раннем русском авангарде: Кандинский, Малевич

Космологический универсализм романтизма и символизма определил отношение к проблеме синтеза искусств и в раннем авангарде. В России изучение синтетических основ искусства в 1920-х годах стало целью работы Института художественной культуры и Государственной академии художественных наук. Их сотрудники стремились также и к сближению искусства и науки, чтобы создать единую науку о духовном единстве различных сфер духовной жизни. В статье «О Великой утопии» В. Кандинский предлагал всем деятелям искусства разных стран объединиться, чтобы построить всемирное здание искусств и выработать его конструктивные планы [Кандинский 2001, с. 40]. Основой проекта стали идеи Кандинского о синтезе живописи и временных искусств. В соответствии с концепцией художественного творчества как полного синтеза субъективного и объективного, духовного и чувственного, Кандинский положил в основу концепции «монументального искусства», или «искусства в целом», теорию синтеза искусств как *языка* симфонической художественной целостности. Разработка этой концепции строилась на выявлении изначальных, дознаковых основ художественного языка, еще не воплощенного

в словесные, музыкальные, изобразительные формы. Осмысливая проблему «внутренней жизни красок», Кандинский считал, что художник создает свои красочные композиции подобно композитору, сочиняющему симфонию. В конечном счете, он, как и его единомышленники, считал, что в самой природе искусства заложен язык, творящий смыслы и формы и объединяющий людей в процессе восприятия искусства: «Искусство говорит... Язык искусства обращен к душе, которая отвечает своей вибрацией» [Подземская 2017, с. 53]. Он пришел к выводу, что синтез (созвучие) искусств означает их совместное чувственное воздействие на сознание, при этом каждое искусство говорит на своем собственном языке — на этом же принципе строится и возможность перевода с языка одного искусства на язык другого. Исследование взаимодействия языков пространственных и временных искусств (живописи, музыки, поэзии, танца, театра) было направлено на открытие их общего «внутреннего смысла», который Художник творит по принципу симфонического контрапункта, подобного образам цветковых симфоний самого Кандинского: «Поиск художественных форм, призванных... выразить с наибольшей силой только лишь необходимое, то есть стремление к художественному синтезу, представляется нам решением, духовно консолидирующим круг художников» [Там же, с. 63]. Под *внутренним смыслом* понималась как внутренняя необходимость организации всех форм опыта, пережитого художником, так и целостность самого художественного произведения, подобная целостности живого организма. Идея целостности как сущности самой жизни приводила к пониманию науки об искусстве по аналогии с натурфилософией. Поэтому-то Кандинский и считал необходимым привлечь к деятельности Института художественной культуры представителей не только разных видов искусства, но и ученых: физиков, психологов, физиологов, химиков, историков, искусствоведов, композиторов, архитекторов.

В отличие от главной идеи Кандинского о синтезирующей природе художественного языка, Малевич считал, что поскольку «мир неделим, ибо в нем всё равно и не разделяемо», то единственным соответствием реальности станет беспредметный супрематизм как «...единоформие», когда «все спектры всего стали в одном сознании, в одном возбуждении и движении», «...все стало безыдейно беспредметным, или освобожденным *ничто*», подобное черному или белому квадрату [Малевич 2000, с. 244–245]. Он видел в супрематизме путь к освобождению от вторичных форм и смыслов, рожденных в социуме и культуре, прорыв в сферу изначальных трансцендентных абсолютов. Он полагал, что созидательная сила искусства заложена в языке форм, рождаемых художественным творчеством, а они, хоть и «произошли от интуитивной энергии, преодолевающей бесконечное», в конечном счете «...всё же имеют рациональное назначение гигиены претворения хаоса в гармонию красоты» [Малевич 2003, с. 276].

Таким образом, Малевич понимал задачу супрематизма как интуицию целостности Бытия, а Кандинский исследовал синтетический язык искусства, на котором Бытие посредством Художника будет говорить с Человеком.

Жизнестроительные концепции европейского авангарда и проблема синтеза искусств: дадаизм, Баухауз, футуризм

Другое крыло авангарда обращалось к проблеме синтеза искусств, исходя из идеи целостности жизненной реальности. Наиболее отчетливо это проявилось в дадаизме, провозгласившем своей целью создание новой формы жизни и новой эстетики жизни. Отрицая существующий порядок мироустройства и порядок мышления, дадаисты признавали только неподвластную интеллекту недифференцированную жизнь. Авторы манифеста дадаизма подчеркивали, что «дадаизм — первое из направлений, которое не противостоит жизни эстетически, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни»; «дадаизм — это эстетика жизни, необъяснимая как сама жизнь, неопределимая, не имеющая цели... Вместе с дадаизмом в свои права вступает новая реальность» [Хюльзенбек 2012].

Языком дадаизма становится игра с материалами, фактурами, культивирование случайности, эпатажное соединение и столкновение элементов, импровизационность, спонтанность каждой акции. Для получения таких эффектов использовались соответствующие средства: *коллаж* — соединение в одном произведении намеренно несочетаемых элементов, *симультанная поэзия* как столкновение слова и звука, *перформанс* как синтез текстов, звуков, физических образов, танца.

Стремясь проявить себя в максимально возможном числе искусств при создании своих «дада-объектов», дадаисты синтезировали живопись, литературу, музыку, театр [Гольдберг 2015, с. 61–89]. Но этот многоязычный хронотоп все же нельзя считать синтезом, поскольку разные виды, жанры, техники сосуществовали по принципу намеренного рассогласования. Вместе с тем за этой хаотичностью кроется незримая режиссура, нацеленная на спонтанное возникновение образа неорганизованности жизни. Этот образ служил своеобразным контрастом *ложной*, по мнению дадаистов, организованности жизни. Такой вариант взаимодействия видов искусства радикально отличался от гармонизирующих трактовок художественного синтеза у романтиков, символистов и представителей метафизического крыла авангарда.

В отличие от спонтанной практики дадаистов идея синтеза в теоретической программе Баухауза стала осознанной методологической установкой творчества. Ее разработкой занимались такие теоретики новой эстетики, как В. Гропиус, В. Кандинский, О. Шлеммер, Л. Мисс ван дер Роэ, Л. Мохой-Надь и др. Эта концепция синтеза была нацелена на решение социальных задач.

Мировоззренческим идеалом теоретиков Баухауза стала утопия *тотальности*, воплощенной в тотальном принципе организации любой деятельности. В результате проекции этих представлений на искусство возникли концепции тотальной архитектуры и тотального театра как моделей социального синтеза. Вальтер Гропиус называл архитектурно-проектную деятельность «тотальной архитектурой», «могучим средством жизнестроительства» [Тасалов 1971, с. 11], поскольку архитектура, интегрирующая художественно-символическое формообразование с достижениями науки и техники, обладает исключительным воздействием на организацию в пространстве социальной жизни людей, охватывающей все проявления жизни [Гропиус 1971, с. 80].

Художественный синтез входил в различные проекты Баухауза, оказывая существенное влияние на направление развития всех видов искусства, участвующих в решении общих творческих задач. Особое значение придавалось интеграции искусства с современными технологиями, возможности которых открывала бурно развивавшаяся в то время индустрия. Но считалось, что все-таки именно искусство призвано выполнять роль элемента, организующего этот синтез.

Проекты архитектурного и предметного творчества, воплощавшие принципы синтеза искусств и технологий, имели практическую реализацию, хотя и не в таких масштабах, о которых мечтали теоретики Баухауза. Но была найдена и такая сфера художественной деятельности, которая могла послужить творческой лабораторией для разработки всевозможных форм синтеза пространственно-временных искусств. Этой, не менее значимой, чем архитектура, сферой стал театр, синтезирующий все художественные проблемы в модели единства человека и среды. Целью «тотального театра» провозглашалось «привлечение для создания спектакля всего арсенала художественных средств... нацеленных на все эстетические чувства зрителя, который, в свою очередь, должен быть не созерцателем или ценителем представления, но частью разыгрываемого действия, как это было когда-то в древних ритуальных празднествах или средневековых мистериях» [Громов 2009, с. 29–34].

Одним из самых ярких театральных проектов Баухауза стали сценические постановки Оскара Шлеммера, проводившего эксперименты по слиянию музыки, цвета, формы, движения, танца, света, механики и архитектуры сцены, при помощи которых на сцене решались метафизические вопросы о слиянии человека и мира. Другим теоретиком театрального синтеза в школе Баухауза был Ласло Мохой-Надь, театральные представления которого строились на динамических контрастах пяти чувств, а также на включении в сценическое действие света и кино. В арсенал изобразительных средств театральных представлений стали включаться и такие маргинальные для классического театра формы, как цирк, пантомима, народные представления и празднества, кабаре, ревю, а также кино.

Творческой доминантой театральных проектов Баухауза был не столько сам по себе синтез искусств, который изначально свойствен театру как синтетическому пространственно-временному искусству, сколько возникающие, благодаря художественному синтезу, возможности наибольшей полноты охвата публики сценическим действием, показа на сцене действительности во всем ее «тотальном» виде, образования пространственного «единства зрительного зала и сцены» в соответствии с заказом революционных сил общества. По оценке современника, эта «мысль — втянуть сцену в зал и превратить до некоторой степени слушателей в актеров — содержит в себе нечто очень актуальное, нечто политическое» [Гнедовская 2012, с. 265].

Существенный вклад в разработку идей художественного синтеза авангардом первой половины XX в. внесли футуристы, оставившие множество манифестов новой живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и театра, а также активно экспериментировавшие в области создания новых синтезов искусств. Главная идея футуристической эстетики состояла в формировании нового взгляда на мир, на пространство и время, взамен старой эстетики красоты. Футуристическая эстетика с экзальтированным оптимизмом вдохновлялась идеалами безоговорочного приятия будущего, апологии техники и урбанизма, как первопричин современного общественно-культурного сдвига. Отсюда исходили и идеи и проекты синтетического искусства.

Поскольку основой современного бытия футуристами провозглашались сила, энергия, движение, скорость, то и направленностью художественного синтеза стало воплощение интуитивной психологии материи в движении ее безличных форм, данном через новый тип самоощущения. Футуризм стремился к созданию нового человека для новой цивилизации и был, по сути, социально-антропологической утопией. Синтетический язык стал главным принципом стиля, признаки которого — теория симультанного (сдвиг и расчленение предметов) и синтетического языка искусства; свободное письмо, передача ощущений в виде цепи бесконтрольных ассоциаций и аналогий («беспроволочное изображение»), когда образом управляет эмоциональный закон.

В живописи принцип синтеза при передаче динамики мира обеспечивался совмещением разных точек зрения, умножением очертаний фигур, разложением объекта по пересекающимся «силовым» линиям и плоскостям, введением словесных фрагментов (коллажи), «*выхваченных из потока жизни*»; в скульптуре — созданием иллюзии движения нагромождением и сдвигом объемов, в литературе — разрушением традиционной, однозначной связи слова и смысла и созданием новых смыслов, невыразимых словами. В основу авангардной архитектуры были заложены принципы рациональности, технологичности и космического визионерства. Основатели архитектурного авангарда совмещали социальные цели формирования человека новой цивилизации с целями космическими — соединением человека с ритмами и энергиями Вселенной,

и с изобретательскими, аккумулирующими машинное мышление и техническое творчество (Ле Корбюзье, В. Татлин, Ф. Ллойд Райт). Относительно музыки Луиджи Руссоло сформулировал принципы синтетического брюитизма — звукошума, а в манифесте Карло Карры провозглашалась одновременность восприятия произведения искусства всеми органами чувств — зрением, слухом и обонянием [Второй футуризм 2013].

Сущностью театра футуризм провозгласил стихию свободной творческой игры, которой препятствует как режиссер, не предоставляющий возможности для импровизации, так и актер, следующий драматургии и режиссуре. Энрико Прамполини ввел термин «актер-пространство» — человек, потерявший свои «реальные» контуры, который становился в новом театре клоуном, марионеткой, маленьким электрическим роботом или вовсе исчезал со сцены. В самом важном театральном документе футуризма, “Манифесте синтетического театра”, футуристы заявили о создании театра — синтетического, динамичного, алогичного, ирреального, рожденного из импровизации. Вместо всех существующих в театре жанров, в нем должны происходить инсценированное ощущение, диалогизированное веселье, синтетическая деформация. Роль публики также должна стать активной и творческой, аналогично цирку, кабаре и мюзик-холлу. В «Манифесте синтетического театра» футуристами был заявлен тип не литературного, а сценического театра, в котором пьеса оказывалась лишь свободным сценарием. «Слово» уступало место физическому действию. В театре художника-сценографа актера заменят те элементы искусства художника-футуриста, которыми он сам сможет управлять и создавать из них спектакль, способный выразить эмоциональное содержание, недоступное театру литературному и актерскому. Главным в этой драматургии становятся жест, танец, игра света, вариативность трактовок, а спектакль перестает быть законченным произведением, становясь поэтическим событием, изменяющимся от одного представления к другому. Новая футуристическая модель сценографии, по Прамполини, — это соединение «в единый сплав пластических, хроматических, архитектурных элементов, движения, шумов, запахов и т. д.» [Итальянский футуризм 2020].

Для футуризма идея художественного синтеза стала универсальным принципом современного художественного мироощущения, устремленного к воплощению чувства единства с жизнью материи — физической, психической, энергетической. Драгоценным вкладом футуризма в развитие синтеза искусств можно считать разработку способов реализации принципов художественного синтеза практически во всех видах искусства.

Опыт футуристических синтезов может оказаться любопытным фоном при сравнении его с современными художественными практиками, претендующими на творческую новизну, — такими как, например, перформативное искусство, акционизм, постдраматический театр. С одной стороны, их объединяет

стремление не быть произведениями искусства. С другой стороны, есть и существенное различие, состоящее в том, что проекты футуристов были, по сути, социальными, так как они хотели строить новый, современный мир, изменить реальность. Арт-практики XXI в. имеют, скорее, антропологическую направленность к культивированию способов присутствия человека в хаотичной коммуникативной реальности.

Таким образом, авангардизм обозначил проблемное ядро культуры XX века как кризис субъективности, кризис идеологии, кризис культуры. Из ощущения кризиса рождается тема освобождения от бремени культуры, долга, необходимости как прорыва к свободе и, как следствие, — состояние ценностной и интеллектуальной индифферентности Я, которое обнаруживает себя как чувственное и телесное присутствие в настоящем. Проблема художественного синтеза вписывается в эту парадигму через открытие многообразных способов онтологического присутствия человека в бытии в его настоящем времени. Общим стремлением авангардистских концептов является проекция эстетического опыта на сферу всей человеческой практики, обнаружение новых потенциалов вовлечения искусства в жизненную реальность и включение в художественно-эстетическую коммуникацию активного реципиента как соучастника художественного события.

Итоги: аналитика разноректорности проблемы художественного синтеза в эстетике XIX–XX вв.

Различия в подходах к проблеме художественного синтеза в европейской культуре XIX–XX и начала XXI в. связаны с комплексом решаемых проблем. Прежде всего, с вектором синтеза — направленным либо на установление гармонии между художественным сознанием и бытием, либо на преобразование социальной реальности, либо на удовлетворение потребности человека в самоутверждении. Эта целенаправленность определяет и сферу осуществления художественного синтеза — в сознании, в языке, в социальной или антропологической практике. Отсюда следуют и различные художественно-эстетические задачи синтеза: в концепциях метафизического универсализма синтез искусств расширяет смысло-творческие и рецептивные потенциалы художественного сознания и эстетической выразительности, а в концепциях социально-практического авангарда при помощи синтеза конструируются реальные формы жизни. При всех различиях эти стратегии художественного синтеза объединяет принадлежность к одной культурной парадигме, согласно которой искусство хочет быть больше, чем искусство, активно вмешиваясь в жизнь человека и общества.

Осмысление природы указанных концептуальных различий в подходах к проблеме художественного синтеза в европейской культуре XIX–XX вв.

необходимо для дальнейшего развития теории синтеза искусств и оценки ее практических реализаций. В современных разработках проблемы художественного синтеза продолжается исследование новых потенциалов вовлечения искусства в жизненную реальность, разработка новых способов синтеза языков искусства, включение в художественно-эстетическую коммуникацию активного реципиента как соучастника художественного события. Так, теории нового авангарда (Ж.-Л. Нанси, Ф. Гваттари, Н. Буррио, Е. Петровская) исходят из того, что современному социуму, имеющему размытую структуру, соответствуют *коллаборативные синкретичные арт-практики*, производящие потенциальные модели человеческой жизни вообще. Эта деятельность претендует на ценность уже не как эстетический и художественный, а как антропологический и социологический проект. Анализ соотношения такой синкретической модели с историческим опытом концептуализации синтеза искусств должен стать предметом специального изучения.

Таким образом, за многообразными вариантами концепций художественного синтеза и практического опыта синтезирования видов искусства следует видеть культурно-исторические мировоззренческие основания, задающие направление эстетической теории и художественной практике. Осмысление природы указанных концептуальных различий в подходах к проблеме художественного синтеза в европейской культуре XIX–XX веков необходимо для дальнейшего развития теории синтеза искусств и оценки ее практических реализаций.

Список литературы

- Азизян 2001 — Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.
- Вагнер 1978 — Вагнер Р. Избранные работы / пер. с нем. Е. Маркович, И. Татариновой, И. Каценэленбогена и др. М. : Искусство, 1978. 695 с.
- Второй футуризм 2013 — Второй футуризм: Манифесты и программы итальянского футуризма. 1915–1933 / введение, сост., пер. с итал. и коммент. Е. Лазаревой. М. : Гилея, 2013. 228 с.
- Гнедовская 2012 — Гнедовская Т. От драматического к большому драматическому, от идеального театра — к тотальному // Вопросы театра. 2012. № 1–2 (XI). С. 248–273.
- Гольдберг 2015 — Гольдберг Р. Искусство перформанса: от футуризма до наших дней / пер. А. Асланян. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 320 с.
- Громов 2009 — Громов Н. Н. Элементы сценического творчества в педагогике Баухауза // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2009. Т. 65. № 3. С. 29–34.
- Гропиус 1971 — Гропиус В. Границы архитектуры / пер. с англ. А. С. Пинскер, В. Р. Аронова, В. Г. Калиша ; сост., науч. ред. и предисл. В. И. Тасалова. М. : Искусство, 1971. 286 с.
- Иванов 1995 — Иванов В. И. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. М. : Искусство, 1995. 671 с.
- Итальянский футуризм 2020 — Итальянский футуризм: манифесты и программы. 1909–1941 : в 2 т. Т. 1 / сост., предисл., вступл. к разд., коммент., кр. свед. об авторах и библиограф. Е. Лазаревой. М. : Гилея, 2020. 398 с.

- Кандинский 2001 — *Кандинский В. В.* О «Великой утопии» // Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства : в 2 т. Т. 2. М. : Гилея, 2001. С. 40.
- Малевич 2000 — *Малевич К. С.* Мир как беспредметность // Малевич К. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 3. М. : Гилея, 2000. С. 69–327.
- Малевич 2003 — *Малевич К. С.* Архитектура как степень наибольшего освобождения человека от веса // Малевич К. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. М. : Гилея, 2003. С. 273–285.
- Подземская 2017 — *Подземская Н. П.* Наука об искусстве в ГАХН и теоретический проект В. В. Кандинского // Искусство как язык — языки искусства: Государственная Академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н. С. Плотникова, Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко : в 2 т. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 44–78.
- Тасалов 1971 — *Тасалов В.* «Тотальная архитектура» — утопия или реальность? // Гропиус В. Границы архитектуры / пер. с англ. А. С. Пинскер, В. Р. Аронова, В. Г. Калиша ; сост., науч. ред. и предисл. В. И. Тасалова. М. : Искусство, 1971. С. 8–70.
- Турчин 1981 — *Турчин В. С.* Эпоха романтизма в России. М. : Искусство, 1981. 550 с.
- Хюльзенбек 2012 — *Хюльзенбек Р.* Манифест дадаизма 1918 [Электронный ресурс] // Манифесты дадаизма / пер., примеч. и справки об авторах В. Вебера. URL: <http://www.zh-zal.ru/kreschatik/2012/3/h25.html> (дата обращения: 03.02.2019).
- Шопенгауэр 1992 — *Шопенгауэр А.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 1 : Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. М. : Московский клуб, 1992. 394 с.

References

- Azizyan, I. A. (2001), *Dialog iskusstv Serebryanogo veka* [Dialogue of the Silver Age arts], Progress-Tradiciya, Moscow, 400 p. (in Russian).
- Gnedovskaya, T. (2012), „From ‘the drama theatre’ to ‘the grand drama theatre’; from an ideal theatre to a total theatre. (The reformation of German play-houses and its results in the times of Weimar Republic)”, *Problems of the theatre*, no. 1–2 (XI), pp. 248–273 (in Russian).
- Goldberg, R. (2015), *Performance art from futurism to the present*, translated by Aslanyan, A., Ad Marginem Press, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Gromov, N. N. (2009), “Elements of stage creative work in Bauhaus pedagogy”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, vol. 65, no. 3, pp. 29–34 (in Russian).
- Gropius, W. (1971), *Scope of Total Architecture*, translated by Pinsker, A. S., Aronov, V. R. and Kalish, V. G., Iskustvo, Moscow, 286 p. (in Russian).
- Hülßenbeck, R. (2012), “The manifesto of Dadaism. 1918”, translated by Veber, V., in Veber, V. (ed.), *Manifesty dadaizma* [Dada manifestos], available at: <http://www.zh-zal.ru/kreschatik/2012/3/h25.html> (accessed 03 February 2019) (in Russian).
- Ivanov, V. I. (1995), *Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaya teoriya* [The face and disguises of Russia. Aesthetics and literary theory], Iskustvo, Moscow, 671 p. (in Russian).
- Kandinskii, V. V. (2001), “About the ‘Great Utopia’”, in Kandinskii, V. V., *Izbrannye trudy po teorii iskusstva, v 2 tomakh. Tom 2* [Selected works on the theory of art, in 2 vols, Vol. 2], Gileya, Moscow, p. 40 (in Russian).
- Lazareva, E. (ed.) (2013), *Vtoroi futurizm: Manifesty i programmy ital'yanskogo futurizma. 1915–1933* [The Second Futurism: Manifestos and programs of Italian Futurism. 1915–1933], Gileya, Moscow, 228 p. (in Russian).
- Lazareva, E. (ed.) (2020), *Ital'yanskii futurizm: manifesty i programmy. 1909–1941, v 2 tomakh. Tom 1* [Italian Futurism: Manifestos and programs. 1909–1941, in 2 vols, Vol. 1], Gileya, Moscow, 398 p. (in Russian).
- Malevich, K. S. (2000), “The world as a non-objective”, in Malevich, K. S., *Sobranie sochinenii, v 5 tomakh. Tom 3* [Collected Works, in 5 vols, Vol. 3], Gileya, Moscow, pp. 69–327 (in Russian).

- Malevich, K. S. (2003), "Architecture as the degree of the greatest liberation of a person from weight", in Malevich, K. S., *Sobranie sochinenii, v 5 tomakh. Tom 4* [Collected Works, in 5 vols, Vol. 4], Gileya, Moscow, pp. 273–285 (in Russian).
- Podzemskaya, N. P. (2017), "Science about art in the GAKHN and the theoretical project of V. V. Kandinsky", in Plotnikov, N. S., Podzemskaya, N. P. and Yakimenko, Yu. N. (eds), *Iskusstvo kak yazyk — yazyki iskusstva: Gosudarstvennaya Akademiya hudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920 godov, v 2 tomakh. Tom 1* [Art as a language-languages of art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s, in 2 vols, Vol. 1], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, pp. 44–78 (in Russian).
- Schopenhauer, A. (1992), *Sobranie sochinenii, v 5 tomakh. Tom 1, Mir kak volya i predstavlenie* [Collected Works, in 5 vols, Vol. 1, The world as will and representation], translated by Aikhenval'd, Yu. I., Moskovskii klub, Moscow, 394 p. (in Russian).
- Tsalov, V. (1971), " 'Total Architecture' — Utopia or Reality?", in Gropius, W., *Scope of Total Architecture*, translated by Pinsker, A. S., Aronov, V. R. and Kalish, V. G., *Iskusstvo*, Moscow, pp. 8–70 (in Russian).
- Turchin, V. S. (1981), *Epoha romantizma v Rossii* [The era of Romanticism in Russia], *Iskusstvo*, Moscow, 550 p. (in Russian).
- Wagner, R. (1978), *Izbrannye raboty* [Selected works], translated by Markovich, E., Tatarinova, I., Katsenelenbogen, I. et al., *Iskusstvo*, Moscow, 695 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 24.07.21

Принята к публикации / Accepted: 1.11.2021

Информация об авторе

Устюгова Елена Николаевна
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, 5
E-mail: elena.ust@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-7453-2585

Information about author

Ustiugova, Elena Nikolaevna
D. Sci. (Philosophy), Professor
St.-Petersburg State University
5 Mendeleevskaya line, St.-Petersburg,
199034 Russia
E-mail: elena.ust@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-7453-2585

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.027

УДК 1/14 + 316.752 + 130.2:8(470)

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ НАШИХ ДНЕЙ: НОВАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ*

Л. А. Закс

Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: «Эстетическое» — ставшее существительным прилагательное, обобщенно выражающее эстетическую реальность, главными «единицами» которой выступают особые ценностные свойства объектов = эстетические ценности как феномены сознания. Целью статьи являются фиксация и анализ состояния эстетической реальности наших дней, осуществляемые в сравнении с известными чертами классической эстетической картины мира. Констатируется сохранение эстетическим своей признанной в классической эстетике чувственной основы и универсального (всеохватного) для чувственного мира характера. Причем современное эстетическое все полнее реализует этот потенциальный универсализм эстетического начала, распространяясь на те объектные сферы и явления, которые еще недавно были аэстетическими или даже воспринимались как антиэстетические (*протеизм* современного эстетического). Далее статья прослеживает растущие отличия современного эстетического от классических представлений эстетики и эстетических вкусов. Классическое эстетическое сознание мыслило эстетическую реальность дискретно и сводило ее к жестко фиксированным по объектам и смыслу и нормативно закрепленным «основным» ценностям (прекрасное, возвышенное, трагическое и комическое). Современное протеистическое эстетическое все больше проявляет себя как континуум: непрерывность плавно переходящих друг в друга и объемлющих (окрашивающих) весь чувственный мир эстетических смыслов. При этом традиционные («основные») ценности получают (благодаря новым предметностям и контекстам) новый смысл, порой в своем классическом звучании отодвигаются на периферию или даже элиминируются (как это происходит с трагическим в культуре постмодернизма). Зато возникают новые, отличные от традиционных и пока даже не имеющие номинации эстетические ценности/смыслы. В статье показаны варианты этих новых и пока непоименованных ценностей, вызванных к жизни как эстетизацией новых объектов, так и новыми ценностными позициями субъектов.

---

* Статья — расширенный вариант выступления автора на панельной дискуссии «Эстетическое наших дней: феноменологии, сущности, способы описания» Второго российского эстетического конгресса (Екатеринбург, 1–3 июля 2021 г.).

Автор находит примеры таких новых ценностей, в частности, в артефактах Бориса Михайлова, Павла Отдельнова, Гюнтера фон Хагенса.

Ключевые слова: эстетическое, эстетические ценности (смыслы), дискретность классического эстетического, континуальность нового эстетического, протеизм современного эстетического, новая красота, непоименованные эстетические ценности, некрасивое как эстетическая ценность.

Для цитирования: Закс Л. А. Эстетическое наших дней: новая феноменология // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 44–66. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.027

THE AESTHETIC OF OUR TIMES: A NEW PHENOMENOLOGY

L. A. Zaks

Liberal Arts University — University for Humanities
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The ‘aesthetic’ — an adjective that has become a noun — broadly expresses aesthetic reality whose general ‘units’ are specific value properties of objects = aesthetic values as phenomena of consciousness. The paper aims to fix and analyze the state of today’s aesthetic reality compared to the known attributes of the classical aesthetic picture of the world. The author argues that the aesthetic has preserved its sensory foundation and universal (all-inclusive) for a sensual world character recognized in classical aesthetics. And today’s aesthetic implements this potential universalism of aesthetic origin more fully spreading to certain object spheres and phenomena. Until recently, they used to be non-aesthetic or even perceived as anti-aesthetic (proteism of today’s aesthetic). The paper further traces the growing differences of present-day esthetic from classical ideas of aesthetics and aesthetic tastes. Classical aesthetic consciousness thought of aesthetic reality discretely and reduced it to rigidly fixed, by objects and meaning, and normatively enshrined ‘fundamental’ values (beautiful, sublime, tragic and comic). The proteistic aesthetic of our times is increasingly manifesting itself as a continuum: continuity of aesthetic meanings smoothly transitioning into each other and encompassing (staining) the entire sensual world. Traditional (terminal) values acquire (thanks to novel contexts and substance) a new meaning. Sometimes, in their classical form, they are pushed to the periphery or even get eliminated (as is happening to the tragic in postmodernism). On the bright side, there emerge novel, different from traditional, aesthetic values/meanings that have not been particularized yet. The paper provides variants of these new and non-defined values brought to life both by aesthetics of new objects and by the new value stance of subjects. In particular, the author finds these novel values in artifacts of Boris Mikhailov, Pavel Otdel’nov and Gunther von Hagens.

Keywords: the aesthetic, aesthetic values (meanings), discreteness of classical aesthetic, continuity of new aesthetic, proteism of new aesthetic, new beauty, non-defined aesthetic values, the non-beautiful as an aesthetic value.

For citation: Zaks, L. A. (2021), "The Aesthetic of Our Times: A New Phenomenology", *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 44–66 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.027

XXI век «в разгаре». Черты его социокультурной реальности, ее «фактичность» («сущее»), сложность, плюральность, динамизм, протеизм (о нем см.: [Между автономией и протеизмом 2020]), эволюционные тренды и т. п. зримо и активно обдумываются культурным сознанием с самых разных (теоретических, ценностных, мировоззренческих) позиций. «Эстетическое», как и всегда, занимает в этой картине свое собственное, особенное и «незаместимое» (М. М. Бахтин) место. Какое оно — эстетическое наших дней, *что оно такое* сегодня? Откуда растет, каким является, как связано с разными сферами жизни и сознания, какое место в них и в социокультуре в целом занимает?

Вопросы важные не только для жизненной «субстанции» и «адресата» эстетического — социокультуры и ее конкретных субъектов, но и для самой эстетики. Ведь она изменяет свои содержание и форму в зависимости от эволюции этого своего макрообъекта. Целью и темой моей статьи и является эстетическое наших дней, взятое в аспекте, прежде всего, первого из вышеперечисленных и исходного для остальных (требующих отдельного исследования) вопросов: какое оно, что оно такое сегодня? Причем в своем именно непосредственном, эмпирическом существовании. То есть, иначе говоря, меня интересует, каковы эмпирически фиксируемые = конкретные эстетические явления сегодня? А так как философско-теоретическое (метаэстетическое) сознание, помимо непосредственно наблюдаемых и признаваемых эстетическими явлений, содержит в себе сложившиеся эстетические представления и знания, и не просто «содержит», а — *volens-nolens* — базируется на них, начиная с уже названного признания/непризнания тех или иных явлений эстетическими, то главный вопрос статьи неизбежно оказывается связан с другим: как соотносится эмпирическая картина актуальных эстетических явлений (можно сказать, нынешней эстетической повседневности) с «классической» картиной эстетического, воплощенной в опыте академической эстетики и классического, или (здесь вполне синонимичного ему) традиционного, искусства?

Если мы сравним наши «классические», т. е., по сути, традиционные знания об эстетическом с эстетической реальностью современности (конец XX — первая четверть XXI в.), то бросается в глаза следующее:

1. Подтверждается — причем в ширящихся масштабах — идея чувственной универсальности эстетического (далее — ЭСТ).

Оно охватывает и наполняет все принципиально доступные (на сегодняшний день) духовной чувственности сферы реальности. Включая те, которые ранее не были актуальными эстетически или были по какой-то причине табуированы культурой (если и существуя, то в андеграунде). Это, к примеру, самые интимные органы человеческого тела и грани нашей телесности, легитимированные поэзией, фотографией и кинематографом. (О них речь далее.) И те, которые традиционно выступали детерминантами ЭСТ, а ныне сами активно эстетизируются и анализируются в эстетической парадигматике. Это, например, политическая реальность (что осмысляется французскими философами, такими как Бадью [Бадью 2014] и Рансьер [Ranciere 2004]). Это также дискурсы когнитивной сферы и само мышление, что связал с ЭСТ еще М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 2000]. Это модели и абстракции философии, которые ее субъекты всё чаще маркируют, описывают и организуют посредством феноменологии и психологии эстетического опыта (как, например, Д. Агамбен [Агамбен 2018] и совершенно иначе мировоззренчески мыслящие теоретики объектно ориентированной онтологии Грэм Харман [Харман 2021], Тимоти Мортон [Мортон 2019] и др.). Отдельной, весьма важной и самостоятельной сферой ЭСТ сегодня нужно признать реальность, созданную аудиовизуальными СМИ: их охватывающие все сферы реальной жизни чувственные образы сопряжены с объективно присущей СМИ-репрезентации *дистанцией* и создаваемой ею субъективной отстраненностью¹, вносящими даже в утилитарно-информативные сообщения (прежде всего, визуально-образные) момент неутилитарности, бескорыстия, а через него — созерцательности и самоценности «картинки». СМИ (а если точнее — их технологии), таким образом, обладают даром рождать эстетизм, наделять им воспроизводимые радио, телевидением, фотографией, хроникальным кино, Интернетом объекты.

Ну а *сфера повседневного существования*, ее практики и предметная среда (артефакты) всё более активно эстетизируются, и эстетическое измерение, эстетические качества предметно-практической среды играют все более ощутимую роль в коллективной духовно-психологической атмосфере современных обществ, все более определяющую роль в рыночном существовании и капитализации самой этой среды. Эстетизируются и вещи, и действия, и бытовые дискурсы, и средовое пространство. Колоссально расширяются зоны эстетической (эстетически значимой) предметности. Можно сказать, универсализируется способность культурных предметностей эстетизироваться: чувственно-бескорыстно созерцаться и переживаться,

---

¹ Не исключаяющей «обратной стороны медали» — суггестивности, «эмпатичности», ведущих к отождествлению реципиентов со СМИ-образом, «картинкой».

нести эстетическую информацию. Эстетизируется, в частности, и то, что названо «не-местами» [Оже 2017], так что в эстетическом плане «не-мест» сегодняшняя культура не знает. Предметный мир современной культуры, как и прежде, эстетически разнороден, в нем далеко не все идет по ряду «красота». Но то, что раньше в большой степени проходило «мимо» эстетического сознания и либо не замечалось им вовсе, воспринималось эстетически нейтрально, либо воспринималось эстетически исключительно негативно и потому оттеснялось на периферию визуального или слухового опыта, вытеснялось из него и даже табуировалось, теперь обрело легитимность и заняло прочное место в эстетической реальности.

К примерам некогда эстетически нейтрального, а ныне вполне эстетичного и даже эстетически интересного можно отнести, например, различного рода «мелочи» обыденной жизни — такие, как определенные бытовые действия и предметы. Хотя, надо напомнить, подобного рода объекты достаточно давно стали эстетически осваиваться — например, такая деятельность, как стирка белья или покупка предметов потребления, как и сами эти предметы, о чем нам говорят натюрморты Снейдерса, картины Питера Брейгеля и Шардена. В этом отношении современная культура преодолевает эстетическую ограниченность индустриальной цивилизации, по-своему возвращаясь к эстетическому универсализму доиндустриальных эпох. Другой класс обретших эстетическую ценность явлений, также свидетельствующих о таком «возвращении» на новом существенном витке социокультурно-эволюционной спирали, — это материально-утилитарные объекты вроде заводской архитектуры, всякого рода строительные и/или технические сооружения. Так, например, они воссоздаются на фотографиях петербургского фотографа Владимира Антощенкова (рис. 1, 2). И еще один класс явлений, перешедших из эстетически нейтральных в эстетически значимые: это те внутренние, до поры «абстрактные» для сознания стороны даже известных и близких людям объектов, которые только исторически сравнительно недавно — по мере растущего понимания их значимости — обрели чувственные «лицо и фигуру», т. е. получили визуальное существование. Это, например, внутренний вид разного рода технических устройств — от традиционных часов до синхрофазотронов, компьютеров, двигателей и т. п. Но также и вид всевозможных знаков, формул, технических и прочих схем. Что (в обоих случаях) во многом объясняется качественно возрастающей ролью культуры в жизни людей и утверждающейся на этой основе культуросцентристской парадигмой сознания (об этом см.: [Закс 2017; Закс 2021a]). Сюда же типологически можно отнести те прежде невидимые природные объекты, которые благодаря современным приборам стали чувственными (перцептивно уловимыми): молекулярные и клеточные структуры, физиологические процессы в организме, доступные съемке процессы роста растений или размножения морских животных.

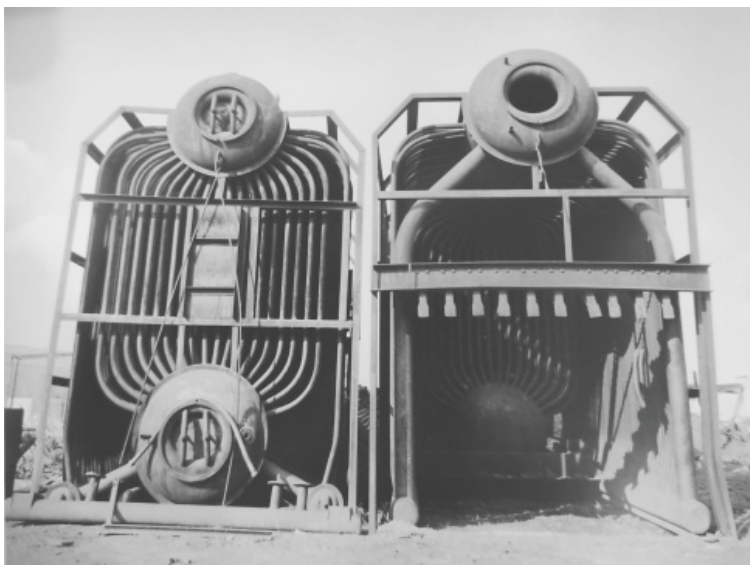

Рис. 1. Владимир Антощенко. Кальдер. 2000.

Fig. 1. Vladimir Antoschenkov. Calder. 2000.

Источник: [Антощенко 2013, с. 94]

Рис. 2. Владимир Антощенко. Сладкая парочка. 2000.

Fig. 2. Vladimir Antoshenkov. A Sweet Couple. 2000.

Источник: [Антощенко 2013, с. 108]

Правда, здесь данный тип явлений плавно переходит в обозначенный выше второй: чтобы стать эстетическими, ряду явлений нужно было не только обрести чувственный характер, но и преодолеть эстетическое (а нередко и утилитарное или моральное) отталкивание, перестать быть эстетическим табу². В наши дни эстетизируется не только живое, но и мертвое (об опытах фон Хагенса речь впереди); не только необходимое для жизнедеятельности (включая физиологические процессы), но и ее отходы: то, что выходит за ее пределы и даже становится помехой для нее (мусор, болезни, аномалии). Во многих современных фильмах можно видеть удовлетворение мужчинами и женщинами малой физиологической потребности, и образ писающего человека получает позитивный, психологически теплый и душевный эстетический смысл — как у героини Николь Кидман в самом начале фильма С. Кубрика «С широко закрытыми глазами», а может раскрываться как комический и даже трагический — как в выдающемся фильме Алексея Федорченко «Война Анны». А нашумевший спектакль Ромео Кастелуччи «К вопросу об образе Христа» стал шокирующим театральным опытом эстетизации (хотя совсем не украшения! Скорее — предельной драматизации) дефекации. Режиссер сознательно пошел на предельный натурализм репрезентации и на заданный им эстетический шок зрителей для доведения до экзистенциального духовно-психологического и поведенческого предела проблемы практической человечности, реальной осуществимости христианской максимы «возлюби ближнего своего как самого себя». И другие физиологические отправления и проявления входят сегодня в эстетическую ткань художественных образов, легитимируя их как неизбежную часть/аспект человеческого существования. Так, в недавнем экспрессивном спектакле Андрея Прикотенко «Идиот» (новосибирский театр «Старый дом») нам показывают, так сказать, крупным планом и как нечто самоудовлетворяющее (ради чего артист специально выходит на пустую сцену и «откидывается» на стуле на несколько минут), эпилептический припадок Мышкина с неизбежно сопутствующими ему физиологическими отправлениями. И эти малопривлекательные детали усиливают актуализацию одной из доминирующих в современной культуре и акцентированно репрезентируемых спектаклем тем: существенной действенной и страдательной роли человеческой телесности. Именно ценностно-мировоззренческая доминанта широко понятой телесности и оказывается основанием многоаспектной, вплоть до шока, эстетизации всех граней биологического соматического существования людей.

---

² Как известно, именно нравственно-эстетическое табу определило предельно негативное отношение современного Бодлера общества к его «Цветам зла», где одним из самых шокирующих и определивших юридический запрет книги на многие десятилетия стал образ разлагающегося трупа лошади в стихотворении «Падалъ»; сегодня во многих странах таким табу остаются образы, детально и «вблизи» воспроизводящие половые акты, — так называемая «порнография».

К современному эстетическому отношению, не обладающему собственной институциональностью, более, чем к какому-либо институциональному, применимо введенное в социогуманитарное видение и знание П. Бурдьё понятие «поле» (см., напр.: [Бурдьё 2005]). Оно обозначает и очерчивает системно-континуальный хронотоп существования, а главное — действовани и влияния логики и психологии особых социокультурных реальностей (таких, например, как право, наука, литература). Поле ЭСТ сегодня воистину социокультурно всеохватно: пронизывает все сферы социокультуры. И подчиняет их логике эстетического видения-переживания. В результате и еще не охваченные практикой эстетизации, анэстетические или откровенно негативно-эстетические явления становятся объектами активной эстетической реакции, интенсивно переживаются в своем позитивном или негативном эстетическом качестве. Так, мы сейчас гораздо более остро и болезненно эстетически реагируем на проявления всякого рода чувственно фиксируемых беспорядка, разрухи, запустения, засорения, деградаци как природной, так и социокультурной реальности, что играет не только важную духовно-психологическую, но и еще более важную, практическую (экологическую) роль. Притом что в пределах контролируемого культугой порядка она, стремясь к максимальному разнообразию, существенно расширила «номенклатуру» допустимого, «разрешенного», включив в него и достаточно широкий спектр конкретных вариантов отклонения от вчера еще незыблемых культурных, в том числе и эстетических (вкусовых), норм (так, одежда, особенно молодежная, прошла в последние десятилетия ускоренную эволюцию от аккуратной целостности вещи через появление всякого рода по-разному существующих в ней заплат к широкому распространению откровенно демонстрируемых изношенностей, ветхости, дыр и иных примет старости и разрушения). В рамках этой растущей «власти ЭСТ» получают эстетическую ценность даже некие, становящиеся значимыми для культурного сознания *отсутствия*. Еще не так давно эстетизация отсутствия была замечена и осознана только в искусстве: подтекст, минус-прием, ассоциативный ряд = «отсутствующая структура» (У. Эко). Сегодня «эстетический минимализм», и в частности эстетизация отсутствия, — достояние массового эстетического сознания в повседневности. Мы, например, любимся и переживаем места, где раньше, много лет назад, стояли ныне отсутствующие дома, где жили или работали, или куда приходили на любовное свидание великие люди. Мы эстетическими глазами смотрим на места былых великих сражений, хотя сейчас ни одной приметы последних обнаружить невозможно. Так, главный герой, он же рассказчик романа Джулиана Барнса «Попугай Флобера», возвращается на места высадки союзников во Франции в 1944 году и (естественно, воскресив в сознании картину тех дней) эстетически переживает виды побережья Атлантики и окрестностей вместе с давно прошедшими событиями, т. е. с отсутствующим

в реальности контекстом. Разумеется, далеко не все из миллионов туристов, обозревающих присутствие и отсутствие значимых предметов и событий по всему миру, могут реконструировать воображением, мысленным взором увидеть и пережить вновь давно не существующую реальность. Но многие люди, сформированные культурой (частью которой подобный опыт сегодня является), умеют и хотят так воспринимать и переживать, что для них, собственно, и служит едва ли не главным мотивом к путешествию. Чувственное настоящее оказывается мостиком-посредником к эстетически переживаемому (уже, фактически, нечувственному, но воображаемому) прошлому. И тот же «механизм» значимого отсутствия, но с обратным (комическим) смыслом, демонстрирует неожиданная надпись при входе в одно кафе в Барселоне: «Хемингуэй здесь никогда не бывал».

2. И это уже аспект качества = качественно-содержательного своеобразия ЭСТ.

Предметный *протеизм* ЭСТ (о чем и был мой первый пункт) оказывается тесно связан с его *качественными изменениями* — и тут классический опыт и выражающая его классическая эстетика современностью преодолеваются (хотя бы отчасти). В чем это выражается?

Мне сущность классической картины «качественного плана/аспекта» ЭСТ видится, вкратце, так:

а) ЭСТ качественно дискретно, «атомарно»;

б) эта дискретность воплощена в «узловых» («базовых») качественных точках-пунктах эстетического отношения, эстетического сознания, эстетической картины мира, соответствующих самой эстетической реальности как самодовлеющей, качественно определенной и устойчивой. Эти устойчивые качественные «острова» ЭСТ хорошо известны, узаконены, а во многих исторических и этнических культурах даже канонизированы:

прекрасное/безобразное — возвышенное/низменное — трагическое/комическое.

Признание их симбиозов и взаимопереходов дискретности и устойчивости общей картины не меняет. Это хорошо видно и у Гегеля, и, скажем, у Н. Гартмана, и у советских эстетиков — при всей разнице их философского объяснения и интерпретации этих ценностных явлений и категорий.

Нужно отметить, что уже в рамках классических, особенно модернистских, культур художественное сознание и практика выходили за рамки такой картины ЭСТ. Но то, что в искусстве тоже было скорее исключением из правила (импрессионизм, поэзия Пастернака и Мандельштама, модернисты в музыке, сюрреализм, абсурдизм), сегодня уже стало доминирующей закономерностью, парадигмальным свойством ЭСТ, а именно:

— ЭСТ, все более универсализируясь, становясь всеохватным, демонстрирует свою волновую, континуальную природу: сплошь покрывая чувственную

реальность и образуя плавные смысловые модуляции — непрерывность эстетических значений.

— При этом, с одной стороны, размываются качественная определенность и доминирующая роль классических «основных ценностей». А некоторые из них отодвигаются на периферию эстетического опыта или вообще элиминируются, заменяясь своими симулякрами или своего рода субститутами. Это особенно относится к трагическому. Чтобы не возвращаться к этой теме, скажу здесь коротко о «нелюбви» современности к трагическому. Мировоззренческим и психологическим основанием-источком этой черты эстезиса наших дней, безусловно, является постмодернистская культура с аккумулярованным и обобщенным ею историческим экзистенциальным опытом. Трагизм истории парадоксальным образом превратился в постмодернизме в эстетический атрагизм. Тут, я думаю, сошлись в новой ценностной позиции-конфигурации страшный опыт первой половины XX века с опытом мира и благополучия его второй половины, духовно-психологические установки элитарной и массовой культуры. Первая «преодолевает», а на практике — просто элиминирует трагическое как ценностную модель мира в силу отрицания или релятивизации (будто бы самой историей попранных) ценностных абсолютов и «больших нарративов», «метанарративов» (Лиотар). А ведь сущностью трагизма веками признавалась закономерная («фатальная», «роковая») утрата именно таких фундаментальных ценностей. Элитарный постмодерн выразил, тем самым, накопленную за первую половину XX века глубокую духовную усталость как самой (модернистской) культуры, так и от нее (см. об этом феномене [Закс 2021b]). В результате трагическое стало редкостью в высоком искусстве эпохи постмодерна. Типологическим примером может служить эволюция кинотворчества Ларса фон Триера, начавшего с таких мощных, подлинно трагических высказываний, как «Рассекая волны», «Догвилль», «Поющая в темноте», а ныне беспощадно препарирующего природу человека как существа глубоко порочного и жестокого, никакого спасения не заслуживающего, а потому недостойного и такого спасительного и возвышающего духовно-психологического, эстетического (через катарсис) «адаптера», как трагическое («Антихрист», «Нимфоманка», «Меланхолия», «Дом, который построил Джек»). Об утрате трагического современным театром я писал много лет назад [Закс 2001]. Прошедший недавно фестиваль «Реальный театр» (Екатеринбург, сентябрь 2021) подтвердил, что, несмотря на процесс преодоления постмодернизма в качестве доминанты культурного сознания, трагическое в театре все еще большая редкость. Что особенно заметно в сценических трактовках трагических произведений русской литературной классики: талантливые сценаристы и режиссеры А. Прикотенко и Н. Коляда, каждый по-своему, последовательно элиминируют трагедийное начало в своих инсценировках и постановках (Прикотенко в «Идиоте», Коляда в «Анне Карениной») — вместе с основной

трагизма: духовно-ценностными конфликтами и утратами. У первого трагическое заменено, хотя и очень ярко-экспрессивным, мелодраматическим, у второго — сатирическим³. В свою очередь, расцветшая во второй половине прошлого века массовая культура, ориентированная на ценности благополучия и психологического комфорта, культивирующая идеологию и психологию устойчивого (читай: «вечного») социального процветания, «здорового» консюмеризма и конформизма, веру в практическое торжество позитивных начал и сил общественной жизни, идеальных моральных императивов и мотивов и в то же время берущая на себя задачу коллективно-психологической компенсаторики рутины, скуки, смысловой пустоты (в сущности, духовного кризиса многих) и «отдельных», «частных» несовершенств благополучной жизни в развитых странах, эта массовая культура преодолевает, отменяет трагизм существования, уходит от него в своих иллюзорных мирах посредством сентиментального мелодраматизма, сильно, но ненадолго пугающего хоррора [Комм 2012; Скал 2009], эмоциональной встряски от встречи со множеством реальных и фантастических (вампиры, зомби и т. п.) монстров (см. об этом: [Антонов 2007; Головачева 2019; Голышко-Вольфсон 2010; Speaking of Monsters 2012; The Ashgate Encyclopedia 2014]), разнообразия криминальных историй и современных сказок — фэнтези⁴.

С другой стороны, сознание открывает новые, доселе не известные и не имеющие дискурсивного закрепления («названия»), но вполне качественно определенные ценности-смыслы, часть из которых можно рассматривать как а) новые модальности основных ценностей (красоты, прежде всего); часть — как б) модальности антиценностей (безобразного, низменного, комического); а часть — как в) особые, несводимые к традиционным, не имеющие (пока) названия.

А) В качестве довольно тонких (и потому не всеми бесспорно ощутимых, но зато все чаще улавливаемых и выражаемых искусством) «новых модальностей» классических ценностей можно привести городские пейзажи Павла Отдельнова (выставка «Русское нигде» в Ельцин Центре, Екатеринбург, 2021)

---

³ В то же время опыт современного театра свидетельствует о неустрашимости потребности в трагическом даже в эпоху разочарования и усталости. Источником вдохновения и духовной опорой здесь остается трагическая классика (античные трагедии, Шекспир), что подтверждают имевшие огромный социально-духовный резонанс постановки Терзопулоса, Штайна, Някрошюса и др. крупных режиссеров.

⁴ Косвенное, или обратное, подтверждение атрагизма постмодерна демонстрирует книга В. Руднева [Руднев 2019]. Совокупность духовно-психологических черт мироотношения, необходимых, по Рудневу, для назревшего преодоления постмодернизма, он, давая множество маловразумительных объяснений, тем не менее называет «новым трагизмом». И нельзя отказать интуитивной догадке известного гуманитария в точности: отказ от базовых позиций постмодернизма и создание новой («постпост-», «нео-» или «альтермодернистской» — термины пока обсуждаются) картины мира вернет в духовный мир современного человека трагическое как необходимый для него способ освоения мира и самоутверждения.

(рис. 3, 4). Эти странно красивые пейзажи, отстраняющие нас и, одновременно, невероятно притягательные, завораживающие, наводят на мысль о возможном источнике (источниках) такой модуляции — часто неожиданного и внутренне психосемантически сложного эстетического новообразования.

Обобщенно говоря (и, в «первом приближении», еще не выделяя вариаций и оттенков общего), таким источником видится особая, с обычной «человеческой» точки зрения непривычная, именно странная: лишенная непосредственного человеческого присутствия, осознанно и ощутимо «изъявшая» его и психологически отчужденная от зрителей и их представлений о «живой жизни» образная система, или контекст целого. Автор точных и глубоких настенных комментариев к выставке Отдельнова Елена Полякова описывает это так: «Если попытаться сформулировать сопротивляющийся вербализации зрительский остаточный шлейф, то можно сказать, что представленные на выставке “энigmatичные пейзажи” являют собой парадоксальное сочетание крайней отстраненности и материальности со сверхчеловеческой нежностью, переходящей в мистицизм». Полякова фиксирует особую предметность «Русского нигде», на самом деле узнаваемого зрителем как наше «везде» и переживаемое им как «дежавю» («Бесконечные казематы гаражей, уходящие в никуда пустынные трассы, промзоны, автодорожные развязки и другие “ничейные пространства” городских окраин...»). Это «не-места» (Р. Смитсон, М. Оже) и «гетеротопии» (М. Фуко), воспринятые и воссозданные через особую оптику: живопись на основе фотоснимков, сделанных искусственным интеллектом; «и в фотографических, и в живописных работах серии, не нуждающиеся в человеческом присутствии, ландшафты фиксируются как бы бесстрастным глазом машины». И этот художественный жест, делает вывод Е. Полякова, «подводит к своему пределу тему дегуманизации изображенного пространства и смерти субъекта в искусстве. Сам художник называет этот прием “принципом смоделированного удаленного взгляда”».

Эстетические же следствия такого видения таковы: нам показывают (изображают) формально гармоничные объекты и пространства — в своей спокойной геометрической «правильности» и «выразительности» красивые и возвышенные, точнее, способные «сами по себе» восприниматься как красивые или возвышенные (в первый момент они так и воспринимаются). Но ведь у Отдельнова эти «формальные», действительно «объективно» фиксируемые будто внечеловеческим взглядом эстетические «значения» в качестве «смыслов» осложнены тревогой, мрачными предчувствиями, подавляющими ощущениями пустоты и безжизненности и в результате — вопреки правильности, упорядоченности, «прибранности», спокойной статике изображаемых реалий — чувством экзистенциального абсурда и тоски. Откуда этот особый, трансформирующий и в большой степени отменяющий канонически-матричный смысл красоты эстетизм?

Рис. 3. Павел Отдельнов. Нигде. Желтая труба. 2020. Холст, масло. 100 x 200 см

Fig. 3. Pavel Otdelnov. Nowhere. A Yellow Pipe. 2020. Oil on canvas. 100 x 200

Источник: выставка П. Отдельнова в Ельцин Центре (Екатеринбург, 2021).

Фото Л. Закса

Рис. 4. Павел Отдельнов. Глобальность. 2020. Холст, масло. 100 × 200 см

Fig. 4. Pavel Otdelnov. The Global Dimension. 2020. Oil on canvas. 100 × 200

Источник: выставка П. Отдельнова в Ельцин Центре (Екатеринбург, 2021).

Фото Л. Закса

Если коротко и «феноменологически»: порядок и покой, увиденные и пережитые внутренне гармоничным человеком, и те же порядок и покой, представленные не просто «объективно», «до и без» человека (возможно ли в культуре такое вообще?!), а в своей обезчеловеченности, осязаемой «освобожденности» от «человеческого» — это две существенно разные вещи. Становящаяся контекстом художественная реальность, созданная Павлом Отдельновым, — безлюдная и лишенная примет непосредственной живой жизни, как бы оставленная человеком либо даже своей мертвой самооценностью, безжизненной правильностью и анабиотической «событийностью» выталкивающая и (на уровне рецепции) отталкивающая человека и «человеческое» среда — создает и иррадирует (и через предметные формы изображения, и как бы «напрямую») образный смысл опустошенности, отчужденности, сиротства, бессмысленности этого мира. Какие-то особые, недружественные человеку, отторгающие и тревожащие его красота и величие. Какой-то лишенный возможности радовать и, наоборот, *несчастный эстетизм*. А может, и проще: эстетизм, индифферентный к человеку, обходящийся без него. Еще и «приперченный» автором будоражащими уже своим красным цветом ироничными надписями, взятыми из пабликов как репрезентанты нашего коллективного бессознательного: «– Какой это год? — Это вчера»; «пластмассовый мир победил»; «я думала, это картина, а это жизнь»; «стабильностью пахнуло»; «будущее так и не наступило»; и даже собранные вместе контрадикторные «эстетические суждения»-оценки реальности:

- «во-первых, это красиво»;
- «эстетика пасмурных захолустий»;
- «эстетика отвратительного»;
- «никакой эстетики в этом нет».

Но ведь ЭСТ здесь есть! и оно отнюдь не безобразное, не отвратительное! Если эти «среды» и предметы и «травмируют» нас, то отнюдь не своим уродством, не формальной аномальностью и энтропийностью, не вульгарностью, пошлостью, вызывающим и шокирующим неприличием формы или существования (поведения). Они «всего лишь» внечеловечны. Лишены «телеологического тепла» (О. Манделштам). Не несут ни перспективы, ни утешения, ни витальной радости: в них нами же созданный, но не для нас существующий порядок. Наверно, его внечеловечность уместно признать бесчеловечностью. О таком можно сказать «красивое», но со множеством оговорок. А «прекрасное» никак не скажешь! А там, где это «возвышенно», тоже доминирует чужое и отчужденное превосходство, рождающее не страх или ужас, а глухую, давящую и подавляющую нас тоску: его вызов не хочется принимать и осваивать.

Б) Случай новых негативных (в генезисе, по крайней мере) ценностей. Тут «подойдут» в качестве примера «патологоанатомические» опыты фон Хагенса, неожиданно меняющие свой изначальный эстетический знак минус

на позитив и сочувствие (не в этом ли, кстати, общая логика, главная «идея»-смысл эстетизации вообще?!).

Эстетические объекты фон Хагенса, профессора-медика, крупного патологоанатома — мумифицированные им по особой технологии и к тому же «препарированные» трупы (рис. 5, 6). Его первоначальная и по сю пору главная цель — научно-просветительская: показать то, чего мы в повседневном опыте не видим: как устроено человеческое тело, каковы они, наши скелет, мышцы, внутренние органы, например, легкие и сердце. По сути, нам показывают «изнанку» организма, обеспечивающую нормальное биологическое существование людей и привычные, но, в сущности, удивительные трансформационные, динамические, силовые, собственно пластические и, в конце концов, эстетические возможности нашего тела. Задача показать их и впечатлить, чувственно и рационально, превратило работу Хагенса в арт-практику, а его анатомические произведения — в странные для глаза и души арт-объекты. С одной стороны, он делает предметом показа, зримым и впечатляющим, женщин и мужчин разных возрастов — такими, какими они выглядят «изнутри», что непривычно чисто рецептивно, тем более эстетически, поначалу отталкивает и часто шокирует зрителей. Для этого трупы препарируются (снимается кожа, обнажаются мышцы, а порой и более глубоко расположенные внутренние органы — в норме и патологии, как легкие курильщиков). С другой стороны, они становятся материалом и, в известном смысле, «исполнителями» для образного воплощения. С их участием создаются — моделируются, имитируются, «театрализируются» (разыгрываются) ситуации культурной (обыденной, спортивной, художественной) жизни. Заставляющие всматриваться, духовно-психологически осваивать и, в конце концов, принимать эти «театрализованные» мумифицированные трупы людей. Принимать и «гносеологически»: узнавая, познавая-осмысляя реальность до поры не виденного нами своего же «нутра»; и «аксиологически»: непривычное и с непривычки отталкивающее делая своим, привычным, психически (чувственно-эмоционально) адаптированным, приемлемым, созерцательно самоценным и даже одобряемым, значит, *эстетическим*, причем даже *эстетически позитивным*.

Тут освоение как *эстетизация* «отталкивающего» включает (в качестве основания-опоры) просветительское информирование и эпистемологическую мотивацию зрителя, его психическое привыкание, но также и важный момент известного *насилия* над сознанием созерцателя: принуждение смотреть, видеть, терпеть непривычное и поначалу отталкивающее и привыкать к нему. А в результате — «адаптация», примирение, преодоление отталкивания и отвращения, приятие и эстетическое переживание. Назвать объекты Хагенса красивыми, тем более прекрасными, вряд ли возможно (хотя бы потому, что наши эстетические матрицы «идеального» пока не включают чувственную реальность организма изнутри). Но и безобразными, отвратительными

Рис. 5. Гюнтер фон Хагенс. Экспонат выставки «Мир тела» (Москва, 2021)
Fig. 5. Gunther von Hagen. An Exhibit. Body Worlds Exhibition (Moscow, 2021)
Источник: [Шаран 2021]

Рис. 6. Гюнтер фон Хагенс. Экспонат выставки «Мир тела» (Москва, 2021)
Fig. 6. Gunther von Hagen. An Exhibit. Body Worlds Exhibition (Moscow, 2021)
Источник: [Шаран 2021]

(= отвращающими) их уже никак не назовешь: как признают многие посетители выставок фон Хагенса, они довольно быстро проходят путь от познавательного интереса к эстетическому приятию, к своеобразному «нравится».

В) Примеры новых, еще даже не маркированных эстетических значений — ценностных смыслов. Их появление связано с эстетизацией того, что до этого находилось за пределами эстетического отношения или имело, как только что приведенный пример, в основном негативное эстетическое значение. Так, не привлекали к себе внимания, находясь в зоне чисто утилитарного отношения, но и там существуя на периферии, такие явления, как всякого рода отходы, мусор и т. п. Понятно, что современная цивилизация переместила все это с периферии в центр — в качестве, прежде всего, утилитарно-практической и экологической проблемы [Яковлев 2021], но, уже отсюда, и проблемы духовной: этической, мировоззренческой и эстетической. Само обилие отходов и мусора в чувственной реальности рождает необходимость их эстетического освоения: гармонизации субъективности в отношениях с ними, адаптации духа и его психических сил к этой «лишней», ненужной, но сегодня неустранимой части предметного мира культуры, но и природы, поскольку мусор — это не только контейнеры, свалки, предприятия переработки и т. п., но и элементы, буквально засоряющие собой как культурный (город, общественные места, производственные пространства и т. п.), так и природный ландшафт.

И современное эстетическое и художественное сознание дает нетривиальный и нетрадиционный ответ на вопросы о *явлении* мусора, его *месте* в культуре, его значимости и смысле. Тут культурное сознание часто заменяет прямолинейную «эстетизацию безобразного» более многомерной и, в итоге, новой интегральной значимостью, где критичность выражена тонкой иронией, бесформенность объекта «оформляется»-снимается художественной формой, образным решением, а в самой хаотичной множественности и пестроте отходов обнаруживается парадоксальная эстетическая привлекательность, некая созерцательная самоценность самого разнообразия, уже «окольцованного» и укороченного формой презентации, наделенного ею обобщенным смыслом. К тому же у такого рода образов (не только у Й. Бойса, но и у «лириков»: И. Кабакова, Л. Тишкова и т. п.) ощутим противоречивый *культуроцентристский подтекст и контекст*. И в этом плане бытовой мусор, неказистые старые вещи как арт-объекты, репрезентирующие энтропийность, но и теплоту, трогательность, «домашность» повседневности и в целом мир массовой культуры, сопоставимы и стоят в одном ряду с бытовыми арт-объектами Э. Уорхола. Банки томатного супа «Кэмпбелл» тоже безусловно эстетичны, но не означаются простым «красиво» — «некрасиво».

Но есть и более трудный, более радикальный случай: обнаружение непоименованного ЭСТ в неприглядных, аномальных, «социопатичных» явлениях повседневной жизни. То, что с точки зрения «благополучного»

и «благовоспитанного» сознания просто неприлично, вызывает отторжение и даже отвращение, может, оказывается, обнаруживать вполне определенную *жизненность*, внутреннюю «нормальность» и «самодостаточность», моральную легитимность и — все это в себя вбирающую и оправдывающую — **целовечность**. И этим, кажется, сама собой напрашивающаяся «логика безобразного» отменяется, давая дорогу и место другого характера эстетизму. Уже отнюдь не безобразному и уродливому, тем более — не низменному.

Особенно сильно, мощно, пронзительно и властно этот непоименованный эстетизм выявляется-выражается в гениальных фото Бориса Михайлова (рис. 7, 8). Здесь, как я уже показывал в [Закс 2015], ЭСТ не становится красивым, но и безобразным не становится. Я предложил называть такие явления **некрасивыми**, подчеркивая отсутствие в этом прилагательном активных (агрессивно-отталкивающих) негативных значений и воздействий, присущих безобразному. Отсутствие красоты, визуальная неприглядность, таким образом, отнюдь не синоним уродливого и безобразного. Более мягкие, не столь радикальные варианты некрасивого можно видеть, например, на картинах Бальтюса и Люсьена Фрейда.

Закономерно возникает вопрос: чем определяется рост масштаба эстетической реальности, ее все более тотальный характер, о чем и свидетельствуют новые качественные модальности ЭСТ?

На этот вопрос я ответил бы так: во-первых, он определяется сущностными, самой спецификой ЭСТ определяемыми возможностями его роста; во-вторых — социокультурными основаниями, и одновременно стимулами, реализации этих «априорных» (сущностных) возможностей — их превращением в действительность.

История философии предлагает нам два важнейших варианта — две концепции сущности ЭСТ, очень разных — и дающих ЭСТ разные возможности. Я имею в виду версии Канта и Гегеля. По Гегелю, ЭСТ — чувственное явление сущности. Оно задано, но и ограничено самодвижением Абсолютного Духа. Это, во-первых, его специфическое качественное состояние-проявление: выражение и созерцание Духа/Идеала через реальные объективированные чувственные

Рис. 7. Борис Михайлов. Фото
Fig. 7. Boris Mikhailov. Photo
Источник: [Фотограф Борис Михайлов 2012]

Рис. 8. Борис Михайлов. Фото

Fig. 8. Boris Mikhailov. Photo

Источник: [Boris Mikhailov 2012, p. 72]

формы; и, во-вторых, внутри этой «ступени» саморазвития Духа разный расклад идеального и реального, что и порождает те или иные основные типы модальностей ЭСТ, воплощаемые основными историческими типами искусства. Как бы то ни было, логика ЭСТ, по Гегелю, это объективная логика, заданная онтологическими основаниями. Субъективность встроена в эту логику, задана ею, и потому ее роль вторична и не объясняет динамики ЭСТ.

По Канту же, ЭСТ — объективная необходимость и способность самой человеческой субъективности. Необходимость в условиях любой бытийной ситуации *гармонизировать отношения с чувственной реальностью*. Это универсальный запрос и универсальная возможность «возвышаться» над онтологической и ментальной включенностью в реальность и зависимостью от нее (= гармонизироваться и освобождаться). И это означает принципиальную независимость эстетического опыта (способности его осуществления) от онтологических оснований. Не они создают возможность и необходимость ЭСТ.

В позиции Гегеля, несомненно, есть рациональный смысл, своя, и большая, доля истины: конкретная содержательность эстетического «поля», содержание и соотношение эстетических ценностей определяются эстетически осваиваемыми субъективностью онтологическими условиями. Сегодняшние условия открывают новые уровни возможностей для ЭСТ. Но потребность и актуальное существование ЭСТ как освоения мира, воля и энергия эстетизации реальности — «функции» самой субъективности. Потому, признавая рациональность и релевантность наблюдений и идей Гегеля, как и идущего по его стопам Маркса и его очень разных последователей — исторических материалистов, мы всё же имеем основания признать: ***ЭСТ (как в истории, так и в современности) рождается и осуществляется, существует и растет по Канту.***

Это его, ЭСТ, культурная миссия — направленная на духовно-психическую субъективность всех людей.

Другое дело, что вслед за этой общей посылкой (универсальной возможностью и потребностью) нужно понять конкретные возможности и потребности «тотальной» реализации эстетической «машины Канта» — стимулов и ресурсов панэстетизации социокультурного мира. Тут дело не только в стимулах рыночных. И не столько. Не будь массового устойчивого человеческого запроса, и рынок не двинул бы с места процесс эстетизации. Я бы сказал, что сегодня это возможности на основе выросшего качества жизни обеспечить духовно-психологические потребности. Есть возможность и желание универсального духовно-психического «комфорта» — удовлетворенности во всех сферах человеческого присутствия. Эффекта гармонизации и внутренней свободы.

Список литературы

Агамбен 2018 — Агамбен Д. Человек без содержания / пер. с итал. С. Ермакова. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 160 с.

- Антонов 2007 — Антонов С. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // Гость Дракулы и другие истории о вампирах : сборник / пер. с англ., нем., фр. ; сост., вступ. статья, коммент. С. Антонова. СПб. : Азбука-Классика, 2007. С. 5–86.
- Антощенко 2013 — Антощенко В. С. Артефакты : фотоальбом. СПб. : Невский ракурс, 2013. 127 с.
- Бадью 2014 — Бадью А. Малое руководство по инэстетике / пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 156 с.
- Бурдье 2005 — Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.
- Головачева 2019 — Головачева И. Джеффри Коэн и все-все-все: обзор современной монстрологии // Новое литературное обозрение. 2019. № 1 (155). С. 353–362.
- Гольнко-Вольфсон 2010 — Гольнко-Вольфсон Д. Вампир versus зомби: заметки по культурной монстрологии // Синий диван. 2010. № 15. С. 76–88.
- Закс 2001 — Закс Л. А. Любовь — театр — культура. Рубеж веков [Электронный ресурс] // Петербургский театральный журнал. 2001. № 2 (24). URL: <https://ptj.spb.ru/archive/24/144-stranitsy-pro-lyubov-24/lyubov-teatr-kultura-rubezh-vekov/> (дата обращения: 18.06.2021).
- Закс 2015 — Закс Л. А. Эстетические ценности в современном искусстве: классическое и постнеклассическое // Studia Culturae : научный журнал кафедры культурологии, эстетики и философии культуры и Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 4 (26). СПб., 2015. С. 64–72.
- Закс 2017 — Закс Л. А. К познанию специфики современного искусства: культуроцентристская парадигма художественного сознания // Художественная специфика и социальный потенциал современного искусства : сб. науч. ст. / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина ; Гуманитарный университет ; сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 43–103.
- Закс 2021a — Закс Л. А. Культуроцентристская парадигма в современном искусстве // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 2. С. 419–434. DOI: 10.15826/qr.2021.2.587.
- Закс 2021b — Закс Л. А. Усталость от культуры как феномен социокультурной жизни: постановка проблемы и общая характеристика // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 23–47. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014.
- Комм 2012 — Комм Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб. : БХВ-Петербург, 2012. 224 с.
- Мамардашвили 2000 — Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
- Между автономией и протезизмом 2020 — Между автономией и протезизмом: формы/способы социокультурного бытия и границы современного искусства : монография / Л. А. Закс, Т. А. Круглова, И. В. Кондаков и др. ; науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. 330 с.
- Мортон 2019 — Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. И. Абраменко. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- Оже 2017 — Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
- Руднев 2019 — Руднев В. Новый трагизм. Психологические аспекты выхода из постмодернизма. М. : Академический проект, 2019. 196 с.
- Скал 2009 — Скал Д. Дж. Книга ужаса: История хоррора в кино / пер. с англ. А. Альбинского, А. Андреева, А. Старченковой. СПб. : Амфора, 2009. 319 с.
- Фотограф Борис Михайлов 2012 — Фотограф Борис Михайлов [Электронный ресурс] // Live Internet. Блог пользователя Pozd11. 24.12.2012. URL: https://www.liveinternet.ru/community/yuri_kossagovsky/post253793681/ (дата обращения: 18.06.2021).

- Харман 2021 — Харман Г. Объекто-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Шаран 2021 — Шаран О. Body Worlds: в Москве открывается выставка, которую ждали 26 лет [Электронный ресурс] // Icon Life. 11.03.2021. URL: <https://iconlife.ru/razvlecheniya/vystavki/672-body-worlds-v-moskve-otkryvaetsya-vystavka-kotoruyu-my-zhdali-26-let> (дата обращения: 18.06.2021).
- Яковлев 2021 — Яковлев А. С. Страна отходов. Как мусор захватил Россию и можно ли ее спасти. М. : Individuum, 2021. 288 с.
- Boris Mikhailov 2012 — Boris Mikhailov. *Time is out of joint*. Berlin : Berlinische Galerie : Landes Museum fur Moderne Kunst, Fotografie und Architektur, 2012. 170 p.
- Ranciere 2004 — Ranciere J. *Malaise dans l'esthétique*. Paris : Galilée, 2004. 172 p.
- Speaking of Monsters 2012 — Speaking of Monsters: A Teratological Anthology / Ed. by C. J. S. Picart, J. E. Browning. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 326 p.
- The Ashgate Encyclopedia 2014 — The Ashgate Encyclopedia of Literary and Cinematic Monsters / Ed. by J. A. Weinstock. Burlington, VT : Ashgate, 2014. 640 p.

References

- Agamben, G. (2018), *L'Uomo senza contenuto*, translated by Ermakov, S., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 160 p. (in Russian).
- Antonov, S. (2007), "The Thin Red Line. Notes on the Vampiric Paradigm in Western Literature and Culture", in Antonov, S. (ed.), *Gost' Drakuly i drugie istorii o vampirakh* [Dracula's Guest and Other Stories about Vampires], Azbuka-Klassika, Saint Petersburg, pp. 5–86 (in Russian).
- Antoschenkov, V. S. (2013), *Artefakty, fotoal'bom* [Artefacts, Album], Nevsky Rakurs, Saint Petersburg, 127 p. (in Russian).
- Augé, M. (2017), *Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la survodernité*, translated by Konnov, A. Yu., *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, 136 p. (in Russian).
- Badiou, A. (2014), *Petit manuel d'ineshétique*, translated by Ardamatskaya, D. and Magun, A., *Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge*, Saint Petersburg, 156 p. (in Russian).
- Berlinische Galerie (2012), *Boris Mikhailov. Time is out of joint*, Berlinische Galerie, Landes Museum fur Moderne Kunst, Fotografie und Architektur, Berlin, 170 p.
- Bourdieu, P. (2005), *Espace social: champs et pratiques*, translated by Shmatko, N. A. (ed.), *Institut eksperimental'noi sotsiologii*, Moscow, Aleteiya, Saint Petersburg, 576 p. (in Russian).
- Golovacheva, I. (2019), "Jeffrey Cohen and all, all, all: review of contemporary studies of monsters", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (155), pp. 353–362 (in Russian).
- Golynko-Vol'fson, D. (2010), "The Vampire vs. a Zombie: Notes on Cultural Monstrosity", *Sinii divan*, no. 15, pp. 76–88 (in Russian).
- Harman, G. (2021), *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*, translated by Fetisov, M., Ad Marginem Press, Moscow, 272 p. (in Russian).
- Komm, D. E. (2012), *Formuly strakha. Vvedenie v istoriyu i teoriyu fil'ma uzhasov* [The Formula of Fear. An Introduction to History and Theory of Horror Films], BHV-Peterburg, Saint Petersburg, 224 p. (in Russian).
- Mamardashvili, M. K. (2000), *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thinking], *Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy*, Moscow, 416 p. (in Russian).
- Morton, T. (2019), *Hyper-objects. Philosophy and ecology after the end of the world*, translated by Abramenko, V. I., Hyle Press, Perm, 284 p. (in Russian).
- Picart, C. J. S. and Browning, J. E. (eds) (2012), *Speaking of Monsters: A Teratological Anthology*, Palgrave Macmillan, New York, 326 p.
- "Photographer Boris Mikhailov" (2012), *Live Internet*, 24 December, available at: https://www.liveinternet.ru/community/yuri_kossagovsky/post253793681/ (accessed 18 June 2021) (in Russian).
- Ranciere, J. (2004), *Malaise dans l'esthétique*, Galilée, Paris, 172 p.

- Rudnev, V. (2019), *Novyi tragizm. Psikhologicheskie aspekty vykhoda iz postmodernizma* [New Tragedy. Psychological Aspects of a Way-Out of Postmodernism], Akademicheskii proekt, Moscow, 196 p. (in Russian).
- Sharan, O. (2021), “Body Worlds: an exhibition that has been waiting for 26 years opens in Moscow”, *Icon Life*, 11 March, available at: <https://iconlife.ru/razvlecheniya/vystavki/672-body-worlds-v-moskve-otkryvaetsya-vystavka-kotoruyu-my-zhdali-26-let> (accessed 18 June 2021) (in Russian).
- Skal, D. J. (2009), *The Monster Show: A Cultural History of Horror*, translated by Al’binskii, A., Andreev, A. and Starchenkova, A., Amfora, Saint Petersburg, 319 p. (in Russian).
- Weinstock, J. A. (ed.) (2014), *The Ashgate Encyclopedia of Literary and Cinematic Monsters*, Ashgate, Burlington, VT, 640 p.
- Yakovlev, A. S. (2021), *Strana otkhodov. Kak musor zakhvatil Rossiyu i mozno li ee spasti* [The Country of Wastes: How the Garbage Conquered Russia and Is it Possible to Rescue It], Individuum, Moscow, 288 p. (in Russian).
- Zaks, L. A., Kruglova, T. A., Kondakov, I. V., Abashev, V. V., Barkovskaya, N. V., Suvorova, A. A. et al. (2020), *Mezhdru avtonomiei i proteizmom: formy/sposoby sotsiokul’turnogo bytiya i granitsy sovremennoogo iskusstva, monografiya* [In-Between the Autonomy and Proteism: Forms and Ways of Sociocultural Being and the Limits of Present-Day Art, A Monograph], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, 330 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (2001), “Love — Theater — Culture. The Turn of the Centuries”, *Peterburgskii teatral’nyi zhurnal*, no. 2 (24), available at: <https://ptj.spb.ru/archive/24/144-stranitsy-pro-lyubov-24/lyubov-teatr-kultura-rubezh-vekov/> (accessed 18 June 2021) (in Russian).
- Zaks, L. A. (2015), “Aesthetic Values in Present-Day Art: The Classical and the Postclassical”, *Studia Culturae*, vol. 4 (26), pp. 64–72 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2017), “Study on Specificity of Modern Art: A Culture-Centered Paradigm of Artistic Consciousness”, in Zaks, L. A. and Kruglova, T. A. (eds), *Khudozhestvennaya spetsifika i sotsial’nyi potentsial sovremennoogo iskusstva, sbornik nauchnykh statei* [Artistic Nature and Social Potential of Contemporary Art, Collection of Scientific Articles], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, pp. 43–103 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2021a), “The Culture-Centered Paradigm in contemporary Art”, *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 2, pp. 419–434 (in Russian). DOI: 10.15826/qr.2021.2.587.
- Zaks, L. A. (2021b), “Fatigue from Culture as a Phenomenon of Sociocultural Life: Problem Statement and General Characteristics”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 23–47 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 29.10.2021

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
 доктор философских наук, профессор
 Гуманитарный университет
 620049, Россия, Екатеринбург,
 ул. Студенческая, 19
 Уральский федеральный университет
 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина,
 51
 E-mail: rector@guniver.ru
 Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about author

Zaks, Lev Abramovich
 D. Sci. (Philosophy), Professor
 Liberal Arts University — University
 for Humanities
 19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
 620049 Russia
 Ural Federal University
 51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
 E-mail: rector@guniver.ru
 Author’s ORCID: 0000-0003-1219-3404

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.028

УДК 659.4:070.1 + 004.77 + 316.77 + 316.33

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Э. Н. Бахтигареева

Уральский региональный центр
социальных технологий «Эксперт»
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье проведен анализ определений общественности как предмета социальных наук. Цель статьи — операционализация понятия «общественность» для его практического применения в системе функционирования политических институтов. Основа методологии — инструментальный подход. В качестве методов применены сравнительный, правовой анализ, описание и обобщение данных, анкетный опрос жителей крупного российского города на предмет оценки потенциала общественной активности в решении вопросов местного значения. Различные теории отечественных и зарубежных исследователей фокусируют свое внимание на тех или иных аспектах общественности. Представители управленческого подхода формально разделяют общественность на несколько групп — организованные структуры общественности (НКО, профессиональное сообщество и др.), действующие на постоянной и юридической основе, и активных граждан, действующих ситуативно в рамках определенного проекта в целях его обсуждения (заинтересованные граждане, экспертные советы и т. д.). В рамках политической теории общественность всегда сосредоточена вокруг проблемы, и формируется она посредством возникновения интереса к определенной проблеме. С точки зрения права общественность как понятие не обозначается, но косвенно

находит свое выражение в законодательно установленных формах реализации права на местное самоуправление. В PR общественность является лабильной, динамичной и неустойчивой к манипуляциям. Выделены ключевые характеристики рассматриваемого понятия, широко используемого в российском и зарубежном коммуникационном пространстве, но не оформленном в единое определение. Автор делает вывод о неоднородности, дуалистичности общественности, сосредоточенной вокруг определенной проблемы. В рамках эмпирического исследования выявлен низкий уровень общественного участия в проектах формирования комфортной городской среды при высоком уровне готовности включиться в решение других проблем города.

Ключевые слова: общественность, связи с общественностью, СМИ, политическая коммуникация, Россия, формы проявления общественной активности.

Для цитирования: *Бахтигареева Э. Н.* Общественность как предмет изучения социальных наук // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 67–83. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.028

THE PUBLIC AS A SUBJECT OF STUDY OF SOCIAL SCIENCES

E. N. Bakhtigareeva

Ural Regional Center for Social Technologies «Expert»
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article analyzes the definitions of the public as a subject of social sciences. The purpose of the paper is to operationalize the concept of the public for its practical application in the system of functioning of political institutions. The basis of the methodology is an instrumental approach. The methods used are comparative, legal analysis, description and generalization of data, a questionnaire survey of residents of a metropolitan Russian city to assess the potential of public activity in solving local issues. Various theories of domestic and foreign researchers focus their attention on particular aspects of the public. Representatives of the managerial approach formally divide the public into several groups: public organized structures (NGOs, professional community, etc.), acting on a permanent and legal basis, and active citizens acting situationally within a specific project to discuss it (interested citizens, expert councils, etc.). Within the framework of political theory, the public always focuses on a problem and forms through getting interested in a particular challenge. From the point of view of the law, the public is not designated as a concept but indirectly finds its expression in the legally established forms of realization of the right to local self-government. In PR, the public is labile, dynamic and unstable to manipulation.

The key characteristics of the concept under consideration, which is widely used in the Russian and foreign communication space, but not formed into a single definition, are highlighted. The author concludes that the public is heterogenic, dualistic, centred on a particular problem. The empirical study revealed a low level of public participation in projects associated with creating a comfortable urban environment. On the contrary, the level of willingness to get involved in other city problems is high.

Keywords: public, public relations, mass media, political communication, Russia.

For citation: Bakhtigareeva, E. N. (2021), "The Public as a Subject of Study of Social Sciences", *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 67–83 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.028

Введение

При изучении вопросов взаимодействия «общественности», «общественных организаций», «граждан», «народа» с органами власти мы часто сталкиваемся с терминологической путаницей, с расплывчатостью понятий, усложняющих не только понимание и изучение социальных процессов и их проблем, но и разработку управленческих решений. Несмотря на то что в органах местного самоуправления функционируют структуры по взаимодействию с общественностью, принципы и модель данного взаимодействия не имеют четкой концепции. Кроме того, в нормативных правовых актах всех уровней власти и описании деятельности их структур не закреплено понятие «общественность». В связи с этим отсутствует четкое представление о деятельности данных структур и возникает вопрос об эффективности их работы.

Понятие «общественность» и схожие с ним термины часто упоминаются в российском публичном пространстве, в нормативных правовых актах, названиях управленческих структур в органах власти, а также в выступлениях и высказываниях политической элиты, в СМИ и т. п. В Конституции Российской Федерации термин «общественность» отсутствует, однако в Основном законе страны можно встретить восемь формулировок, содержащих словосочетания, однокоренные с «общественностью»: «общественные объединения» в части ч. 4 и 5 ст. 13, ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 46, «общественная безопасность» в п. «б» ч. 1 ст. 72 и «общественный порядок» в ч. 1 ст. 114 и ч. 1 ст. 1324 [Конституция РФ 2020]. В остальных правовых документах рассматриваемый нами термин также встречается, и его определение официально нигде не закреплено. В связи с этим представляется важным рассмотреть различные теоретические подходы к пониманию «общественности», определить правовые

основы ее деятельности и обозначить особенности в системе функционирования политических институтов.

Различные теории отечественных и зарубежных исследователей фокусируют внимание на разных аспектах общественности. Представители управленческого подхода (С. И. Ревякин, И. Аверкиев, Л. Г. Бабенко и другие) формально разделяют общественность на несколько групп. В рамках политической теории (Ю. Хабермас, У. Липпман, Дж. Дьюи и другие) общественность рассматривается как субъект решения определенных проблем. В юриспруденции (В. Ф. Нестерович, В. А. Захаров) общественность как понятие не анализируется, но используется в законодательно установленных формах реализации права на местное самоуправление. В теории связей с общественностью (PR) (А. Г. Кривоносов, А. Н. Чумиков, В. Ф. Кузнецов и другие) она рассматривается как динамичная и устойчивая к манипуляциям общность.

Д. Ц. Бутитова отмечает, что проблемы становления и развития местного самоуправления (МСУ) в России связаны с тем, что сегодня недостаточно внимания уделяется совершенствованию взаимодействия этого органа власти с общественными структурами для их привлечения к активному решению местных вопросов [Бутитова 2009].

В связи с этим изучение и операционализация понятия «общественность» представляется важным в целях разработки и эффективной реализации форм общественного участия в местном самоуправлении.

Методология и методы исследования

Целью исследования является анализ сущности и содержания понятия «общественность» и его использования в эмпирических социологических исследованиях. В качестве методологии представлены инструментальный, институциональный, сравнительный подходы. Основу методологии исследования составляет инструментальный подход, при котором целью операционализации научной категории является его практическое применение в системе функционирования политических институтов [Dewey 1946].

В качестве методов исследования в работе применены сравнительный правовой анализ, описание и обобщение изученных данных; из эмпирических — анкетный опрос, интервью с экспертами. Объем выборочной совокупности опрошенных в 2019–2020 годах составил 1 200 человек — жителей Екатеринбурга, в возрасте от 18 до 87 лет. Средний возраст респондентов — 39 лет. Распределение по полу: женщин — 60 %, мужчин — 40 %. В ходе экспертных интервью было опрошено 16 специалистов по данной проблеме из Екатеринбурга: 6 человек — преподаватели политической науки, 6 экспертов-политологов и политических журналистов, 4 человека — депутаты городской Думы Екатеринбурга.

Результаты и обсуждение

Одно из первых упоминаний понятия «общественность» в отечественной литературе представлено в работе Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» [Карамзин 1982, с. 21]. Описав особенности функционирования европейских общественных и политических институтов, он дал возможность российской публике узнать о феномене гражданского общества и политического участия населения в решении вопросов местного значения, характерного для европейского общества. Автор использовал термин «общественность» для обозначения особого качества человеческой солидарности — «духа общности», или «мудрой связи общности». Указывается, что принадлежать к общности могут люди, ориентированные на сотрудничество с разными организациями при решении актуальных для общества проблем.

Следующее упоминание «общественности» представлено в переводе И. Тимковским в 1817 году книги шотландского философа А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества», где термином «общественность» обозначается *public spirit* («дух общности») [Волков 1997]. Далее это понятие появилось в работах литературных критиков и публицистов XX века — Белинского, Герцена, Огарева и других, отражая идею социальной солидарности — специфического качества, формирующегося у людей, заинтересованных в развитии общества. До XX века данным термином обозначалась качественная характеристика людей, связанных духом солидарности.

С формированием институтов общественного мнения на рубеже XX века и появлением новой публики, стремившейся утвердить ценности демократии, возникло иное понимание рассматриваемой категории. Ею стали обозначать определенную группу людей, которых объединяют схожие виды деятельности или взгляды на процессы, происходящие в обществе [Там же, с. 77]. Новая публика читающих и пишущих людей идентифицировала себя как общественность и противопоставляла себя остальному обществу. Общественностью стали называть более «прогрессивную» часть общества, основу которой составляли люди, ценившие идеи и дела, гражданские поступки. В то время «обществом» с пренебрежением называли высший свет, ориентированный на эстетизированное поведение и хорошие манеры [Elias 1978].

В современном научном дискурсе «общественность» рассматривается с разных сторон. Общественность как управленческая категория — это различные группы людей, реализующих определенные интересы (бизнес, граждане и их объединения). Соответственно, общественность включает в себя две группы: некорпорированную общественность (граждане) и корпорированную общественность (некоммерческие организации, научно-производственные объединения, политические партии, территориальные сообщества и др.) [Ревякин 2017, с. 237].

И. Аверкиев уточняет, что люди, составляющие общественность, стремятся реализовать интересы больших общностей людей: «Это совокупность гражданских лидеров, активистов, экспертов, или активная часть общества» [Аверкиев 2004, с. 13] Речь идет о выделении передовой части социума, влияющей на его развитие. Такой подход раскрывается Л. Г. Бабенко, отмечающей, что общественность — это «часть общества, коллектива и т. п., которая наиболее активно участвует в его жизни, определяет основные направления его развития, пользуется большим влиянием, уважением» [Большой толковый словарь 2009, с. 56]. Однако с таким узким определением согласны не все. «В современных обществах, — полагает Д. П. Гавра, — общественность состоит не только из интеллектуалов, ньюсмейкеров, лидеров мнений, но и из достаточно широких слоев... граждански активных и ответственных индивидов — субъектов гражданского общества» (цит. по: [Шаронов 2008, с. 257]).

Различия в подходах к анализу общественности как социального явления определяются выделением общих или специфических черт той общности, которая обозначается этим понятием. В широком смысле им обозначается «совокупность индивидов и социальных общностей, которые функционируют в публичной сфере и которыми движут общие интересы и ценности, имеющие публичный статус». Выделяются критерии принадлежности социального субъекта к общественности: во-первых, наличие у него общих интересов и ценностей с другими субъектами; во-вторых, готовность их активно утверждаться в процессе коммуникации со всеми членами группы [Кривоносов, Филатова, Шишкина 2012, с. 99].

В узком смысле общественность — «элемент широкой общественности, интересы и ценности которого связаны с рыночной, социально-политической или иной, имеющей публичный статус, деятельностью субъектов PR» [Егорова 2005, с. 7]. Такая общественность называется целевой. Согласно данному подходу, она имеет следующие особенности: в каждый определенный момент общественность состоит из множества целевых общественностей; один и тот же человек может выступать представителем разных из них; они могут создаваться в результате PR-деятельности [DOED 2001].

Значительный вклад в развитие представлений об общественности внесли исследователи политической активности граждан. По мнению Г. Лассуэлла, любой индивид, чтобы формально стать частью общественности, может быть элементом анонимной массы получателей сведений о политических процессах, происходящих в мире, минимально включаясь в среду символической коммуникации. Для этого достаточно пассивной привычки отслеживать главные темы обсуждений, представляемые СМИ. При этом исследователь утверждал, что принадлежность к так называемой «широкой общественности» невозможна: «индивид переходит из аудитории в публику, если он начинает понимать, что его намерения прямо задевают публичную политику» [Laswell 1966, p. 187].

Уровень социальной активности определяет принадлежность к общественности. Ее сохранение и повышение обеспечивают возможность оставаться представителем общественности конкретного города, региона.

Развивая эту идею, Дж. Дьюи отмечал, что общественность «состоит из всех тех, кого косвенные последствия чьих-то взаимодействий задевают до такой степени, что они осознают необходимость систематически озадачиваться такими последствиями» [Dewey 1946, p. 123]. Ю. Хабермас, подтверждая эту основную характеристику социальной группы, определял общественность как «специфический социальный квазисубъект, ориентированный на рациональное обсуждение общих проблем с участием всех граждан» [Соловьева 2009, с. 63]. При этом участие общественности в решении социальных проблем (public participation) инициируется ее представителями и не является частью формализованного управленческого процесса. Привлечение общественности (public engagement) к решению социальных проблем является более формализованным процессом, который происходит по инициативе органов власти. Так, департамент ООН по экономическим и социальным вопросам проводит различие между вовлечением общественности (или граждан) в их обсуждение и участием общественности в их решении на основе того, откуда исходит инициатива — от определенных социальных институтов или же со стороны общественности [Волков 1997, с. 80].

В отечественной литературе термином «общественность» чаще всего обозначается социально активная часть общества, которая на добровольных началах участвует в общественно-политической жизни страны. Для ее представителей характерны потребность в общении, ориентация на коллективную деятельность, приоритет общественных интересов над индивидуальными, активное выражение своей принципиальной позиции и т. д. Важной сферой деятельности общественности является ее участие в государственно-правовых мероприятиях [Нестерович 2014, с. 25].

В нормативных правовых актах отсутствует официальное закрепление данного термина. Однако с учетом наличия различных формулировок, включающих данное понятие, мы можем рассмотреть общественность в качестве институциональной структуры, осуществляющей свою деятельность с использованием имеющихся механизмов решения общественно значимых вопросов. Деятельность общественности в нашей стране регламентируется двумя основными федеральными законами — Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с последующими поправками).

В законе общественное объединение трактуется как «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения». Данный закон

допускает регистрацию объединений граждан в пяти организационно-правовых формах [Об общественных объединениях 2020]: «общественная организация»; «общественное движение»; «общественное учреждение»; «общественный фонд»; «орган общественной самодеятельности»; «политическая партия».

Участниками общественного объединения являются физические и юридические лица — общественные объединения, выразившие поддержку целям данного объединения и (или) его конкретным акциям, принимающие участие в его деятельности без обязательного оформления условий своего участия, если иное не предусмотрено уставом. Согласно закону, у граждан есть право по своему усмотрению вступать или создавать общественные объединения, не получив предварительно официального разрешения от органов власти, с условием соблюдения соответствующих норм. Таким образом, официально закреплено, что участие в деятельности «организованной» общественности является добровольным и доступным занятием для заинтересованных лиц.

В свою очередь закон о некоммерческих организациях устанавливает, что «некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности» [О некоммерческих организациях 2019]. НКО могут быть созданы в форме общественных или религиозных объединений, некоммерческих партнерств, общин коренных малочисленных народов РФ, казачьих обществ, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами. Таким образом, НКО как организация отличается от общественного объединения тем, что действует как структура не в личных интересах тех, кто в нее входит, а участвует в обсуждении и решении общих для больших групп населения проблем, сотрудничая с органами власти.

В. А. Захаров выделяет конкретные задачи общественных объединений в системе взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления [Захаров 2008, с. 112–113]. Объединим их в несколько групп.

1. *Социально-правовые*: разработка муниципальных нормативных правовых актов (выступление с законодательной инициативой), представление и защита законных интересов населения и т. д.

2. *Кадровые*: участие в формировании органов государственной власти, органов местного управления, выдвижение и поддержка кандидатов на выборах в органы местного самоуправления, государственные органы власти и управления, участие в поиске и подборе кадров для муниципальной службы и т. д.

3. *Коммуникационные*: взаимодействие с общественными организациями (объединениями) Российской Федерации и т. д.

4. *Организационные*: оказание органам местного самоуправления организационной, методической помощи; участие в проведении публичных слушаний по вопросам местного значения и т. д.

Следует отметить, что законодательно закрепленные демократические принципы предполагают активное общественное участие в решении вопросов местного и государственного уровня. Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что в основном обществе сегодня присуща традиционная для России политическая культура подданнического типа, что находит свое отражение в общественной пассивности, негативном отношении к органам местного самоуправления, отсутствии личной инициативы в решении локальных вопросов. В качестве причин низкой общественной активности исследователи выделяют недоверие к местной власти, невысокую оценку деятельности ее органов, слабую информированность о возможностях участия в решении вопросов местного значения [Бутитова 2009, с. 13].

Рассмотрев основные теории общественности и правовые основы ее деятельности в России, выделим ее ключевые характеристики.

1. *Активность*. Общественность — это активная в эксплицитной (деятельность субъектов, непосредственное участие) или имплицитной (наблюдение субъектов за ситуацией со стороны, проявление информационного интереса, просмотры) форме часть общества, не принадлежащая к государственным структурам и выражающая свои интересы как при помощи институциональных механизмов, так и посредством информационного или коммуникационного участия в тех или иных социальных процессах. Деятельность общественности направлена на поиск оптимальных способов решения конкретных социальных проблем.

2. *Ситуативный характер*. Общественность сосредоточена на решении определенной ситуации при столкновении разных взглядов, мнений. Там, где создаются предпосылки для проявления активной созидательной деятельности, имеющей общественно значимый характер, сосредоточиваются заинтересованные лица, впоследствии проявляющие себя как общественность.

3. *Неоднородность*. Общественность состоит из различных по социальным характеристикам групп. Она может быть разделена по принципу организованности на *некорпорированную* общественность — активных граждан и *корпорированную* — организации (НКО, государство, органы местного самоуправления, бизнес); по способам достижения целей — на *позитивную* общественность (конструктивность в действиях, рационализм, законность и т. д.) и *негативную* (преобладание негативных эмоций, использование деструктивных методов достижения личных целей и т. д.).

4. *Динамичность*. Один человек может быть представителем разных групп общественности либо менять группы, роли, цели в зависимости от форм участия в решении проблемной ситуации.

Рассмотрим трехуровневую структуру общественности, представленную в таблице 1.

Таблица 1. Структура общественности в системе взаимодействия ее субъектов*
Table 1. Structure of the public in the system of interaction of its actors

Субъект	Государственные организации	Негосударственные организации			Заинтересованные граждане	
	Представители власти, различные бюджетные учреждения	ОМСУ	Бизнес	Общественные объединения, в т. ч. НКО	Участники очных дискуссий, генераторы идей и т. д.	Читатели информационных материалов
Основная цель	Ликвидация резонансной проблемы, поиск ее решений					
Сопутствующие цели	Повысить доверие граждан, снизить социальную напряженность, извлечь репутационные выгоды и др.	Повысить доверие граждан, снизить социальную напряженность, извлечь репутационные выгоды и др.	Извлечь материальные и репутационные выгоды и др.	Решение социальной проблемы, укрепление связи с властью и бизнесом, получение репутационных выгод и др.	Самопиар, поддержка какой-либо стороны, извлечение финансовой выгоды и др.	Самопиар, информационная поддержка какой-либо стороны, извлечение финансовой выгоды
Роль	Администратор, координатор, арбитр	Администратор, координатор, арбитр	Инвестор, благотворитель, носитель проблемы	Координатор, благодетель, носитель проблемы	Носитель проблемы, наблюдатель	Наблюдатель, комментатор, носитель проблемы и др.
Ресурсы	Административные, материально-технические, информационные, финансовые, трудовые	Административные, материально-технические, информационные, финансовые, трудовые	Финансовые, материально-технические, информационные	Информационные, трудовые, материально-технические, финансовые	Информационные, трудовые, финансовые	Информационные

Проанализировав различные теории общественности, мы в процессе эмпирического исследования выявили, кем она является сегодня и в каких формах готова принимать участие в решении вопросов местного значения.

* Составлено автором.

Результаты опроса жителей Екатеринбурга показали, что 81 % опрошенных готов участвовать в решении вопросов местного значения. Однако большинство из них — только в обсуждении некоторых проблем. Полагаем, что ключевую роль в данном случае выполняет интерес к какой-либо теме. Общество мегаполиса проявляет наибольший интерес к рассмотрению проблем в сфере благоустройства города, здравоохранения, образования, организации культурной жизни и транспортного движения (табл. 2).

**Таблица 2. Сферы участия граждан в решении местных вопросов
(в % от числа опрошенных)**

**Table 2. Areas of participation of citizens in solving local issues
(% of respondents)**

	%
Сфера благоустройства города	45,3
Сфера здравоохранения	38,1
Культурная жизнь города	37,0
Сфера образования	32,6
Транспорт	32,6
Социальная поддержка населения	31,5
Борьба с коррупцией	30,4
Сфера ЖКХ	28,2
Сфера физической культуры и спорта	21,5
Строительство	16,0
Торговля, бытовое обслуживание	13,8
Другое	2,2

На примере проекта «Формирование комфортной городской среды» мы попытались выявить степень активности граждан в его реализации и предпочтительные для них формы проявления своей общественной позиции. Этот проект реализуется в России уже несколько лет и является одним из механизмов улучшения городской среды, а также включения граждан в развитие локальной территории. Опрос показал, что лишь 2,3 % респондентов принимают в данном проекте активное участие. Большинство (81,2 %) респондентов вообще не включалось в его реализацию.

Результаты исследования также показывают, что большая часть респондентов, принимающих участие в формировании городской среды (в том числе изредка участвующие), живут в Екатеринбурге больше 25 лет. Им хорошо известны проблемы города, и они заинтересованы в развитии своей малой родины.

Большинство из тех, кто *не участвует* или редко принимает участие в формировании городской среды, также являются уроженцами Екатеринбурга (50,1 и 51,4 % соответственно). В данную категорию попадают и те,

кто живет в Екатеринбурге больше пяти лет. Нежелание их влиять на формирование комфортной городской среды может быть связано с недостаточным информированием жителей о программе ее улучшения, а также определенным недоверием жителей к органам местного самоуправления. По данным многолетних всероссийских социологических исследований Левада-центра, в первую очередь граждане не доверяют тем социальным институтам, которые обязаны представлять и защищать их интересы. В частности, согласно рейтингу институционального недоверия 2020 года, 60 % респондентов не доверяют местным, городским, районным властям [Левада-центр 2020].

Исследование позволило оценить готовность респондентов внести свой вклад в создание комфортной городской среды. Заявившие о своей активности в данном проекте отметили участие в таких формах, как опрос жителей микрорайона, посещение собраний граждан, публичных слушаний. Следует заметить, что созидательные формы участия оказались непопулярными у респондентов, они редко выдвигают свои предложения о способах решения конкретной проблемы, не склонны непосредственно включаться в работу, направленную на улучшение условий проживания в городе.

Наименее распространенными формами оказались финансовая поддержка, участие в семинарах и воркшопах, подача заявлений на благоустройство конкретной территории. Это может быть связано с недостатком информации о данных формах участия.

Анализ реальной практики участия жителей Екатеринбурга в создании комфортной городской среды показал следующее. Согласно одному из исследований, чаще всего используется обращение в органы местного самоуправления (28,7 %) а также участие в публичных слушаниях и общественных обсуждениях [Зерчанинова, Тарбеева 2016, с. 26]. В течение 2012–2015 годов в Екатеринбурге проведено 338 публичных слушаний, в органы местного самоуправления подано свыше 100 тыс. обращений граждан, создано 44 ТОСа, проведено 14 опросов граждан. В последние пять лет наблюдается снижение количества опросов населения по актуальным проблемам создания комфортной городской среды, собраний, сходов по данному вопросу.

В нашем исследовании эксперты отметили пассивность населения Екатеринбурга в вопросах участия в местном самоуправлении.

«Широкие слои населения инертны при решении проблем развития Екатеринбурга. Существующая модель аполитичности демонстрирует черты традиционализма» (эксперт № 6, жен., наука).

«Общественность не оказывает влияния на развитие города, поскольку отсутствуют механизмы вовлечения всех социальных групп в процессы принятия управленческих решений» (она же).

По мнению экспертов, не следует принуждать людей участвовать в местном самоуправлении. Это отрицательно влияет на уровень доверия к органам

местного самоуправления и вызывает у граждан отчуждение от решения вопросов местного значения. В то же время информирование выступает важным элементом в диалоге между органами местного самоуправления и общественностью. Обеим сторонам необходимо проявлять взаимную заинтересованность в улучшении жизни горожан, чтобы сотрудничество было результативным.

Эксперты считают, что необходимо привлекать, в первую очередь, специализированную группу общественности: специалистов по конкретному вопросу. *«На каждую сферу должна быть своя общественность. Если это касается дорог, тут должны быть профессионалы в этой сфере»* (эксперт № 1, муж., власть).

«Я категорически против привлечения широких масс к решению любых проблем. Для решения проблем необходим контакт со специфическими группами людей, так или иначе связанных с той или иной проблематикой» (эксперт № 14, муж., наука).

Эксперты также отмечают, что чем выше связь обсуждаемых проблем с бытовыми и повседневными вопросами жизни конкретных групп жителей города, тем эффективнее будет привлечение общественности к их решению.

Таким образом, для формирования активной позиции общественности и улучшения взаимодействия граждан и органов власти необходимо повышать качество реализации существующих форм участия населения в решении вопросов местного значения. Эксперты настаивают на привлечении к проекту или решению проблемы той общественности, которая к ней причастна, а также профессиональной общественности, которая могла бы предложить компетентную программу или эффективное решение того или иного вопроса.

Жители Екатеринбурга, с одной стороны, готовы взаимодействовать с органами власти в институциональных формах участия для совместного решения вопросов местного значения. С другой стороны, население одного из крупных российских городов в настоящее время является лишь *потенциальной общественностью* при развитии системы самоуправления.

Заключение

Общественность — активная часть общества, *состоящая из различных организованных и неорганизованных элементов, способных перемещаться между группами в зависимости от ситуации, реагирующая на определенную проблему и ориентированная на ее решение, использующая как институциональные, так и неинституциональные инструменты.*

Общественность можно рассматривать как совокупность общественных государственных, негосударственных структур (общественных объединений, НКО, молодежных сообществ, научных и экспертных сообществ и т. д.), а также неравнодушных, заинтересованных граждан, реализующих свои инициативы

на добровольной основе и активно участвующих в решении местных проблем и общезначимых вопросов.

Эмпирическое исследование показало, что сегодня российская общественность является чаще всего потенциальным субъектом решения задач развития самоуправления на уровне конкретных территориальных образований. Для того чтобы граждане активно включились в работу по улучшению жизни в городах, поселках, селах, государству необходимо развивать гражданскую культуру населения, ответственного за состояние своего двора, района, города и страны в целом. Ключевую роль в этом процессе следует отвести системе образования, включая детей разного возраста в практику решения конкретных вопросов благоустройства среды проживания. Также следует использовать определенную систему морального и, возможно, материального поощрения людей, способных побудить граждан, внутренне готовых активно участвовать в совершенствовании условий своего проживания, к конкретным действиям. При этом органы местного самоуправления должны всячески поддерживать такую общественность, совместно с нею решая актуальные задачи развития конкретного города, поселка.

Список литературы

- Аверкиев 2004 — *Аверкиев И.* Российская общественность: тихий кризис идентичности // CIVITAS. 2004. № 1 (3). С. 13–14.
- Большой толковый словарь 2009 — Большой толковый словарь русских существительных / отв. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. 864 с.
- Бутитова 2009 — *Бутитова Д. Ц.* Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества современной России: региональный опыт : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : Гос. ун-т управления, 2009. 16 с.
- Волков 1997 — *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России : электронная библиотека. 1997. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 02.08.2021).
- Егорова 2005 — *Егорова Л. Г.* К лексикографическому определению понятийного аппарата PR-дискурса // Культура народов Причерноморья. Симферополь : Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2005. № 69. С. 7–12.
- Захаров 2008 — *Захаров В. А.* Влияние общественных объединений на органы местного самоуправления // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. 2008. № 4. С. 112–113
- Зерчанинова, Тарбеева 2016 — *Зерчанинова Т. Е., Тарбеева И. С.* Исследование практики участия населения муниципального образования «Город Екатеринбург» в местном самоуправлении // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 18–20 апреля 2016 г., Екатеринбург : в 2 т. Т. 1 / редкол. : А. П. Багирова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 76–80.
- Карамзин 1982 — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М. : Советская Россия, 1982. 608 с.
- Конституция РФ 2020 — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

- [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.08.2021).
- Кривоносов, Филатова, Шишкина 2012 — *Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А.* Основы теории связей с общественностью : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Связи с общественностью». СПб. : Питер, 2012. 384 с.
- Левада-центр 2020 — Доверие к институтам [Электронный ресурс] // Левада-центр. 21.09.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 05.08.2021).
- Нестерович 2014 — *Нестерович В. Ф.* Разграничение понятия «общественность» и смежных понятий и терминов в юридической науке // Алтайский юридический вестник. 2014. № 1. С. 25–30.
- О некоммерческих организациях 2019 — О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 02.08.2021)
- Об общественных объединениях 2020 — Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 02.08.2021)
- Ревякин 2017 — *Ревякин С. А.* Понятийно-категориальный аппарат проектов общественного участия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 2 (19). С. 235–238.
- Соловьева 2009 — *Соловьева Е. В.* Понятия «общественность» и «коммуникативное действие» Юргена Хабермаса как инструмент анализа социального партнерства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2009. № 1 (13). С. 62–66.
- Шаронов 2008 — *Шаронов Д. И.* Коммуникативное пространство общественности (методологический аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2008. Вып. 8 (64). С. 256–260.
- Elias 1978 — *Elias N.* The Civilizing Process : in 2 vols. Vol. 1 : The Development of Manners. Oxford : Blackwell ; New York : Urizen Books, 1978. 340 p.
- Dewey 1946 — *Dewey J.* The Public and its Problems. An Essay in Political Inquiry. Chicago : Gateway Books, 1946. 560 p.
- DOED 2001 — Manual for Public Involvement in the Environmental Impact Assessment (EIA) Process of Hydropower Projects [Electronic resource] / Department of Electricity Development, HMG Nepal, in Collaboration with United States Agency for International Development and International Resources Group. Kathmandu : Department of Electricity Development, 2001. 77 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/341272899_Manual_for_Public_Involvement_in_the_Environmental_Impact_Assessment_EIA_Process_of_Hydropower_Projects (access date: 05.08.2021).
- Laswell 1966 — *Laswell H. D.* The Structure and Function of Communication in Society // Reader in Public Opinion and Communication / ed. by B. Berelson, M. Janowitz. 2nd ed. New York : Free Press, 1966. P. 178–189.

References

- Averkiev, I. (2004), “The Russian public: the silent crisis of identity”, *CIVITAS*, no. 1 (3), pp. 13–14 (in Russian).
- Babenco, L. G. (ed.) (2009), *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh* [Big explanatory dictionary of Russian nouns], AST-Press kniga, Moscow, 864 p. (in Russian).
- Butitova, D. Ts. (2009), *Mestnoe samoupravlenie v sisteme vzaimodeystviya vlasti i obshchestva sovremennoi Rossii: regional'nyi opyt* [Local self-government in the system of interaction between government and society in modern Russia: regional experience], Abstract of Ph.D. dissertation, State University of Management, Moscow, 16 p. (in Russian).

- Department of Electricity Development (2001), *Manual for Public Involvement in the Environmental Impact Assessment (EIA) Process of Hydropower Projects*, Department of Electricity Development, Kathmandu, 77 p., available at: https://www.researchgate.net/publication/341272899_Manual_for_Public_Involvement_in_the_Environmental_Impact_Assessment_EIA_Process_of_Hydropower_Projects (accessed 05 August 2021).
- Dewey, J. (1946), *The Public and its Problems. An Essay in Political Inquiry*, Gateway Books, Chicago, 560 p.
- Egorova, L. G. (2005), "To the lexicographic definition of the conceptual apparatus of PR-discourse", *Culture of the peoples of the Black Sea region*, Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Iss. 69, pp. 7–12 (in Russian).
- Elias, N. (1978), *The Civilizing Process, in 2 vols, Vol. 1, The Development of Manners*, Blackwell, Oxford, Urizen Books, New York, 340 p.
- Federal'nyi zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ «O nekommercheskikh organizatsiyakh» [The Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On non-profit organizations" (as amended and supplemented, entered into force on December 02, 2019)] (2019), *Konsul'tantPlyus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed 2 August 2021) (in Russian)
- Federal'nyi zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ «Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh» [The Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ "On public associations" (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2020)] (2020), *Konsul'tantPlyus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693 (accessed 2 August 2021) (in Russian).
- Karamzin, N. M. (1982), *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 608 p. (in Russian).
- Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020 [The Constitution of the Russian Federation, adopted by national referendum on December 12, 1993 with amendments approved by the nationwide vote on July 1, 2020] (2020), *Konsul'tantPlyus*, available at: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/ (accessed 2 August 2021) (in Russian).
- Krivososov, A. D., Filatova, O. G. and Shishkina, M. A. (2012), *Osnovy teorii svyazei s obshchestvennost'yu* [Fundamentals of the theory of public relations], Piter, Saint Petersburg, 384 p. (in Russian).
- Laswell, H. D. (1966), "The Structure and Function of Communication in Society", in Berelson, B. and Janowitz, M. (eds), *Reader in Public Opinion and Communication*, 2nd ed., Free Press, New York, pp. 178–189.
- Levada Center (2020), *Doverie k institutam* [Trust in Institutions], available at: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (accessed 5 August 2021) (in Russian).
- Nesterovich, V. F. (2014), "Differentiation of the concept of 'public' and related concepts and terms in legal science", *Altai Law Journal*, no. 1, pp. 25–30 (in Russian).
- Revyakin, S. A. (2017), "Thesaurus for public participation projects", *Azimuth of scientific research: economics and administration*, no. 2 (19), p. 235–238 (in Russian).
- Sharonov, D. I. (2008), "Communicative space of the community (methodological aspect)", *Tambov University Review, Series Humanities*, no. 8 (64), pp. 256–260 (in Russian).
- Solov'eva, E. V. (2009), "The Analysis of Social Partnership through Key-Notions Used in Urgen Habermas's Works: 'Community' and 'Communicative Action' ", *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (13), p. 62–66 (in Russian).
- Volkov, V. (1997), "The public: the forgotten practice of civil society", *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii*, available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (accessed 02 August 2021) (in Russian).
- Zakharov, V. A. (2008), "The influence of public associations on local self-government bodies", *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 112–113 (in Russian).

Zerchaninova, T. E. and Tarbeeva, I. S. (2016), "A study of the practice of participation of the population of the municipal formation "The City of Yekaterinburg" in local self-government", in Bagirova, A. P. et al. (eds), *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii, materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18–20 aprelya 2016 goda, Ekaterinburg, v 2 tomakh. Tom 1* [Strategies for the development of social communities, institutions and territories, materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, Russia, April 18–20, 2016), in 2 vols, Vol. 1], Ural Federal University, Yekaterinburg, pp. 76–80 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 11.11.2021

Информация об авторе

Бахтигареева Эльвина Наилевна
ведущий специалист по связям
с общественностью
Уральский региональный центр
социальных технологий «Эксперт»
620049, Россия, Екатеринбург,
пер. Автоматики, 3А
E-mail: Elvinabakh12@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-1210-2771

Information about the author

Bakhtigareeva, Elvina Nailevna
Leading Public Relations Specialist
Ural Regional Center for Social Technologies
«Expert»
620049, Russia, Yekaterinburg, per.
Automation, 3A.
E-mail: Elvinabakh12@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-1210-2771

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.029

УДК 115.4 + 008 + 101.1 + 7.01 + 168:130.2

ХРОНОТОПИЯ ГОРОДА

Е. Я. Бурлина

Самарский государственный
медицинский университет
Самара, Россия

Аннотация: Целью статьи является обоснование понятия «хронотопия города». Оно позволяет сопоставлять разные городские типы в контексте цивилизационного развития. Хронотоп старого города и хронотопы индустриальных районов, «вес» прошлого и новые кварталы. «Хронотопия» рассматривается в данной статье как важный инструмент диагностики, своего рода «отпечаток» разных культурных и цивилизационных типов. Профессор Карл Шлёгел, выдающийся немецкий специалист по городам России, писал: «Видим пространство, понимаем время». Данный метод был апробирован в ряде исследований автора данной статьи, а также в публикациях аспирантов и докторантов кафедры философии и культурологии СамГМУ. Укажем на проект «Пространственно-временная диагностика города» (грант РГНФ № 14 03 00036), выполнявшийся автором и его молодыми коллегами, благодаря поддержке Российского гуманитарного научного Фонда. В его рамках был опубликован блок научных статей, а также сборники и монографии, в том числе «Город и время» (2012), «Время в городе» (2013), «Город как сцена» (2015), «Хронотопия города» (2016). Задачи первых двух параграфов данной статьи — анализ отечественных и зарубежных публикаций, близкой авторской концепции хронотопии города, или пространственно-временной диагностике. Задача третьей, финальной части статьи — диалог с фундаментальной работой немецкого культурфилософа и историка, профессора Шлёгеля «Советский век» (2017). Профессор Шлёгел, опираясь на Н. П. Анциферова, М. М. Бахтина и других известных российских культурологов, считает, что хронотоп города — самый точный инструмент анализа всей советской цивилизации. Советский индустриальный город прочитывается в «мини-хронотопах»: коммуналка, очередь, барахолка и др. По мнению автора данной статьи, перечень «советских хронотопов» более разнообразен и контрастен. В том числе «советский хронотоп» включал то, что М. М. Бахтин называл пространствами «внеаходимости». Вывод автора статьи состоит в том, что выбор «инструментов» (хронотопов) для анализа города продуктивен и далеко не исчерпан.

Ключевые слова: хронотопы и архетипы города, культурфилософские подходы, диагностика, пространственно-временная диагностика, хронотопы

советского города, концепция К. Шлөгеля, хронотопы «внеаходимости» по М. М. Бахтину, Л. А. Заксу.

Для цитирования: Бурлина Е. Я. Хронотопия города // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 84–108. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.029

CHRONOTOPIA OF THE CITY

E. Ya. Burlina

Samara State Medical University
Samara, Russia

Abstract: The article aims to substantiate the concept of chronotopia of the city. It allows us to compare different urban types: the old town and industrial areas, the heritage of the past and new quarters. The author sees chronotopia as an essential diagnostic tool, a kind of imprint of different cultural and civilizational types. Professor K. Schlögel, a prominent German expert on Russian cities, describing the method of chronotopia, wrote: “We see space, we understand time”. This method has been tested in several studies of the author, as well as in the publications of graduate and doctoral students of the Philosophy and Cultural Studies Department of SamGMU. The author’s project “Space-time-diagnostics of the City” (Grant No. 14 03 00036 of the Russian Humanitarian Scientific Foundation), carried out by the author and his young colleagues. Thanks to the support of the Russian Foundation for Humanities in Science. Within its framework, a block of scientific articles was published, as well as collections and monographs, including “City and Time” (2012), “Time in the City” (2013), “City as Stage” (2015), “Chronotopia of the City” (2016). The tasks of the first two paragraphs of this article are to present domestic and foreign publications close to the author’s concept of chronotopia of the city or spatio-temporal diagnostics. The task of the third and final part of the article is a dialogue with the foundational work of the German cultural philosopher and historian, Professor Schlögel, “The Soviet Century” (2017). Professor Schlögel, drawing on N.P. Antsiferov, M.M. Bakhtin, and other renowned Russian cultural philosophers believe that the chronotope of the city is the most accurate tool for analyzing the entire Soviet civilization. The Soviet industrial city has read in “mini-chronotopes”: kommunalka, queue, barakhloka, etc. According to the author of this article, the list of “Soviet chronotopes” is more diverse and contrasting. Besides other things, the “soviet chronotopes” included spaces, which M.M. Bakhtin called spaces of “impartiality”. The author of this article concludes that the choice of “tools” (chronotopes) to analyze the city is productive and far from exhausted.

Keywords: chronotopes and archetypes of the city, cultural-philosophical approaches, diagnostics, space-time diagnostics, chronotopes of the Soviet city, K. Schlögel’s concept, chronotopes of “extraneousness”, M. M. Bakhtin, L. A. Zaks.

For citation: Burlina, E. Ya. (2021), "Chronotopia of the City", *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 84–108 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.029

1. Пространственно-временная диагностика

Поясним нашу трактовку «хронотопии города» применительно к дальнейшему тексту. Как известно, истоки понятия «хронотоп» чаще всего связывают с выдающимися гуманитариями XX века — психологом А. А. Ухтомским и культурологом, филологом, философом М. М. Бахтиным. Сошлемся на ставшие классическими формулировки М. М. Бахтина о «жанре как памяти культуры», а также пространственно-временные координаты в работах Н. Л. Лейдермана [Лейдерман 2010], Ю. М. Лотмана [Лотман 1994], Ю. Подлубновой [Подлубнова 2005; Подлубнова 2010], А. Политова [Политов 2016], И. П. Смирнова [Смирнов 2008] и других исследователей формообразования в культуре, с цитированиями М. М. Бахтина [Бахтин 2012]. Благодаря названным научным школам, а также многочисленным и разнообразным практикам выросло и наше понимание «хронотопии города».

Предлагаемые формулы «город и хронотоп», «хронотопия города» основываются на том, что совместная деятельность горожан корректируется определенными матрицами пространства-времени, выработанными культурой, укорененными в том или ином городе. Сложившиеся в данном месте и в данное время хронотопы и архетипы фиксируют разные потребности горожан, в том числе их представления о городе в данном месте и времени.

Архетипы многих российских городов, получивших в годы войны и после нее мощные заводские объекты, расщепились, когда появились индустриальные районы, которые не срослись до сих пор со «старым городом». «Чужая Безымянка» — это архетип индустриального города. У «города» и «безымянки» — разные хронотопы (от даты рождения до типа застройки и до смысловых комплексов). Как правило, «старый город» в Самаре, Екатеринбурге, даже в Тольятти тяжело срастается с «новым городом», строившимся для обслуживания определенных заводских предприятий. Какие за этим стоят архетипы?

Поставленный вопрос касается не только антиномий между цивилизационными смыслами купеческого и индустриального города. В других городах — другие архетипы. Например, казусы Петербурга, с его великолепной европейской застройкой и разрушительными стихиями, сметающими культурный порядок, были предметом научного и художественного постижения едва ли не всей великой русской литературы и научной гуманитаристики. Особенностью великого и относительно молодого Петербурга, со времен его основания и до сего дня, было также присущее ему обилие и разнообразие институтов, олицетворяющих культуру (Академия и академии, университет

и университеты, невероятное разнообразие музеев, великая консерватория, старейшие вузы и исследовательские центры искусства, не десятки, а сотни профессиональных и любительских театров, музеев, уникальных библиотек и пр., пр.). Природные стихии, сметающие город, и густая сеть городских институтов, творящих город, не могли не сформировать архетип самого прекрасного и совершенного города Европы, подавляемого стихиями и возносимого великой культурой.

Примечательно, что многие исследователи используют понятие «хронотоп» применительно к Петербургу, ибо образы рукотворных и креативных пространств великого города, обреченного на столкновения с природными стихиями, накопили горы драматически выраженных образов. Описывая его судьбу, теоретики неизбежно включают «хронотоп»: время уникальных проектов, их отражение в художественном и научном творчестве и ментальную типологию.

Антиномичному природному и культурному хронотопу великого города на Неве посвящены замечательные и весьма разные по своей методологии и концепции. Вспомним только концепции Петербурга в XX столетии: от Н. П. Анциферова до И. Ф. Стравинского, Ю. М. Лотмана и М. С. Кагана [Анциферов 1991; Лотман 1994; Турома 2009; Каган 1996; Закс 2011].

В любой академической работе или художественном сочинении, посвященном Петербургу, репрезентируются не только улицы, площади, архитектоника, но также «Петербург Пушкина», «Петербург Достоевского» и т. п., вплоть до «Петербурга молодежной культуры», имеющего конкретные институциональные точки на карте города и сферы влияния. Все это базируется в неустойчивом и даже агрессивном природном пространстве, с его жертвами и потерями. Однако в Петербурге всегда побеждала сила человеческого духа и мощь художественной культуры.

Другие большие и малые города также кристаллизуют свои индивидуальные пространственно-временные формулы. «Хронотопия города» — одна из важных тенденций XXI века, сплетающая философский взгляд на город с ежедневной текучкой и рутинными практиками.

Сошлемся на публикации Ярославской школы культурологов: профессор Т. С. Злотникова впервые применила понятие «хронотоп» к аналитической модели российской провинции [Злотникова 2017; Злотникова, Летина 2013; Злотникова 2011]. Ее ученица и коллега, профессор Н. Н. Летина, впоследствии защитила докторскую диссертацию на тему: «Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.)» [Летина 2009].

Напомним также о мощном диссертационном потоке, созданном Н. И. Ворониной и ее коллегами в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева, в Саранске. Здесь был подготовлен полк докторов и кандидатов наук — культурологов [Воронина 2012]. Благодаря интенсивной

работе Диссовета, буквально каждый художник и писатель Мордовии, каждое село и монастырь получили историко-культурное описание, покрывающее всё пространство республики. Говоря языком канцелярита, благодаря гуманитариям состоялась историко-культурная паспортизация региона. Укажем и на возросшую роль институтов: кафедры культурологии в университете, музеев, «Центра М. М. Бахтина».

Великий гуманитарий, не нашедший себе работы в столицах, около 20 лет после войны прожил в Саранске. Достойный и выразительный памятник М. М. Бахтину, созданный скульптором Николаем Филатовым, установлен во дворе университета имени Н. П. Огарева. Проведенная в июле 2021 г. очередная «Бахтинская конференция», к материалам которой будем обращаться ниже, собрала докладчиков разных стран [Бахтин 2021].

Теперь позвольте сослаться на Самарскую школу культурологов, ибо в каждом городе свои проблемы и своя атмосфера. Одна из недавно опубликованных статей о Самаре озаглавлена: «**Город как сцена: “старый” — “безымянка” — “креативный”**» [Бурлина 2021]. Речь о типичной для российских индустриальных городов расколотости старого города и советских индустриальных районов, которые не срослись и остались чужими. Хронотоп города, то есть пространственно-временные матрицы, позволяет сопоставлять разные смысловые доминанты внутри одного города: старые купеческие конца XIX в. и советскую индустриальную Безымянку 1941 года, первых месяцев войны.

Образно говоря, в пространстве старой Самары «бродят» волжские купцы-миллионеры конца XIX в., сказочно разбогатевшие после строительства Транссибирской магистрали, застроившие город на рубеже XIX–XX вв. особняками в стиле модерн. Совсем как в Москве, Петербурге или Антверпене.

Индустриальная же Безымянка — относительно новый район Самары. Здесь расселились эвакуированные в войну ценнейшие заводы Москвы, Воронежа, Харькова, Киева. В купеческий город влились совершенно другие визуальные образы и персоналии, выдвинутые индустриализацией. Совершенно разные хронотопы и архетипы.

Это были уже не купцы, а уникальные советские директора и авиаконструкторы, выпускавшие в июле 1941 г., в голой степи, необходимые фронту самолеты ИЛ-2. Город в это время назывался Куйбышевом, а не Самарой. То ли случайность, то ли архетип, о котором говорили выше: долгие годы гигантский индустриальный район, выпускавший ракеты и уникальные двигатели для космоса, все равно называли именем железнодорожного полустанка: Безымянка.

Параллельной жизнью жил «город», с интересными театрами, вузами, музеями, восхитительной Волжской набережной. С премьерой Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, 5 марта 1942 г. В послевоенные годы на пространствах «старого города» мелькают даже изысканные лондонские джентльмены, члены знаменитой английской пятерки. Они не были гостями, скорее,

спрятанными здесь беглецами из Англии, чему способствовала абсолютная закрытость города.

А рядом была Безымянка — мощнейший индустриальный район, который, кроме ракет и самолетов, породил целый словарь со смыслами, понятными только местным: «девочка с Безымянки»; «Ты что, правда, с Безымянки?!»; «Что вы хотите? Безымянка...»

Тем не менее в центре внимания горожан в 1960-х гг. были организаторы легендарного Куйбышевского Молодежного клуба. Среди них было много выпускников безымянских школ. Они сумели дважды привезти в закрытый город Владимира Высоцкого — это была редкая удача; осуществить детские музыкальные конкурсы имени Д. Б. Кабалевского, где композитор своими великолепными рассказами и музыкой освобождал их от пресловутой «безымянки». В «старый город» съезжались все, когда проводились диспуты о поэзии Андрея Вознесенского; показывали фотовыставку «Пермские боги», а также многие другие акции, особенно значимые для многотысячной студенческой молодежи. Все, что эти ребята придумывали, проходило в старой части города...

Индустриальное «Безымянское пространство» было не только символом закрытости, военной тайны; его архетипами была чужеродность, неухоженность. Во всяком случае, жители «старого города» именно так интерпретировали переселенцев. Подчеркнем еще раз: на безымянских заводах работали сотни и тысячи прекрасно образованных инженеров и умелых рабочих; некоторые дети Безымянки были обеспечены отличными школами. **Не было** ни одного профессионального театра; ни одного открытого музея (то есть не внутри завода, на городских улицах). Не было выставочных галерей и каких-либо других открытых культурных пространств, кроме огромного Дворца культуры.

И все же самое массовое культурное событие, созданное в послевоенные годы в Куйбышеве-Самаре, — легендарный «Грушинский фестиваль», волжский Вудсток. Оно было придумано **вместе**.

Некоторые считают, что «Грушинский» связал город воедино. На «Грушинском» не было раскола между «городом» и «безымянкой», был один город, одна Волга, один амфитеатр прекрасных зеленых холмов. Был город, о котором то ли Окуджава, то ли Городницкий (разные воспоминания) якобы сказали: «**Самый свободный город в СССР**». Впрочем, гости говорили то же самое в Свердловске, Томске и Новосибирске.

Пространственно-временная диагностика этих и других городских феноменов — актуальная научная проблема. Ключевыми понятиями могли бы стать, например, «раскол» и «объединение» городских районов. Добавим, что научные идеи А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина и других выдающихся гуманитариев, позволяющие осмыслить «расколотые пространства» советских городов, далеко не освоены. Это — городская травма по отношению к прошлому, настоящему и будущему.

Примечательно, что участники недавно прошедшего в Саранске Бахтинского форума приняли предложение профессора Г. Л. Тульчинского о проведении следующей конференции, посвященной М. М. Бахтину, не в Саранске, где великий гуманист прожил последние 20 лет своей жизни, а в Петербурге. Дело не только в том, что с великим городом на Неве связаны университетские годы М. М. Бахтина и его брата Н. М. Бахтина, ставшего в послевоенные годы одной из «звезд» университета в Бирмингеме, соратником Л. Витгенштейна. По мнению людей, опытных в межкультурной коммуникации, проведение конференции в Санкт-Петербурге привлекло бы более широкий круг исследователей мира, изучающих нравственную философию и культурологию города, в том числе используя идеи М. М. Бахтина о хронотопах культуры.

Кроме того, предложение профессора Г. Л. Тульчинского, воспринятое как своеобразный «мост» между российскими и мировыми Бахтинскими конгрессами, отчасти уже было реализовано. В 2011 г., на Международной конференции в Бертиноро, подтвердившей мощную влияние философов-этиков идей М. М. Бахтина, уже состоялся «предварительный Петербургский конгресс», увлекший большинство участников [Тульчинский 2011].

Сошлемся также на некоторые методические «подарки» профессора Тульчинского: его лекция и презентация **«Братья Бахтины: Михаил и Николай»**, подготовленная для Высшей школы экономики, — уникальный пример глубокого научного анализа и умения методически ясно раскрыть сложнейшие философские вопросы и человеческие драмы XX века [Тульчинский 2000].

Завершая обзор довольно типичной для крупных российских городов смысловой раздельности индустриального города, мы хотели бы связать городские проблемы с текущей российской бахтинианой. На сегодняшний день она имеет объемную и разнообразную географию.

К тем научным школам, которые занимаются пространственно-временной диагностикой города, испытывая бахтинские влияния, помимо столиц — Москвы и Петербурга, а также Ярославля, Екатеринбурга, Саранска, Самары, можно назвать и другие места. Например, регулярные Бахтинские философские конференции проходят в Казани, Южном федеральном округе, в Ростове-на-Дону, под эгидой профессора И. А. Кудряшова [Кудряшов, Бессонова 2014]; также можно сослаться на свежие диссертационные работы по проблемам пространства-времени культуры, выполненные в Перми, Томске и других университетских центрах [Политов 2016].

Перейдем к зарубежным конференциям и публикациям, связанным с М. М. Бахтиным и далеко выходящим за пределы филологии, в область философии и пространственно-временных моделей культуры. В ретроспективе последних 5–10 лет Бахтинские конференции регулярно проходили в университетах Брюсселя, Гента, Лондона, Парижа, Иерусалима. Примечательно, что темпоральная тематика как отражение общественных и смысловых перемен

города всплывает в новых междисциплинарных сферах. Разумеется, это не означает, что научные массы всех стран устремились к изучению хронотопов. Дело в том, что пространственно-временная диагностика, с одной стороны, осязаема (время и место города, городские институты, гении места); с другой стороны, она притягивает и связывает множество разных культурфилософских дискурсов.

Сошлемся вначале на некий типовой медийный опрос, связанный с хронотопией. Многие американские журналы регулярно проводят опросы об использовании времени. Результаты показывают, пишет один из обозревателей, как «драматически изменилось» восприятие времени в городах Америки, начиная с 1987 г. Жизнь горожан становится все более напряженной, атомарной, что подтверждается характером использования времени.

С утверждением «наша семья каждый вечер ужинает вместе» в 1987 г. согласились 59 % опрошенных; в 2008-м — 20 %.

«Если бы у вас было свободное время, вы бы хотели его провести с семьей?»: в 1987 — 80 %, в 2008 — 31 %. Напротив, в комментариях нередко проходит предположение: «Даже если бы у американцев стало больше свободного времени, они бы потратили его на работу».

Старейший американский психолог и социолог Филипп Зимбардо, нередко цитирующий М. М. Бахтина, описывает еще один аналогичный опрос: «Мы спросили: представьте, если бы у Вас было восемь дней в неделю — что бы Вы сделали?» Люди выбирали не друзей, семью или сон. Реципиенты в основном отвечали: «Я бы больше работал, чтобы достичь большего» [Zimbardo, Boyd 2009].

А теперь назовем памятную научную конференцию в Генте (2010), посвященную М. М. Бахтину. В Предисловии к книге, выпущенной по материалам докладов, коллектив авторов так определяет его роль: «М. Бахтин показал, что трансформации временных концепций и пространственных представлений, совершающиеся в ходе культурной истории, отражают радикальные изменения культурных установок и жизненного опыта» [Bakhtin's Theory 2010]. Это исключительно важное методологическое заключение. Методологическая возможность улавливать меняющиеся пространства и диагностировать их темпоральными методами в высшей степени эффективна. Концепция подобного анализа закреплена в понятии «хронотоп».

Приведем еще одну цитату, суммирующую, по мнению названных уже авторов — бельгийских, французских и английских ученых, — связь между пространственно-временным анализом (хронотопом) художественного произведения и методами анализа города: «...понятие хронотопа помогло нам глубже и полнее понять смыслы “диалогизма” и “гетероглоссии”, связав литературную коммуникацию с конкретными образными единицами и родовыми паттернами. Таким образом, литература (*культура*) — это не просто идейный феномен, а уникальный эпистемологический инструмент, который касается

интеллектуальных, образных и эмоциональных установок» [Bakhtin's Theory 2010]. Теория хронотопа «указывает на пространственное и временное встраивание» человеческих действий, «чтобы предложить лучшее понимание того, как люди действуют в своих биотипах и семиосферах» [Bakhtin's Theory 2010].

Ниже мы будем ссылаться на диссертационное исследование С. А. Капкова [Капков 2020b], известного руководителя ряда культурных офисов в Москве, обобщившего свой практический опыт в интересном диссертационном исследовании. Примечательно, что в его теоретических разработках, к сожалению, еще не известных широко, присутствуют названные выше исследования.

Назовем еще некоторых зарубежных авторов, чьи интерпретации пространственно-временной диагностики (хронотопии) повлияли лично на наше понимание рассматриваемой проблемы. Израильский профессор и переводчик Елена Римон презентовала ряд удивительных концептуальных композиций [Римон 2012]. Ее статьи публиковались в самарских альманахах «Город и время» (Самара, 2012). Именно профессор Римон познакомила нас с важными зарубежными публикациями по хронотопии города [Levine 1998], что было исключительно полезно для всей группы самарских культурологов.

В свою очередь, мы информировали профессора Римон и других зарубежных коллег о Бахтинских конгрессах, новых диссертантах, посвятивших себя тому научному направлению, которое мы назвали «пространственно-временной диагностикой города», или «хронотопией города».

Процитируем некоторые идеи профессора Елены Римон, опубликованные в научном альманахе «Город и время» [Римон 2012].

Итак, профессор Римон, известный в Израиле переводчик и ученый, так пишет о трактовках времени в городе или в другом достаточно замкнутом сообществе: «В “Путешествиях Гулливера” Джонатана Свифта есть примечательный эпизод. Исследуя содержимое карманов Гулливера, лилипуты были изумлены и озадачены при виде найденной ими диковинной машины». Этот предмет «оказался похожим на шар, одна половина которого была сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла...». «Лилипуты приняли данный предмет за неизвестное им животное... Человек горы называет этот предмет своим оракулом...» Оказывается, что это — часы, с которыми Гулливер не расстается.

Далее автор ссылается на эксперимент американского психолога Роберта Левина, который в книге «География времени» исследовал темп жизни (pace of time) более чем в пятидесяти странах. В неспешном темпе, с обилием тонких цитат, автор научной статьи подводит читателей к фразе: «Бахтин показал в работе “Формы времени и хронотопа в романе”, что время является основой организации разных жанров...». Формы времени Бахтин назвал **хронотопами**. И последнее предложение в этом абзаце статьи Е. Римон: «Авторы романов не изобретают хронотопы, но опираются на парадигмы, существующие

в жанре, в его “памяти”, то есть в своего рода “коллективном бессознательном” культурной традиции» [Римон 2012].

Цитируя этот текст, вижу своих студентов — медиков, психологов, которым надо всё объяснить просто и лаконично, без лишних слов и ссылок на философские и культурологические термины. Любуюсь тем, как кратко и элегантно излагает сложнейшие идеи Елена Римон. Знаю, что она также имеет дело с разным контингентом, что не снижает уровня ее научных формулировок. Это видно по актуальной и полезной библиографии использования темпоральности в разных дисциплинарных отсеках [Римон 2012; Город и время 2012].

2. Диагностика города — гуманитарный поворот

На исходе советской эпохи произошла очевидная актуализация проблем, связанных с трактовкой города как территории коммуникативности горожан. Этот дискурс вызывал и вызывает значительный подъем в разных профессиональных сферах. Открывается «новая культурфилософская повестка»: значение «гомосферы города» для жизни, роль города и городских сообществ для себя и для страны; а также глобальная философия народа — трагедии «манкуртизма», разрушения старых ценностей и наследий культуры. В период цивилизационной «развилки» лица гуманитариев стали значительно более узнаваемыми и авторитетными.

Именно в этот период наметились новые повороты отечественной урбанистики: социология и философия города в публикациях А. С. Ахиезера, В. Л. Глазычева, Л. Б. Когана, новые подходы географов — В. Г. Каганского, Б. Б. Радомана, О. Н. Яницкого. Звездами научного подиума, повернувшись к провинции, к городу, стали региональные ученые — Е. Г. Трубина и Л. А. Закс в Екатеринбурге, З. И. Файнбург и О. Л. Лейбович в Перми; Т. С. Злотникова в Ярославле; Н. И. Воронина в Саранске, а также другие исследователи.

На пороге 1990-х вышла на арену гуманитарная урбанистика. В каждом городе открывались свои «гении места». Поворот к новому взгляду на культурную столицу совершила и книга М. С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» (1996), ставшая в своем городе научным бестселлером, университетским учебником, политически востребованным изданием, консолидировавшим далеко не только профессиональных гуманитариев.

В Екатеринбурге также поднялась новая волна — вышла в свет книга, созданная Е. Г. Трубиной, вызвавшая потрясение как в университетских сообществах, так и в среде урбанистов, социологов, журналистов [Трубина 2011].

Казалось бы, городское пространство — старая литературная тема: от Невского проспекта Гоголя, доходных домов по Достоевскому, до описанных Юргеном Хабермасом кофеен и полуразрушенного Кёльна, по Генриху Бёллю,

именем которого называли площадь у кёльнского собора, но не восстановили ни единого дома.

Однако молодой екатеринбургский профессор, как писали многочисленные рецензенты, увидела в городах взаимодействие и взаимопонимание, без которых не бывает городского пространства. Исходя из этого, Е. Г. Трубина призывает к совместной общественной и культурной деятельности в постсоветское время. Вот как это звучит в ее учебном пособии, обращенном к студентам: «Одно из измерений этой реальности — город как множество сетей интенсивного социального взаимодействия», в которой важность обретает самая обыденная «общественная и культурная деятельность», касающаяся, например, передачи денег в маршрутке или знакомства с музыкальными предпочтениями шоферов, выбирающих радио «Шансон» [Трубина 2008].

Однако нельзя сказать, что проблемы города богаче и интереснее развернулись на отечественной почве в постсоветское время. Напротив, «город» как социальное явление, по нашему мнению, активнее исследуется зарубежными гуманитариями. Некоторые из них и в 2000-х гг. предвзято изображают город как «каменные джунгли», «порождение пороков», «насилие либерализма» — ссылаемся на лекцию мэтра Жана Бодрийяра «Город и ненависть», прочитанную в Москве [Бодрийяр 2006]. Другие заседают долгими часами в разнообразных гуманитарных комиссиях, убеждая коллег в необходимости новых проектов благоустройства.

Нам представляется, что существо произошедших в 1990-х гг. перемен лучше многих других сформулировал патриарх современной философии, 87-летний немецкий философ Юрген Хабермас, который, обращаясь к российским гуманитариям, выдвинул фразу-стратегию: «*философская диагностика времени*» [Хабермас 1989].

Более или менее близкие суждения о миссии гуманитаристики в этот период высказывали и другие европейские ученые, на которых много и часто ссылаются: Ж. Бодрийяр, Л. Харрисон, С. Хантингтон. Однако Юрген Хабермас непосредственно обращался к российским коллегам-философам и подчеркивал, что теперь для них «открыт прорыв не в качестве профсоюзных или партийных кадров, а в качестве интеллектуалов» [Хабермас 1989]. Позиция патриарха немецкой философской мысли соответствовала отечественным культурно-философским практикам, в которых лидировали в конце XX века выдающиеся гуманитарии, готовые заново осмыслять социокультурное пространство Родины.

В контексте современной культурфилософской мысли постановка диагноза перестает быть чем-то, связанным лишь с медициной. Потребность «в диагнозе» и «лечении» испытывают самые различные сферы социальной жизни: экономика, образование, история, культура, урбанистика и т. д. Социокультурная диагностика становится познавательным компасом, который

активно используется социологами, культурологами и экономистами, политиками и инженерами, учителями и врачами, т. е. теми, чья профессиональная деятельность предполагает связи с другими людьми, а также совместные и целенаправленные действия. Социальная диагностика — это знание и выбор стратегий, рубеж между настоящим и будущими переменами. Учителю, социологу или врачу нужно определить сегодняшнее состояние, выявить текущие процессы и обозначить дальнейшие действия, а также и векторы развития. Юрген Хабермас в процитированной выше статье говорил, что именно философы могут внести особый вклад в самопонимание современных обществ с точки зрения их темпоральности, то есть в аспекте диагностики времени [Хабермас 1989]. Однако какой же должна быть организация этого исследования, какие задачи востребованы в России, а какие в Германии? Никаких ответов «тогда» не было. Вполне вероятно, что их нет и до сих пор.

Как может трактовать «**диагностику**» гуманитарий? С древнегреческого «диагностика» переводится как «различительное познание» — *diá-gnōsis*. В практике решения познавательных задач предполагаются разные ступени: знания, информационный кругозор, профессиональная эрудиция, а также способность оригинально интерпретировать весь комплекс известных подходов.

В медицинской среде есть десятки «блуждающих сюжетов», когда на основании одних и тех же клинических исследований врачи ставят разные диагнозы. Легенды о выдающихся диагностах, подобных И. А. Кассирскому или Г. А. Илизарову, воспроизводят сюжеты о медицинских консилиумах, на которых несколько врачей ставят один диагноз, а гениальный Кассирский — совсем другой. При этом все опираются на объективный осмотр и биохимические анализы. Интерпретация и креативность — разная. Только самому вдумчивому или гениальному врачу удается постичь и сформулировать именно тот диагноз, который спасет пациента.

Диагностика (от *греч.* *diagnostikós* — способный распознавать) — в целом ряде словарей трактуется как медицинский термин, связанный с распознаванием болезни [Ожегов 1991, с. 164]. Однако известны и другие трактовки, в том числе психологические и психиатрические диагнозы, уточняющие прогноз и возможности воздействия на пациента [Игнатова, 2018].

В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (составитель И. Т. Касавин, 2009) **диагностика** рассматривается как «когнитивная деятельность, состоящая в сопоставлении наблюдаемых признаков исследуемого объекта с системой априорно (нормативно) заданных эмпирических признаков с целью его идентификации и последующего проецирования на этот объект полученных ранее фактуальных и номологических знаний о нем или об однотипных с ним объектах» [Кротков, Носова 2009].

Диагностика базируется на объективных данных, однако она и субъектна. Только хорошо подготовленный человек способен уловить оригинальные

комбинации фактов, в которых заключается единственно верный вектор успешного проекта будущего.

Нечто подобное наблюдается в разных сферах, требующих не только знаний, но и креативной интерпретации: диагностика пронизательного сыщика, складывающего улики неожиданным образом; уникального учителя, разглядевшего в хулиганистом подростке одаренного организатора; гениального политика, делающего решающий шаг на пути к будущему нации.

Применительно к социокультурной реальности, диагностика не ограничивается сопоставлением нормативных признаков с показателями конкретного, индивидуального объекта, что позволяет произвести его оценку. Она также подразумевает последующую интерпретацию, извлечение сопутствующих смыслов и креатива [Бурлина 2016].

Обращаясь к диагностике гуманитарного пространства, следует отметить, что исследование пространства совмещается с исследованием времени, что стало характерной «меткой» философских дискурсов рубежа XXI века. Например, Г. Гусейнов чутко уловил речевой поворот 2000-х гг., что отразилось в большом перечне приведенных им примеров использования слова в совершенно немислимых прежде контекстах. Ученый назвал **пространство** «модным словом философского дискурса», отмечая его избыточность [Гусейнов 2002].

Имеют ли подобные изменения дискурсов отношение к хронотопии города? Прочитаем, что пишет Анри Лефевр в самом начале своей книги «Производство пространства» о появлении новых актуальных смыслов пространства. Он заметил, что «достижения космонавтов и полеты межпланетных ракет, безусловно, ввели пространство „в моду“: пространство того, пространство сего — пространство живописи, пространство скульптуры и музыки». Сам Анри Лефевр увязывает проблему пространства с устройством города и жизнедеятельностью горожан. «Как можно помыслить Город (его повсеместную имплозию-распад, современный Урбанизм) без ясного представления о пространстве, которое он занимает, которое себе присваивает или отбрасывает?» [Лефевр 2015, с. 9].

Вышеизложенный обзор, а также личный исследовательский опыт подтверждает возможности пространственно-временной диагностики разных российских городов. Сошлемся на некоторые собственные исследования: «Полифонию городских пространств» [Бурлина 2014а; Бурлина 2014b; Иливицкая, Бурлина 2014; Майсциес 2014], монографию «Хронотопия города» [Бурлина 2016], в которых исследовались хронотопы российских городов разного типа, а также их систематизация.

Диагностика города трактуется нами как выявление и анализ смысловых конструкторов, закрепленных и откристаллизованных в пространстве города и имеющих системное пространственно-временное основание.

Пространственно-временная диагностика открывает новые возможности для типологии городов: критериями здесь служат время рождения города и место, отношение к наследиям и сочетанию наследий (историко-бытийный хронотоп), повседневная жизнь горожан и ее формы (профанный хронотоп); наличие форм индустриальной и постиндустриальной культуры в хронотопе одного города, его открытость, разнообразие, мобильность, включенность в глобальные процессы [Бурлина 2016, с. 67].

Подобная типология выявляет также целый ряд противоречий, типичных для городских хронотопов: пространственный разлом отечественных индустриальных городов (город и «безымянка»); столичный поворот к комфортному евроремонту, а значит, особо тесным контактам и интернационализацией производств; экзистенциальное пограничье малых городов; феномен «третьих столиц», к которым относится не только Казань, но и вереница разных миллионников.

Современные исследования городов — это не только изучение насыщенности городских пространств разными типами производств, культурными памятниками, но, как подчеркивают урбанисты, — это пространство, где совершается производство горожан. Их ценности и предпочтения, притоки новых людей и ориентации коренных жителей далеко не всегда совпадают. Там, где нет городского сообщества, нет и города, — считают урбанисты.

Хотелось бы также обратить внимание на одно, в высшей степени интересное исследование, глубоко переработавшее ряд теоретических концепций и урбанистических практик, связанных с молодежью и новыми жителями. Автор — С. А. Капков, в течение ряда лет занимавший разные административные посты в Москве и способствовавший продвижению новых урбанистических проектов. Примечательно, что в своей научно-исследовательской работе, так же как и в блестящих практических проектах, автор использует понятие диагностики, вызвавшей к жизни те или иные инновационные урбанистические проекты.

Детально рассмотрев историко-философские проблемы города и их трактовку в XX столетии, С. А. Капков заключает, что на пороге XXI в. многие городские общественные пространства теряют свои утилитарные функции (как, например, центральная торговая площадь в средневековом городе), но возрастают их иные и многофункциональные роли. Это относится к свободным городским пространствам (парки, скверы, бульвары, кафе, театры, музеи, стадионы). У них нет прямых политических или экономических функций, но они выполняют достаточно важные культурные, коммуникативные и рекреационные функции. Так называемые «не-места» (М. Оже) начинают выполнять коммуникативные функции, аналогичная роль ложится также на виртуальные пространства. В группе «не-мест» оказываются обширные территории: площади, рынки, набережные, парки, прогулочные дороги, бульвары, кладбища,

общественные площадки административных, религиозных, культурных и спортивных объектов и т. д.

При всей практической направленности своего диссертационного исследования С. А. Капков вполне правомерно ссылается на М. М. Бахтина, утверждая, что городские пространства «можно соотнести с понятием *хронотоп*, введенным в гуманитарные науки М. М. Бахтиным» [Капков 2020b, с. 100]. Ссылка на хронотоп города, по Бахтину, — это, во-первых, методологическое указание на связи разных времен в едином городском пространстве; во-вторых, проективное убеждение в том, что опыт городских наследий во многом предопределяет то, что здесь может произойти в будущем.

Думается, что сам Бахтин принял бы обоснование современных общественных пространств, предложенное Капковым: «Они связывают публичное лицо города, его репрезентацию в государственном и мировом культурном пространстве с потребностями жителей в общении, отдыхе, культурном развитии и свободной самореализации» [Капков 2020a, с. 28]. Примечательно и то, что Бахтин в тексте названной научной работы, посвященной трансформациям города, исключительно уместно соседствует с идеологами «креативной экономики и нового урбанизма»: Ю. Хабермасом, Дж. Хокинсом, Р. Флоридой, Ч. Лэндри, Дж. Джекобсом, Я. Гейлом и другими [Капков 2020b].

Приведем в конце этого раздела еще одну ссылку на диссертацию С. А. Капкова, который использует поразительные результаты исследования о потребности горожан в новых городских пространствах: «В 2013 году Парк Горького вошел в топ-25 “чекинов” на Facebook, в 2014 году — занял 5-ю строчку рейтинга самых популярных мест в Instagram в мире. В период с 2011-го по 2014 год было благоустроено и обновлено более 20 парковых территорий» [Капков 2020a, с. 147–148]. Представляется, что выводы автора исследования ориентированы на развитие городов. Тем более примечательно, что практические результаты совпадают как с методологией хронотопов, по М. М. Бахтину, так и с диагнозами выдающегося британского ученого Чарлза Лэндри — идеолога «креативных городов» [Лэндри 2006, с. 183].

3. «Видеть пространство — слышать время»

Можно назвать довольно значительный корпус известных зарубежных гуманитариев, изучающих именно российские города, причем не только сегодняшнее состояние, но и опыты прошлого и вероятную динамику развития отечественной урбанистики. Первым из зарубежных ученых в этом списке мы бы назвали известного немецкого профессора Карла Шлёгеля. Он посетил и описал множество городов Советского Союза. Одно из ключевых понятий его методологии — «хронотоп города», со специальным введением, посвященным М. М. Бахтину и предполагающим проецировать «хронотопию»

на техники пространственно-временного анализа советского города и всей советской цивилизации. Назовем некоторые фундаментальные исследования профессора, посвященные Москве: «Постигая Москву» [Шлэгель 2010] и Петербургу как лаборатории модерна [Schlögel 2002]; а также всей советской культурной типологии и ее хронотопам. Названные работы К. Шлэгеля подчинены единой методологической идее, которая нам чрезвычайно близка. Карл Шлэгель убежден, что пространство города опредмечивает трактовку времени и смыслы городских трансформаций. Излюбленный методологический тезис К. Шлэгеля — исследователя городов: **видеть пространство — слышать время**. Эта методология детально описана в его книге «Im Raume lesen wir die Zeit über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik» (2003), название которой мы перевели бы так: «В пространстве города читаем мы время мировой истории и геополитики» [Schlögel 2003].

Закончив еще в 1960-х гг. аспирантуру по истории в МГУ, Карл Шлэгель блестяще овладел русским языком, перевел «Вехи» на немецкий язык. Вернувшись в Германию, он стал автором многих книг, описывающих российские города, в том числе и дореволюционные, воссоздающие объективные процессы, пережитые и переживаемые Россией.

В последний рабочий день 2017 года, перед Рождеством, 24 декабря, утром, на прилавках книжных магазинов Германии появился еще один монументальный том, объемом в 912 страниц, созданный профессором Шлэгелем — «Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt» («Советский век. Археология исчезнувшего мира») [Schlögel 2018].

Отметим, что многие книги К. Шлэгеля, имея фундаментальный научно-фактологический базис, с одной стороны, тяготеют к методам экскурсии, а с другой — к смысловым обобщениям философии и архитектуры, кристаллизующим городской хронотоп.

Монументальный труд Карла Шлэгеля «Советский век» использует, как уже было сказано, методологию хронотопов по Бахтину и со ссылками на Бахтина. Ученый конструирует типичные советские хронотопы — пространственно-временные формы, репрезентирующие, по его мнению, советскую цивилизацию. Книга выстраивает линейку подобных типичных советских хронотопов. Автор последовательно и увлекательно выявляет символическое значение не толькостроек советского века — Днепрогэса, Магнитогорска, но и таких советских пространственно-временных комплексов, как «дача», «барахолка», «толкучка», «коммуналка».

Возьмем, например, страницы, посвященные «очереди», «барахолке», «коммуналке» в монографии «Советский век». Названные социокультурные срезы профессор Шлэгель не просто связывает с определенным пространством и временем, но видит в каждом из названных блоков кристаллизацию типичных форм жизни.

Очередь в магазин стыкуется с цитатами из «Реквиема» Анны Ахматовой о муках «тюремных очередей», в которых «она» стояла вместе с другими женщинами. Очередь — это время ожидания и трагические смыслы бесправия и надежды. Простая формула времени-пространства: друг за другом, часами, в ожидании, в длинную и змеевидную линейку, не надеясь на справедливость, только бы передать самое необходимое своим родным — сыну, мужу, брату. С нашей точки зрения, «очередь» — исключительно точно описанный пространственно-временной хронотоп.

Или еще одна матрица советского пространства, выделенная профессором Шлэгелем, — «коммуналка». Ее смыслы гениально представлены во множестве художественных произведений: от И. Ильфа и М. Булгакова до И. Бродского и Л. Петрушевской. По мнению профессора К. Шлэгеля, коммуналка не только лишала человека приватного пространства, личных вещей, но предоставляла право издеваться над человеком в его самых интимных физиологических проявлениях.

Безусловно, масштаб, качество и интерпретация собранных К. Шлэгелем материалов заслуживают огромного уважения. Детализация быта и повседневности подтверждает концепцию исследователя: советская цивилизация закладывала в свои макро- и микроклетки незащищенность и равнодушие к конкретному человеку. И всё же представленная монография предполагает дискуссии.

Даже в беглом знакомстве с хронотопией как инструментом анализа, который выбирает профессор Шлэгель, при всем уважении к знаниям автора и его титанической работе, возникает вопрос об «альтернативных советских хронотопах», игравших доминантную роль для интеллигенции, системы просвещения и науки. К примеру, роль библиотек и книг в советской цивилизации; значение домашних библиотек и погоня за их пополнением.

Вспомним, например, повесть Николая Шмелева «Пашков дом», опубликованную уже в 1987 г. и с восторгом принятую читателями. Автор был не только писателем, но и одним из идеологов экономических реформ в стране и глубоким критиком советской эпохи. Однако в данной повести, прощаясь с тотальной советизацией, он любовно воспроизводит типичный советский хронотоп — библиотеку. Незабываемые библиотечные пространства, близкие как жителям столиц, так и читателям сельских библиотек советского времени. Кто только не восклицал, как и один из героев Шмелева: «Меня от всего плохого в жизни всегда спасала библиотека!..»

Список альтернативных хронотопов, дополняющих «советские хронотопы», по Шлэгелю, как нам думается, можно многократно расширять: «московские кухни», собиравшие людей в разных городах; театры в столицах и в провинции, в которые трудно было попасть; вечера поэзии и многотысячные фестивали самодеятельной песни. «Бегство в горы» как специфический

хронотоп позднесоветской культуры или смысловой контекст таких неформальных праздников на природе, как «Грушинский фестиваль», собиравший 100-тысячную аудиторию слушателей, за городом, на холмах, спускающихся к Волге.

Сцена «Грушинского» опускалась прямо на воду. Сцена была вырезана в форме гитары. Амфитеатром к ней служили зеленые холмы. 100-тысячный амфитеатр слушателей! Самостоятельно и самодеятельно придуманное и организованное действие с участием знаменитых бардов — Юрия Визбора, Александра Городницкого, которые называли «Грушинский фестиваль» «Русским Вудстоком», персонификацией свободы...

Нельзя забыть и такой массовый хронотоп советской цивилизации, как двор, стиравший границу между официальным и маргинальным мирами. Великий артист и поэт советского времени Владимир Высоцкий был любим еще и за открытие «маргинальных пространств», о которых не говорили, не писали, делая вид, что не знают об инвалидах, блатных пацанах и профессиональных ворах. Это было сообщество, закрытое от официоза, но открытое соседям.

Пустившись, вслед за профессором Карлом Шлэгелем, в размышления о продолжении списка советских хронотопов, мы хотели бы пойти по его стопам и использовать его, несомненно, значительное методологическое открытие. В той или иной степени это касается и других трудов выдающегося ученого, нацеленных на создание новых техник и приемов анализа «советского века».

Процитируем слова профессора Карла Шлэгеля в Заключении книги. Ученый постоянно напоминает, что история «происходит не только во времени (Zeit), но и в пространстве (Raum)», на чем базируется актуальная и концептуальная сила его методологии.

Заключая размышления о пространственно-временных измерениях города, нельзя не обратить внимание на то, насколько притягателен и разнообразен «бахтинский след» в разных дисциплинарных исследованиях, принадлежащих ряду не только филологов, философов и урбанистов, но также культурологов и эстетиков.

Приведем, например, неожиданный и точный диагноз профессора Л. А. Закса, связавшего творчество позднего А. М. Горького с понятием *«внеаходимости»*, *«междуаходимости»*, по М. М. Бахтину. По мысли исследователя, герой для Горького — не самовыражение автора, но особая пространственно-временная позиция. Цитируем Л. А. Закса: «Горький сумел в полипротиворечивом мире своей эпохи занять позицию “междуаходимости” по отношению к полюсам ведущих противоречий и к самим этим противоречиям» [Закс 2018]». Позиции междуаходимости, «внеаходимости» — исключительно важная тема для советского города, она заслуживает пристального внимания при обнаружении разных хронотопов междуаходимости:

в краеведении, в детской литературе, музыкальных школах, которые процветали в отличие от других форм дополнительного образования.

И последнее. Культурфилософская методология города, выстроенная разными авторами, в том числе Бахтиным и Шлёгелем, чрезвычайно креативна. Хронотопию города уже не отменишь. Постигая пространство, мы видим время, как сформулировал профессор К. Шлёгель. Вряд ли с этим можно спорить.

А вот с авторами — при всем к ним почтении — вести диалог и спорить допустимо, в особенности в журнале с выразительным названием «Koiron». Для этого мы и процитировали замечательные исследования, позволяющие вместе думать и отвечать.

Список литературы

- Анциферов 1991 — *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...»: сборник / вступ. ст. и примеч. А. М. Конечного, К. А. Кумпан. СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
- Бахтин 2012 — *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Русские словари: Языки славянских культур, 2012. С. 341.
- Бахтин 2021 — Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: XVII Международная Бахтинская конференция, 5–10 июля 2021 года, Саранск: доклады / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, 2021. URL: <https://bakhtin-conf.mrsu.ru/bakhtin2020/agenda/reports/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Бодрийяр 2006 — *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
- Бурлина 2014а — *Бурлина Е.* Введение в проблему диагностики города и хронотопии // Полифония городских пространств: сборник научных статей: в 2 т. Т. 2: Философско-культурологические теории и хронотопия / Е. Я. Бурлина (рук. проекта), В. Майсциес, Л. Г. Иливицкая и др. Самара: Медиа-книга, 2014. С. 3–19.
- Бурлина 2014б — *Бурлина Е.* Время «запасной столицы» // Полифония городских пространств: сборник научных статей: в 2 т. Т. 2: Философско-культурологические теории и хронотопия / Е. Я. Бурлина (рук. проекта), В. Майсциес, Л. Г. Иливицкая и др. Самара: Медиа-книга, 2014. С. 116–119.
- Бурлина 2016 — Хронотопия города: монография (с приложением сборника научных статей «Гении места») / Е. Бурлина (рук. проекта), Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова и др. Самара: Книжное издательство, 2016. 240 с.
- Бурлина 2021 — *Бурлина Е. Я.* Город как сцена: «старый» — «безымянка» — «креативный» // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23. № 77. С. 57–64. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-57-64.
- Воронина 2012 — *Воронина Н. И.* Научная школа «Интеллектуальные и эстетические ценности российской провинции» // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2–6. С. 1362–1365.
- Город и время 2012 — Город и время: интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск: в 2 т. / редкол.: Г. Котельников, М. Ягер, Г. Цепль Кауфман и др. Самара: Книга, 2012.
- Гусейнов 2002 — *Гусейнов Г.* Пространство «фрагмент» [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvo-fragment.html> (дата обращения: 01.08.2021).

- Закс 2011 — *Закс Л. А.* Культурфилософская вселенная М. С. Кагана: основания, территории, границы: к 90-летию выдающегося философа (часть 2) // *Культурологический журнал*. 2011. № 4 (6). С. 12.
- Закс 2018 — *Закс Л. А.* Горький: две ипостаси модернизма // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 5. С. 310–321. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10179.
- Злотникова 2011 — *Злотникова Т. С.* Человек. Хронотоп. Культура. Введение в культурологию : учеб. пособие. Изд. 3-е, доп. и перераб. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 331 с.
- Злотникова 2017 — *Злотникова Т. С.* Философия творческой личности : монография. М. : Со-гласие, 2017. 918 с.
- Злотникова, Летина 2013 — *Злотникова Т. С., Летина Н. Н.* Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1. № 2. С. 238–243.
- Игнатова 2018 — *Игнатова Е. С.* Психодиагностика [Электронный ресурс] : учеб. пособие. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. 94 с. (1 Мб). URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/ignatova-psykhodiagnostika.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
- Иливицкая, Бурлина 2014 — *Иливицкая Л., Бурлина Е.* Методология пространственно-временной диагностики: хронотоп и хронотопия // *Полифония городских пространств : сборник научных статей : в 2 т. Т. 2 : Философско-культурологические теории и хронотопия / Е. Я. Бурлина (рук. проекта), В. Майсциес, Л. Г. Иливицкая и др.* Самара : Медиа-книга, 2014. С. 38–75.
- Каган 1996 — *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб. : Славия, 1996. 407 с.
- Капков 2020a — *Капков С. А.* Трансформация городских общественных пространств (социально-философские аспекты) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : МГПУ, 2020. 34 с.
- Капков 2020b — *Капков С. А.* Трансформация городских общественных пространств (социально-философские аспекты) : дис. ... канд. филос. наук. М. : МГПУ, 2020. 198 с.
- Кротков, Носова 2009 — *Кротков Е. А., Носова Т. В.* Диагностика [Электронный ресурс] // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. И. Т. Касавин. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009.* URL: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/диагностика (дата обращения: 01.08.2021).
- Кудряшов, Бессонова 2014 — *Кудряшов И. А., Бессонова Т. М.* Концепция хронотопа М. М. Бахтина: история, сферы применения и перспективы исследования // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф., 15–30 ноября 2014 года, Ростов-на-Дону / отв. ред. В. Ю. Меликян.* Ростов н/Д : Дониздат, 2014. С. 64–71.
- Лейдерман 2010 — *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.
- Летина 2009 — *Летина Н. Н.* Российский хронотоп в культурном опыте рубежа веков (XVIII–XX вв.) : автореф. дис. ... доктора культурологии. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2009. 47 с.
- Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 406 с.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 644. Труды по знаковым системам XVIII: Семиотика города и городской культуры.* Петербург: Тарту, 1984. С. 30–45.
- Лэндри 2006 — *Лэндри Ч.* Креативный город / пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталевой, М. Гнедовского. М. : Классика-XXI : Ин-т культурной политики, 2006. 399 с.
- Майсциес 2014 — *Майсциес В.* Дюссельдорфские условия: театр в городе. Расположение и архитектура театральных центров / пер. с нем. и сопутствующие материалы Ю. А. Кузовенковой ; ред. и коммент. Е. Ю. Шиллинг, Е. Я. Бурлиной // *Полифония городских пространств : сборник научных статей : в 2 т. Т. 2 : Философско-культурологические теории и хронотопия / Е. Я. Бурлина (рук. проекта), В. Майсциес, Л. Г. Иливицкая и др.* Самара : Медиа-книга, 2014. С. 76–98.

- Ожегов 1991 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. 23-е изд., испр. М. : Русский язык, 1991. 915 с.
- Подлубнова 2005 — *Подлубнова Ю.* Жанр и метажанр: к проблеме разграничения : доклад на международной научной конференции «Литературные жанры: теоретические подходы в прошлом и настоящем. VII Поспеловские чтения» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 22–23 декабря 2005 г.) // Сетевая словесность. URL: <https://www.netslova.ru/podlubnova/meta.html> (дата обращения: 01.08.2021).
- Подлубнова 2010 — *Подлубнова Ю. С.* Жанровая эволюция прозы Урала 1917–1930-х гг. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов : монография / А. А. Кораблев, Б. П. Иванюк, О. В. Зырянов и др. ; отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 2010. С. 410–434.
- Политов 2016 — *Политов А. В.* Историко-философский анализ концепций хронотопа А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2016. 16 с.
- Римон 2012 — *Римон Е.* Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города // Город и время : международный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск : в 2 т. Т. 2 / редкол.: Г. Котельников, М. Ягер, Г. Цепль Кауфман и др. Самара : Самарское книжное изд-во, 2012. С. 187–193.
- Смирнов 2008 — *Смирнов И. П.* Олитературное время: (гипо)теория литературных жанров. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2008. 263 с.
- Трубина 2008 — *Трубина Е. Г.* Современная урбанистика : учеб. пособие. Ч. 1 : Учебно-методический комплекс дисциплины. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2008. 319 с.
- Трубина 2011 — *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.
- Тульчинский 2000 — *Тульчинский Л. Г.* Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62–90.
- Тульчинский 2011 — Бахтин: проверка большим временем. XIV Международная бахтинская конференция (4–8 июля 2011 г., Бертиноро) / Г. Л. Тульчинский, А. П. Давыдов, И. Тылковски и др. // Философские науки. 2011. № 10. С. 129–151.
- Турома 2009 — *Турома С.* Семиотика городского пространства Ю. М. Лотмана: опыт переосмысления // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 66–76.
- Хабермас 1989 — *Хабермас Ю.* Философ — диагност своего времени : интервью // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 80–83.
- Шлэгель 2010 — *Шлэгель К.* Постигая Москву / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового. М. : РОССПЭН, 2010. 311 с.
- Bakhtin's Theory 2010 — *Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives* / ed. by N. Bemong, P. Borghart, M. De Dobbeleer et al. Gent : Academia Press, 2010. 218 p.
- Levine 1998 — *Levine R. T.* A Geography of Time: on Tempo, Culture and Pace of Life. New York : Basic Books, 1998. xxi, 258 p.
- Schlögel 2002 — *Schlögel K.* Petersburg. Das Laboratorium der Moderne 1909 — 1921. München : Carl Hanser Verlag, 2002. 702 S.
- Schlögel 2003 — *Schlögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit: Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München : Carl Hanser Verlag, 2003. 464 S.
- Schlögel 2018 — *Schlögel K.* Sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt. München : C. H. Beck, 2017. 912 S.
- Zimbardo, Boyd 2009 — *Zimbardo Ph., Boyd J.* The Time Paradox: The New Psychology of Time That Will Change Your Life. Atria Books, 2009. 400 p.

References

- Antsiferov, N. P. (1991), «*Nepostizhimyi gorod...*», *sbornik* [“Incomprehensible city...”, Collection], Lenizdat, Saint Petersburg, 335 p. (in Russian).

- Bakhtin, M. M. (2012), "Forms of time and chronotope in the novel", in Bakhtin, M. M., *Sobranie sochineniy, v 6 tomakh. Tom 3, Teoriya romana (1930–1961)* [Collected Works, in 6 vols, Vol. 3, Theory of the novel (1930–1961)], Russkie slovari, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, p. 341 (in Russian).
- Baudrillard, J. (2006), *Mots de passé. D'un fragment l'autre*, translated by Suslov, N., U-Faktoriya, Yekaterinburg, 200 p. (in Russian).
- Bemong, N., Borghart, P., De Dobbeleer, M., Demoen, K., De Temmerman, K. and Keunen B. (eds) (2010), *Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives*, Academia Press, Gent, 218 p.
- Burlina, E. Ya. (2014a), "Introduction to the problem of city diagnostics and chronotopy", in Burlina, E. Ya., Meiszies, W., Ilivitskaya, L. G., Kuzovenkova, Yu. A., Golubinov, Ya. A., Baraboshina, N. V. et al., *Polifoniya gorodskikh prostranstv, sbornik nauchnykh statei, v 2 tomakh. Tom 2, Filosofsko-kul'turologicheskie teorii i khronotopiya* [Polyphony of urban spaces, Collection of scientific articles, in 2 vols, Vol. 2, Philosophical and cultural theories and chronotopy], Media-kniga, Samara, pp. 3–19 (in Russian).
- Burlina, E. Ya. (2014b), "Time of the 'spare capital' ", in Burlina, E. Ya., Meiszies, W., Ilivitskaya, L. G., Kuzovenkova, Yu. A., Golubinov, Ya. A., Baraboshina, N. V. et al., *Polifoniya gorodskikh prostranstv, sbornik nauchnykh statei, v 2 tomakh. Tom 2, Filosofsko-kul'turologicheskie teorii i khronotopiya* [Polyphony of urban spaces, Collection of scientific articles, in 2 vols, Vol. 2, Philosophical and cultural theories and chronotopy], Media-kniga, Samara, pp. 116–119 (in Russian).
- Burlina, E. Ya. (2021), "City as a stage: 'staryy' — 'bezymyanka' — 'kreativnyy'", *Izvestiya of the Samara science centre of the Russian academy of sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences*, vol. 23, no. 77, pp. 57–64 (in Russian). DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-57-64.
- Burlina, E., Ilivitskaya, L., Kuzovenkova, Yu., Golubinov, Ya., Baraboshina, N. and Shilling, E. (2016), *Khronotopiya goroda, monografiya (s prilozheniem sbornika nauchnykh statei «Genii mesta»)* [Chronotopy of the city: monograph (with the attachment of the collection of scientific articles "Geniuses of the Place")], Knizhnoe izdatel'stvo, Samara, 240 p. (in Russian).
- Guseinov, G. (2002), "Fragment space", *Otechestvennye zapiski*, no. 6, available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvo-fragment.html> (accessed 01 August 2021) (in Russian).
- Habermas, J. (1989), "Philosopher — Diagnostician of His Time: Interviews", *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 80–83 (in Russian).
- Ignatova, E. S. (2009), *Psikhodiagnostika, uchebnoe posobie* [Psychodiagnosics, tutorial], Perm State National Research University, Perm, available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/ignatova-psykhodiagnostika.pdf> (accessed 01 August 2021) (in Russian).
- Ilivitskaya, L. and Burlina, E. (2014), "Spatio-temporal diagnostic methodology: chronotope and chronotopy", in Burlina, E. Ya., Meiszies, W., Ilivitskaya, L. G., Kuzovenkova, Yu. A., Golubinov, Ya. A., Baraboshina, N. V. et al., *Polifoniya gorodskikh prostranstv, sbornik nauchnykh statei, v 2 tomakh. Tom 2, Filosofsko-kul'turologicheskie teorii i khronotopiya* [Polyphony of urban spaces, Collection of scientific articles, in 2 vols, Vol. 2, Philosophical and cultural theories and chronotopy], Media-kniga, Samara, pp. 38–75 (in Russian).
- Kagan, M. S. (1996), *Grad Petrov v istorii russkoi kul'tury* [Saint Petersburg in the history of Russian culture], Slaviya, Saint Petersburg, 407 p. (in Russian).
- Kapkov, S. A. (2020a), *Transformatsiya gorodskikh obshchestvennykh prostranstv (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [Transformation of urban public spaces (socio-philosophical aspects)], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow City Pedagogical University, Moscow, 34 p. (in Russian).
- Kapkov, S. A. (2020b), *Transformatsiya gorodskikh obshchestvennykh prostranstv (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [Transformation of urban public spaces (socio-philosophical aspects)], Ph.D. Thesis, Moscow City Pedagogical University, Moscow, 198 p. (in Russian).
- Kotel'nikov, G., Yager, M., Cepl Kaufmann, G., Meiszies, W., Burlina, E., Voronina, N. et al. (eds) (2012), *Gorod i vremya, Internatsional'nyi nauchnyi al'manakh «Life sciences», tematicheskii*

- vyusk, v 2 tomakh* [The City and time, International scientific almanac “Life sciences”, thematic release, in 2 vols], Kniga, Samara, 2012 (in Russian).
- Krotkov, E. A. and Nosova, T. V. (2009), “Diagnostics”, in Kasavin, I. T. (ed.), *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, Moscow, available at: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/diagnostika (accessed 01 August 2021) (in Russian).
- Kudryashov, I. A. and Bessonova, T. M. (2014), “The concept of the chronotope by M. M. Bakhtin: history, scope and research prospects”, in Melikyan, V. Yu. (ed.), *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviya, sbornik materialov IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 15–30 noyabrya 2014 goda, Rostov-na-Donu* [Language and Law: Actual Problems of Interaction: Collection of Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, Russia, November 15–30, 2014], Donizdat, Rostov-on-Don, pp. 64–71 (in Russian).
- Landry, Ch. (2006), *The creative city: A toolkit for Urban innovators*, translated by Gnedovskii, V., Khrustaleva, M. and Gnedovskii, M., Klassika-XXI, Inctitut kul'turnoi politiki, Moscow, 399 p. (in Russian).
- Lefebvre, H. (2015), *La Production De L'espace*, translated by I. Staf, Strelka Press, Moscow, 406 p. (in Russian).
- Leiderman, N. L. (2010), *Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [Genre theory: research and analysis], Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, 904 p. (in Russian).
- Levine, R. T. (1998), *A Geography of Time: on Tempo, Culture and Pace of Life*, Basic Books, New York, xxi, 258 p.
- Liotina, N. N. (2009), *Rossiiskii khronotop v kul'turnom opyte rubezha vekov (XVIII–XX vv.)* [Russian chronotope in the cultural experience of the turn of the century (XVIII–XX centuries)], Abstract of D. Sc. Dissertation, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, 47 p. (in Russian).
- Lotman, Yu. M. (1994), “The symbolism of St. Petersburg and the problems of the city’s semiotics”, in *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 644. Trudy po znakovym sistemam XVIII: Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg* [Scholarly notes of the Tartu State University. Iss. 644. Proceedings on Sign Systems XVIII: Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg], Tartu, pp. 30–45 (in Russian).
- Meiszies, W. (2014), “Düsseldorfer Voraussetzungen: Theater in der Stadt Schauplätze Lage und Architektur der Spielstätten”, translated by Kuzovenkova, Yu. A., in Burlina, E. Ya., Meiszies, W., Ilivitskaya, L. G., Kuzovenkova, Yu. A., Golubinov, Ya. A., Baraboshina, N. V. et al., *Polifoniya gorodskikh prostranstv, sbornik nauchnykh statei, v 2 tomakh. Tom 2, Filosofsko-kul'turologicheskie teorii i khronotopiya* [Polyphony of urban spaces, Collection of scientific articles, in 2 vols, Vol. 2, Philosophical and cultural theories and chronotopy], Media-kniga, Samara, pp. 76–98 (in Russian).
- National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev (2021), *Idei Mikhaila Bakhtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu, XVII Mezhdunarodnaya Bakhtinskaya konferentsiya, 5–10 iyulya 2021 goda, Saransk, doklady* [Mikhail Bakhtin’s ideas and challenges of the 21st century: from dialogic imagination to polyphonic thinking, the 17th International Bakhtin Conference (Saransk, Russia, 5–10 July 2021), reports], available at: <https://bakhtin-conf.mrsu.ru/bakhtin2020/agenda/reports/> (accessed 01 August 2021).
- Ozhegov, S. I. (1991), *Slovar' russkogo yazyka, 70 000 slov* [Russian dictionary, 70,000 words], 23rd ed., Russkii yazyk, Moscow, 915 p. (in Russian).
- Podlubnova, Yu. (2005), *Zhanr i metazhanr: k probleme razgranicheniya* [Genre and meta genre: to the problem of delimitation (Report at the international scientific conference “Literary genres: theoretical approaches in the past and the present. VII Pospelovskie readings” (Moscow, Lomonosov Moscow State University, December 22–23, 2005))], *Setevaya slovesnost'*, available at: <https://www.netslova.ru/podlubnova/meta.html> (accessed 01 August 2021) (in Russian).

- Podlubnova, Yu. S. (2010), "Genre evolution of the prose of the Urals in the 1917–1930s", in Alekseev, V. V. (ed.), *Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vekov v kontekste obshcherossiiskikh protsessov* [Evolution of genres in the literature of the Urals of the 17th – 20th centuries in the context of all-Russian processes], Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, pp. 410–434 (in Russian).
- Politov, A. V. (2016), *Istoriko-filosofskii analiz kontseptsii khronotopa A. A. Ukhtomskogo i M. M. Bakhtina* [Historical and philosophical analysis of the concepts of the chronotope by A. A. Ukhtomsky and M. M. Bakhtin], Abstract of Ph.D. dissertation, Perm, 16 p. (in Russian).
- Rimon, E. J. (2012), "Time consecration: strokes to the description chronotype the small city", in Kotel'nikov, G., Yager, M., Cepl Kaufmann, G., Meiszies, W., Burlina, E. Ya., Voronina, N. et al. (eds), *Gorod i vremya, Internatsional'nyi nauchnyi al'manakh "Life sciences", tematicheskii vypusk, v 2 tomakh. Tom 2* [The City and time, International scientific almanac "Life sciences", thematic release, in 2 vols, Vol. 2], Kniga, Samara, pp. 187–193 (in Russian).
- Schlögel, K. (2002), *Petersburg. Das Laboratorium der Moderne 1909–1921*, Carl Hanser Verlag, München, 702 S.
- Schlögel, K. (2003), *Im Raume lesen wir die Zeit: Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik*, Carl Hanser Verlag, München, 464 S.
- Schlögel, K. (2010), *Moskau lesen*, translated by Brun-Tsekhovoi, V. A., ROSSPEN, Moscow, 311 p. (in Russian).
- Schlögel, K. (2018), *Sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt*, C. H. Beck, München, 912 S.
- Smirnov, I. P. (2008), *Oliteraturnoe vremya: (gipo)teoriya literaturnykh zhanrov* [Literary time: (hypo)theory of literary genres], Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, 263 p. (in Russian).
- Trubina, E. G. (2008), *Sovremennaya urbanistika: uchebnoe posobie. Chast' 1, Uchebno-metodicheskii kompleks distsipliny* [Modern Urban Studies: A Study Guide. Part 1, Educational-methodical complex of the discipline], Ural State University, Yekaterinburg, 319 p. (in Russian).
- Trubina, E. G. (2011), *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory: experiments in understanding space], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 519 p. (in Russian).
- Tul'chinskii, G. L. (2000), "Nikolay and Mikhail Bakhtin: consonances and counterpoints", *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 62–90 (in Russian).
- Tul'chinskii, G. L., Davydov, A. P., Tylkovski, I., Klyukanov, I., Sulimov, V. A. and Fadeeva, I. E. (2011), "Bakhtin: a test by a long time. 14th International Bakhtin Conference (4–8 July 2011, Bertinoro)", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 10, pp. 129–151 (in Russian).
- Turoma, S. (2009), "Semiotics of urban space by Yu. M. Lotman: an experience of rethinking", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (98), pp. 66–76 (in Russian).
- Voronina, N. I. (2012), "School of thought 'intellectual and aesthetic values of the Russian province'", *Izvestiya of the Samara science centre of the Russian academy of sciences*, vol. 14, no. 2–6, pp. 1362–1365 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2011), "Cultural and philosophical universe of Moisey S. Kagan: foundations, territories, limits: for the 90th anniversary of the famous philosopher (part 2)", *Journal of Cultural Research*, no. 4 (6), p. 12 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2018), "Gorky: two incarnations of modernism", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 5, pp. 310–321 (in Russian). DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10179.
- Zimbardo, Ph. and Boyd, J. (2009), *The Time Paradox: The New Psychology of Time That Will Change Your Life*, Atria Books, 400 p.
- Zlotnikova, T. S. (2011), *Chelovek. Khronotop. Kul'tura. Vvedenie v kul'turologiyu* [Human. Chronotope. Culture. Introduction to Cultural Studies], 3rd ed., Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, 331 p. (in Russian).
- Zlotnikova, T. S. (2017), *Filosofiya tvorcheskoi lichnosti* [Philosophy of a creative person], Soglasie, Moscow, 918 p. (in Russian).

Zlotnikova, T. S. and Liotina, N. N. (2013), "A model of culture of the Russian province in authentic, historical and typological and globalization discourses", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 1, no. 2, pp. 238–243 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 3.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 8.11.2021

Информация об авторе

Бурлина Елена Яковлевна
доктор философских наук, профессор
Самарский государственный медицинский
университет
443099, Россия, Самара, ул. Чапаевская, 89
E-mail: e.ya.burlina@samsmu
Авторский ORCID: 0000-0002-4303-2905

Information about the author

Burlina, Elena Yakovlevna
D. Sci. (Philosophy), Professor
Samara State Medical University
89 Chapaevskaya St., Samara, 443099
Russia
E-mail: e.ya.burlina@samsmu
Author's ORCID: 0000-0002-4303-2905

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Из истории немецкого мировоззрения

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.030
УДК 821.112.2:141.32 + 111.11 + 316.7

И. В. ГЁТЕ: ПУТЬ ЖИЗНИ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Возможно ли сегодня в рамках истории философии реконструировать жизненный путь кого-то из философов, прибегая к рецептам последующих исследователей — в особенности тогда, когда эти последователи творили на пару веков спустя после того, кто должен быть описан с их помощью? Сегодня в гуманитарных дисциплинах доминирует эмпиризм: плоские факты схватываются в широких масштабах и суммируются в бытовые пространства, а итоги верны только Здесь и Сейчас. Так пишутся биографии «больших масс». Но есть и гении, которые живут «наособицу» — не полагаясь на стандарты, не укладываясь на плоскость, по своей воле разворачивая свою жизнь назад, поднимаясь над суетой. В какой мере можно описать этот путь в манере экзистенциализма — при движении от неподлинного существования к пограничным ситуациям и, далее, к подлинному существованию, которое так и не было построено должным образом?

Ключевые слова: поиски экзистенциализма, неподлинное и подлинное существование, пограничные ситуации, заимствование из индийской культуры в творчестве И. В. Гёте.

Для цитирования: *Перцев А. В.* И. В. Гёте: путь жизни и философия искусства // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 3. С. 109–127. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.030

J. W. GOETHE: THE WAY OF LIFE AND PHILOSOPHY OF ART

A. V. Pertsev

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Is it possible today, within the framework of the history of philosophy, to reconstruct the life path of one of the philosophers, resorting to the recipes of subsequent researchers — especially when these followers did their creative works a couple of centuries after those who they should describe? Today empiricism dominates in the humanities: flat facts are grasped on a large scale and summed up in everyday spaces, and the results are correct only here and now. It is the way to write the biographies of the “big masses”. But some geniuses — those who live “in isolation” — not relying on standards, not laying flat, unwillingly turning their lives back, rising above the bustle. To what extent can one describe this path in the manner of existentialism — moving from inauthentic existence to borderline situations and, further, to genuine existence, which was never properly built?

Keywords: the search for existentialism, inauthentic and genuine existence, borderline situations, borrowing from Indian culture in the work of J. V. Goethe.

For citation: Pertsev, A. V. (2021), “J. W. Goethe: The Way of Life and Philosophy of Art”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 109–127 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.030

Собрание сочинений Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832) насчитывает 150 томов, но ни одно из этих сочинений нельзя безоговорочно отнести к числу философских. Сам он ни одну из своих книг как философскую не выделял. Его душеприказчики Иоганн Петер Эккерман и Фридрих Вильгельм Риммер уже после смерти гения составили сборник его высказываний по вопросам философии, теологии, эстетики, заботливо собрав их из опубликованных произведений и рукописей. Всего получилось 1390 афоризмов разной степени глубины (последний, 1390-й, гласит: «Самый малый волосок отбрасывает свою тень») [Goethe 2008, s. 252].

Учитывая, что сегодня в историко-философских исследованиях наступил период эмпиристских описаний и беглых «лозунгов», мы продолжаем

надеяться, что сегодняшние ученые помогут нам как с теоретической периодизацией биографии И. В. Гёте, так и с пониманием философии его искусства¹.

Всякого рода упорядочение биографии мыслителя прошлого имеет свой характер. До сих пор в нашей литературе превалирует количественный стиль, при котором проводится прямая, которая лежит на листе, и потом на ней рисуются «этапы» — первый, второй, третий и так далее. Нет никаких возвращений назад, никаких изгибов на этой линии. Всё представление о смысле жизни человека весьма упрощается: движение — только вперед, на одном уровне, объем — чисто количественный, ускоренный, возносящий к небесам.

Нам, однако, более близка хайдеггеровская концепция биографии. Она основана на том, что человек начинает с бездумного следования предписанной ему биографии: родители, воспитатели и прочие организаторы его бытия используют кнуты и пряники, чтобы показать: то, чему мы тебя выучили, и есть подлинный твой путь. На первом этапе человек принимает это. Но на втором этапе у него начинает нарастать бунт: это существование не есть мое, оно есть чужое существование во мне. Вернее, оно только предстает мне своим, следуя *das Man*, общепринятому во мне. Но постепенно человек начинает сопротивляться диктату внутренних чувств и привычек. Он проходит все пограничные ситуации протеста — и в нем торжествует бунт непослушания.

У М. Хайдеггера эта линия доводится до конца: он «бросается в бездну», доводя свое существование до его истока. И тут ему открывается второй исток его бытия — отказ от махинативности бытия, от склонности к эффективному и эффектному. Западная метафизика лишь обосновывала неподлинность пути — вначале гегелевская власть разума, воплощенная в государстве, затем — шопенгауэровская Воля, которая непредсказуема, затем — ницшеанская «воля к любой индивидуальной мощи», затем — универсальная «воля к воле» О. Шпенглера. Мир совершенно утрачивает смысл. Человек может и должен отвергнуть в себе стремление жить в этом бессмысленном мире. Он заходит в своем стремлении к истоку бытия за это первое начало и обнаруживает за ним второе, где индустриализм еще уравновешен творчеством и поэзией [Heidegger 2009, s. 79–98, 115–117, 211–215, 288–293].

Подход к биографии уже есть: на первом этапе уверенность человека, заимствованная у других, начинает изменять ему — и приводит к изменам выбранному другими. На втором этапе он формирует свой собственный взгляд на мир — пусть даже всем прочим это кажется преступлением против собственного разума. Это — бунт. На третьем этапе человек либо кончает с собой — или, наоборот, находит псевдовыход: он будет служить государству,

---

¹ Напротив, антифилософские систематизации биографии И. В. Гёте продолжают развиваться и даже полны задора (см.: [Bollmann 2021; Brendel 2020; Knebel, Maul, Schmuck 2019]).

выполняя на протяжении 50 лет его немилые рекомендации, но зато порой, иногда, изредка, будет ускользать в подлинные, собственные секундные фантазии.

Так и возникает мысль И. В. Гёте: *всякая жизнь, в которой есть несколько секунд счастья, оправдана.*

И. В. Гёте высказал в «Фаусте» мысль, которая — в переводе Б. Л. Пастернака — звучит так:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой.

Другое выражение ее представляет строка из договора между Фаустом и Мефистофелем: сатана должен был забрать в свое владение душу мыслителя, как только тот скажет: «Werd ich zum Augenblicke sagen: Verweile doch! Du bist so schoen!» (В переводе Н. Холодковского (1878) «Прекрасно ты, продлись, постой!»; в переводе А. Фета (1882–1888) «Когда воскликну я мгновенью: «Остановись! Прекрасно ты!»; в переводе В. Брюсова (1919–1920) «Тогда, когда скажу мгновенью: Помедли! так прекрасно ты»; в переводе Б. Пастернака (1949–1951) «...Мгновенье! О как прекрасно ты, повремени!»)

Фауст и Мефистофель — это не антитеза противоположного. Это — сам И. В. Гёте. Именно он объединял в себе жизнь и смерть. В биографиях И. В. Гёте сообщалось, что появился на этот свет он полумертвым, в асфиксии. Ему потребовался долгий массаж повитухи, чтобы он, наконец, решился жить. И в «Фаусте» его герой есть всего лишь игрушка сатаны — он сам не желает жить, пытаясь примкнуть к «научной теории», которая «мертвит», а Мефистофель увлекает его к живому древу познания, показывая, как тут все ново и интересно. Но после некоторых увлечений новым из жизни Фауст с грустью замечает, что они всего лишь систематизируются разумом, превращаясь в тягло.

В сущности, такая романтическая картина и выставляется у И. В. Гёте и у его соратников по «штюрму и дрангу». Их жизнь протекает в мире Природы, который не согласуется с противоречиями общественного устройства. Сторонник «шторма и дранга», простирая свои природные способности к простой жизни вовне, натывается на некое подобие темного леса — подобное тому, в окружение которого попал герой Данте. Теперь перед ним открывается несколько выходов. Либо он деятельно восстает против лесной враждебной тьмы (И. В. Гёте говорил, что в Библии не Слово предшествует всему, а Дело), либо он в смятении кончает с собой, выбирая лучший мир, либо он проходит его не в жизни, а в произведении — от Ада до Небес, либо возглавляет народное восстание.

Но есть и еще один вариант, представленный И. В. Гёте: становясь политиком-просветителем, автор сам (при содействии властей) выстраивает вокруг себя прекрасный мир культуры — в данном городе, в данном месте,

в предлагаемых обстоятельствах. Он, как может, сглаживает недостатки прошлого — и в то же время организует моменты, которые позволяют ему почувствовать нечто, подобное счастью. Весь вопрос заключается в том, насколько долго судьба позволит чувствовать это счастье. Час? Месяц? Или день?

В принципе, вся биография И. В. Гёте была посвящена прохождению этих ступеней к счастью — при тяжелом гнете смерти и болезней.

Первый, «чуждый» период жизни И. В. Гёте начинается в детстве и заканчивается возвращением домой, во Франкфурт-на-Майне — из города Лейпцига, где он учился на факультете права (1765–1768).

Мы уже упоминали о том, что его, новорожденного младенца, только энергичный массаж повитухи вывел из состояния Неживого Ничто. Правда, ненадолго. Судя по запискам и сочинениям И. В. Гёте, вся его жизнь была смертельным сражением с болезнями: он боролся с корью, ветрянкой, ларингитом, ринитом, тонзиллитом, расстройством желудка, ревматизмом, головными болями, приступами головокружения, опоясывающим лишаем, стенокардией, ретинитом, воспалением легких, расстройством кровообращения, менингитом, перикардитом, почечными коликами и сильными зубными болями. (И это — не считая бытовых случаев угрозы жизни вроде аварии кареты.) К тому же, И. В. Гёте обладал характером, который заставлял обостренно чувствовать «жизненные неприятности»: он был ипохондрик, легко расстраивался, столкнувшись с изменениями к худшему у погоды, которые грозили лишить его света. Болезни он считал «самым страшным земным злом», но, с другой стороны, верил, что страдания придают «характеру двойную силу». Разговаривать о своих болячках Гёте не любил, считая, что «только здоровье достойно упоминания».

Вдобавок к болезням, И. В. Гёте хлебнул лиха и от воспитания. Его обучали родители — весьма «странным» образом. Лишь год он провел в обычной школе, затем ему была предложена затейливо составленная программа «авторского воспитания». По идее отца, ему надо было сразу изучать шесть языков, а также фехтование. Впрочем, еще там был и французский театр, которым мальчик страстно увлекся. Но в том, что касается остального, то он, право, не мог бы сказать, что ему нужно для жизни и без чего он сможет обойтись.

После этого И. В. Гёте ожидала новая порция неприятностей: его отправили из родного городка, который был «слишком провинциален», на учебу в Лейпциг, который был больше европеизирован. Отец решил, что И. В. Гёте должен здесь усвоить право. Но после легкого домашнего обучения «всему сразу» юноша не смог сразу сосредоточиться на педантичной учебе юриста. Он заболел в Лейпциге в июне 1768 г. В «Поэзии и правде» он говорит, что к негативным телесным проявлениям много добавила ипохондрия. Именно она усилила боли в груди, которые возникли неведь от чего: то ли они были напоминанием о падении с лошади, то ли были связаны с аварией кареты у Ауэрштадта, то ли

просто были следствием деятельного увлечения Ж.-Ж. Руссо, который велел жить в соответствии с Природой: спать без отопления и утром плескаться в холодной воде (о нерациональном питании мы уже не говорим). В результате у И. Г. Гёте горлом пошла кровь. Он поехал болеть на родину. Болезнь затянулась и несколько месяцев держала И. В. Гёте между жизнью и смертью. Образовался нарыв на шее, который пришлось вскрыть. Не утихали желудочные боли. О болезни сообщается намеками, так что некоторые комментаторы подозревают венерическую болезнь, но их аргументы неубедительны. Скорее, речь идет о туберкулезе легких и лимфатических желез шеи, который усугубился симптомами в области желудочно-кишечного тракта. Для нас медицинский диагноз не важен — важно лишь затянувшееся на несколько месяцев ипохондрическое настроение. И. В. Гёте не просто чувствовал тоску в былом, поскольку не мог выполнить желание отца, но и представлял ее в будущем: ведь надо было снова ехать учиться праву на чужбине.

Второй этап биографии начался путешествием в Страсбург, предпринятым в 1770 г. для получения юридического образования. На этот раз чуждую отцовскую мечту удалось исполнить: И. В. Гёте защитил диссертацию и получил академическую степень лиценциата права. Но занятие изучением «чужого» теперь уже с лихвой перекрываются штудированием «своего». И. В. Гёте занимается литературой и сопутствующими делами, а также изучает медицину (как же без знания ее быть ипохондрику!) Кроме того, он знакомится с И. Г. Гердером, от которого приходит увлечение народной поэзией. Конечный итог: И. В. Гёте вызревает к подлинному существованию и — пока только как литератор — становится одним из ярких представителей «штюрма унд дранга».

Мы оставим в стороне разбор этого течения, потому что у немецких филологов он чересчур сложен. Надо упомянуть множество имен, а они различаются позиционно и декларативно. Поэтому с точки зрения философии искусства мы ограничимся указанием того, что сильное влияние на немецких «штюрмеров и дрангеров» оказало учение Ж.-Ж. Руссо. Хотя и иноземное, оно увлекало немцев тем, что призывало в жизни своей служить Природе, а не какому-то Богу. (Не случайно состоялось перезахоронение праха Ж.-Ж. Руссо в годы Великой французской революции в центре Парижа, которое означало признание его философским отцом этого бунта.) Ключевым было утверждение, что Природа изначально заставила всех жить «естественно», соблюдая «естественные права человека». Главные их черты — Счастье, Равенство и Братство.

Но при этом «штюрмеры и дрангеры» вовсе не полагали, что Природа уравнивает всех в человечестве. Она просто предоставляет всем равные стартовые возможности. Тот, кто это понял, воцаряется над животным простонародьем, которое механически занято только своим размножением. Просвещенные представители «штюрма и дранга» чувствовали себя гениальными субъектами, которые наблюдают сторонним взглядом за естественными кознями Природы,

тасующей всех «человеков» — как, впрочем, и все иные живые существа. Именно эта сторонняя позиция и выделяет их из «биомассы». Авторы «штюрма и дранга» чувствовали себя учеными — гениями, «просвещенными близостью к Природе». Если ранее некоторые священнослужители — в противовес пастве — объявляли себя «сороботниками» Бога, то представители «штюрма и дранга» теперь претендовали на служение Природе, на признание себя ее «сороботниками». (Эта тенденция сохранилась и ныне — в виде «обслуживания» и «сбережения» Природы «зелеными».)

Светские «приверженцы» Природы были призваны защищать ее — в качестве «гениев», но это отнюдь не мешало им потешаться над «заурядным биоматериалом». Молодой И. В. Гёте, выступая с лекцией, указал на слушающую его «тупую массу», которую должна разогнать первая же его речь, хотя «он еще и не начал ее». Пусть она выйдет вон и займется размножением — только на это она, как «генетический мусор», и способна. А мы — наблюдатели и регуляторы, обеспечивающие этот процесс. Симпатизантами И. В. Гёте должны стать «гении», ныне именуемые «менеджерами». Именно они прониклись бы симпатией к юному Вертеру (даже малая книга о нем возвысила И. В. Гёте и сделала его знаменем «штюрма и дранга»). Молодой Вертер покончил с собой, не вынеся «естественности» своей чувственности в ее противостоянии несправедливой организации общества. Но придет время, и постепенно такие «вертеры» будут брать верх даже в немецких землях — и настанет такой момент, когда им будет предоставлено право «приводить Всех к Природе».

(Примечательно, что Наполеон Бонапарт, завоевав немецкие земли, повелел устроить ему встречу с И. В. Гёте — и тут же стал вспоминать, как он в молодости обливался слезами, читая книгу о Вертере. Он, ныне правитель Империи, происходил из семьи небогатого дворянина, которая пристроила его в артиллерийский колледж только потому, что он прекрасно знал математику. Но вовсе не она вдохновляла Наполеона Бонапарта. Он интересовался применением математики — для всеобщей организации жизни в мире. Даже транспорт был просчитан по указанию Наполеона Бонапарта для русского похода, включая модернизированные телеги и матерых иноземных тяжеловозов; это позволяет по достоинству оценить идею М. И. Кутузова о борьбе с нашествием Наполеона посредством партизан из гусаров и местных жителей — то есть противоборствуя «логистике» армии врага. Но во время приема И. В. Гёте Наполеон расчувствовался, потому что вовсе не математика составляла предмет его исканий; он предложил ему в Париже писать биографию Цезаря!)

Итак, год 1774-й — это, в нашей схеме, конец второго этапа и начало третьего. Здесь всякого рода пограничные ситуации окончательно оформляются в великий протест против бессмысленности Бытия. Венчает этот период биографии выпуск в свет «Страданий юного Вертера». Сам И. В. Гёте признавал, что эта книга «была написана кровью его сердца». Она представляла

собой манифест, хотя в основу ее сюжета была положена реальная история, которая произошла не с автором. Не обошлось и без скандала: осенью 1774 г. И. В. Гёте выставил книгу на ярмарке — и ее (книгу) запретили как «опасную для общественной нравственности»; приличия требовали, чтобы каждый молодой человек держал себя в руках и, несчастно влюбившись, не накладывал на себя руки!

Казалось бы, прыжок в пропасть безосновности налицо... Но тут в жизни И. В. Гёте встретилась одна женщина, которая прибрала его к рукам — причем навсегда! Это была не жена и даже не любовница. Это была женщина, которая на протяжении почти 50 лет давала ему работу.

Герцогиня Анна Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1739–1807) вышла замуж за герцога Эрнста Августа II Саксен-Веймар-Эйзенахского (1737–1758) — и рано овдовела, но отнеслась к этому с аристократическим стоицизмом. Состояния герцогини современные девушки не поймут. Ведь муж ее умер в 20-летнем возрасте, а вдова его осталась одна с сыном, да вдобавок беременной вторым ребенком — в 19 лет!

Но современным девушкам следует напомнить, что в разные века правила бракосочетаний меняются, причем в каждом социальном слое они свои. Титул герцогини проще всего было заслужить, только выйдя замуж за герцога. Род герцогов Саксен-Ваймар-Эйзенахских был известен тем, что предки в нем умирали рано. Поэтому сразу же после того, как муж Анны Амалии достиг совершеннолетия, он удостоился звания герцога (в 1756 г.) — и быстро женился. В 1757 г. был рожден первый сын. В 1758-м был зачат второй — но отец умер, не дождавшись его рождения.

Император, сообразно календарю, признал герцогиню совершеннолетней — и, значит, возложил на нее обязанности регентства. До достижения ее сыном совершеннолетия Анна Амалия должна была править своими владениями — шестнадцать лет! (Правда, владения были невелики — в них жило 110 000 человек, а культурная столица — Веймар — насчитывала 7 тысяч жителей.)

Такой судьбе Анны Амалии способствовало родство с правителем Берлина: она была племянницей великого государя-просветителя — Фридриха Великого. Тот не только создал в Берлине политическую, научную и культурную империю, но написал и собственноручно исполнил множество пьес для флейты (они до сих пор входят в репертуар современных оркестров).

Позднее, в мемуарах, Анна Амалия вспоминала, что начало ее герцогства воспринималась ею как «тьма и одиночество», но постепенно она обрела самостоятельность. Заботясь о воспитании своих сыновей, она пригласила и поселила во дворце воспитателя-просветителя, чтобы тот выполнял роль «старшего мужчины». Но когда старший сын достиг возраста 17 лет, Анна Амалия, путешествуя в его обществе, подумала, что ему мог бы понадобиться

просветитель помоложе. И. В. Гёте потому и получил приглашение в Веймар, что он — старше ее сына на семь лет — был уже известен как писатель, но держал себя с молодежью свободно.

Здесь и созрело приглашение: как только власть по возрасту перейдет к сыну, достигнушему совершеннолетия, И. В. Гёте тотчас же приедет к ним в Веймар — и станет видным политиком.

Так и начался третий период в жизни И. В. Гёте — изначальный этап политической деятельности его в Веймаре (всего она длилась пятьдесят лет, но этот первый был особым — в нем не было времени на художественное творчество). Потому мы ограничимся замечанием, что Анна Амалия после восшествия сына на герцогский престол вовсе не отошла от власти — наоборот, она всю свою жизнь посвятила культуре! (А это — учитывая особенности тех времен — и было наиболее важным делом!) И. В. Гёте, с одной стороны, чувствовал себя старшим советником при новоиспеченном герцоге — они шалили, бия посуду с выбрасыванием оной из окна к празднику, но зато и неслись верхами на пожар — прямо после дворцового вечера, в парадном виде, чтобы участвовать в противоборстве с огнем. За 16 лет регентства Анна Амалия не раз сожалела о сильной мужской руке — в частности, властно проводившей твердую мужскую волю.

И. В. Гёте, приступив к исполнению своих обязанностей, обнаружил, что самый большой расход для герцогства составляет его карликовая армия — что-то вроде разросшейся дружины. (Он сократил это микровойско до половины.) Кроме того, надо было искать финансовые источники для жизни герцогства. И. В. Гёте указали, что на его землях находится заброшенный рудник, где добывали серебро. Он развил бурную активность — приезжал в Ильменау более двадцати раз. По герцогству поползли слухи, что надо купить его ценные бумаги, которые издаст власть, — и тогда все будут купаться в серебре. Но никакие научные эксперименты богатства вкладчикам не принесли. Еще один проект — в вечном желании свести концы с концами — представляло стремление усовершенствовать дороги. Они худо-бедно служили только летом. В остальное время их размывало. Через герцогство путь был недолог, но уж очень опасен: в огромные ямы проваливались кареты, гибли и извозчики, и пассажиры.

И. В. Гёте в первое десятилетие своей работы ровно ничего не написал — он с колоссальной неохотой занимался экономией денег, просто мечтая о том, чтобы от этой его жизни остались лишь несколько секунд счастья. Намеки на алхимические занятия доктора Фауста — это не вымыслы, а всего лишь иносказания про рудник Ильменау. И рассказ о военных событиях — вернее, о событиях во время войны, у поля боя, в снабженческих заботах, — это тоже о себе самом. И о слепоте, когда из-за опыта он почти на 100 процентов лишился зрения — тоже о нем. А ведьмы с их совещанием — когда они подсылают самую жуткую из них, Заботу, чтобы она пробралась к Фаусту сквозь дверь и плюнула в глаз — это только на вид немецкие поверья, а так — чистый реализм.

И. В. Гёте в 1797 г. достиг полного расцвета. Он был политиком, и настолько удачным, что в 1782 г. его произвели в дворяне — он стал именоваться И. В. фон Гёте. Несмотря на молодой возраст, он — как политик — мог вмешаться в решение любого вопроса, который ему поручался, потому что всё это были вопросы неразрешимые. Он применял все свои таланты для решения тех проблем, от которых люди старшего и среднего возраста уже отступились. Итак, уже в 1782 г. — то есть в 33 года! — И. В. Гёте, как самый младший из членов Тайного совета, выслужил себе дворянство.

Наступает, наконец, четвертый период, который школярская культурология называет классическим. И. В. Гёте окружил себя людьми, создающими культуру. Он удалился от дел, непосредственно связанных с практикой. Он, с другой стороны, ведает всеми заведениями, которые непрерывно заняты воспроизведением культуры. Он, собственно, все воплотил сам — исполнил вековую мечту всех «штюрмеров и дрангеров». Отчего, казалось бы, не считать этот мир раем? Но... Здесь-то и возникает самая страшная драма. В раю должен быть только один дух, который объемот всё. Это должен быть Абсолютный Дух. Но Гёте с давних пор чувствует, что с его порывистостью он никак не может претендовать на эту роль. Ему нужны те, кто похож на него. Стоит ему что-то наладить, как он уже тяготится этим — ему надобно заниматься другим. Он никак не может сосредоточиться на чём-то одном, потому он не годится в принципе на роль Универсального Хранителя — Мирового Духа.

Знакомая дама устраивает ему встречу с Ф. Шиллером. Они становятся закадычными друзьями, которые отныне встречаются ежедневно. Но частота общения не оправдывает противоречий — они просто воспринимаются с толерантностью. На памятнике, который немцы поставили двум гениям в Веймаре, они проявили хитроумие. Они, во-первых, уравнили их в росте: И. В. Гёте был ростом ниже Ф. Шиллера сантиметров на двадцать. Во-вторых, они почти уравнили их в возрасте — сделали практически ровесниками. Когда оба литератора возглавили движение «штюрмеров и дрангеров», их разделяло десять лет. И. В. Гёте тогда с досадой вспоминал об этом: еще один соперник притязал на его славу. Теперь, спустя многие десятилетия, эта возрастная дистанция казалась несущественной, а воспоминания о былом грели душу. Отношение между немецкими классиками было полно иронии — и всепрощения. Ф. Шиллер легко узнавал в «состоявшемся» И. В. Гёте, отстраненном и высокомерном, некую «гордую скромницу», которую «нужно превратить в ребенка». И. В. Гёте, в свою очередь, видел в Ф. Шиллере некоторого искусного поэта, который, возможно, где-то превосходил его в словесном мастерстве. Но он надеялся сразить его философией, которая умело подводилась им под свою поэзию.

За это поэты многое прощали друг другу. Ф. Шиллер прощал мезальянс И. В. Гёте, который прожил со своей женой — бывшей служанкой — почти 18 лет, прежде чем женился на ней. Когда Ф. Шиллер жил в доме у И. В. Гёте,

эта жена, Кристиан Вульпиус, вместе с сыном, который был рожден от И. В. Гёте, — как бы прятались в глубинах родимой обители, а Ф. Шиллер, пользуясь этим, критиковал И. В. Гёте за недооценку духовности светских дам. Ф. Шиллер, когда проживал в том же доме, держался своего внутреннего распорядка — то есть спал до полудня, а работал по ночам. Это раздражало. И. В. Гёте беспокоила страсть Ф. Шиллера к карточным играм и курению табака, и он, полный ехидства, замечал, что полное дарование Ф. Шиллера раскрывается в стихах лишь тогда, когда он чувствует запах прогнивших яблок, которым он провонял всё вокруг себя.

Они даже умирали рядом, буквально через стену, обнадеживая друг друга записками. Ф. Шиллер и вправду умер тогда — от туберкулеза, а И. В. Гёте выздоровел. Но после смерти Ф. Шиллера он сказал, что потерял от этой утраты половину своего имени, а возможно, и всего себя.

Из этого, последнего, этапа необходимо особо вспомнить и состязание в притчах. Это было состязание поэтов, на которое поэт И. В. Гёте не решился бы на первых этапах. Но, во-первых, Ф. Шиллер был не только драматургом, пишущим для веймарского театра, но и литературным редактором; имя его было как знамя. С 1796-го по 1800 г. Ф. Шиллер издавал Альманах муз (Musenalmanach), в котором, в частности, сотрудничали И. В. Гёте, И. Г. Гердер, Ф. Гельдерлин и А. В. Шлегель. И вот ведь что имеется в виду: все прочие — кроме И. В. Гёте — отнюдь не имели никаких политических прав и государственного сана. Они просто представляли Просвещение. А И. В. Гёте представлял деятельное просвещение. Просвещение в действии. И ему, во-вторых, не следовало отставать. Пусть Ф. Шиллер обрел славу поэта. Но эта несчастная пиитическая слава не имеет ничего против философской славы И. В. Гёте: он, как человек серьезный, на легкость пиитическую не упоает, а зрит глубоко, в корень, — в корень Природы.

Это будет на самом деле завоеванный для себя самого честным трудом возврат к философии Ж.-Ж. Руссо, к самой заре «штюрма и дранга».

Вот подлинник написанной И. В. Гёте в 1797 г. легенды «Бог и баядера».

DER GOTT UND DIE BAJADERE
(Indische Legende)

Mahadöh, der Herr der Erde,
Kommt herab zum sechsten Mal,
Daß er unsersgleichen werde,
Mitzufühlen Freud und Qual.
Er bequemt sich, hier zu wohnen,
Läßt sich alles selbst geschehn.
Soll er strafen oder schonen,
Muß er Menschen menschlich sehn.

Und hat er die Stadt sich als Wanderer betrachtet,
Die Großen belauert, auf Kleine geachtet,
Verläßt er sie abends, um weiterzugehn.

Als er nun hinausgegangen,
Wo die letzten Häuser sind,
Sieht er, mit gemalten Wangen,
Ein verlornes schönes Kind.
»Grüß dich, Jungfrau !« — »Dank der Ehre!«
Wart, ich komme gleich hinaus.« —
»Und wer bist du?« — »Bajadere,
Und dies ist der Liebe Haus.«
Sie rührt sich, die Zimbeln zum Tanze zu schlagen,
Sie weiß sich so lieblich im Kreise zu tragen,
Sie neigt sich und biegt sich und reicht ihm den Strauß.

Schmeichelnd zieht sie ihn zur Schwelle,
Lebhaft ihn ins Haus hinein:
»Schöner Fremdling, lampenhelle
Soll sogleich die Hütte sein.
Bist du müd, ich will dich laben,
Lindern deiner Füße Schmerz.
Was du willst, das sollst du haben,
Ruhe, Freuden oder Scherz.«
Sie lindert geschäftig geheuchelte Leiden.
Der Göttliche lächelt; er siehet mit Freuden
Durch tiefes Verderben ein menschliches Herz.

Und er fordert Sklavendienste;
Immer heitrer wird sie nur,
Und des Mädchens frühe Künste
Werden nach und nach Natur.
Und so stellet auf die Blüte
Bald und bald die Frucht sich ein;
Ist Gehorsam im Gemüte,
Wird nicht fern die Liebe sein.
Aber, sie wird schärfer und schärfer zu prüfen,
Wählet der Kenner der Höhen und Tiefen
Lust und Entsetzen und grimmige Pein.

Und er küßt die bunten Wangen,
Und sie fühlt der Liebe Qual,
Und das Mädchen steht gefangen,
Und sie weint zum erstenmal,
Sinkt zu seinen Füßen nieder,
Nicht um Wollust noch Gewinst,
Ach! und die gelenken Glieder,

Sie versagen allen Dienst.
Und so zu des Lagers vergnüglicher Feier
Bereiten den dunklen, behaglichen Schleier
Die nächtlichen Stunden, das schöne Gespinst.

Spät entschlummert unter Scherzen,
Früh erwacht nach kurzer Rast,
Findet sie an ihrem Herzen
Tot den vielgeliebten Gast.
Schreiend stürzt sie auf ihn nieder;
Aber nicht erweckt sie ihn,
Und man trägt die starren Glieder
Bald zur Flammengrube hin.
Sie höret die Priester. die Totengesänge,
Sie raset und rennet und teilet die Menge.
»Wer bist du? Was drängt zu der Grube dich hin?«

Bei der Bahre stürzt sie nieder,
Ihr Geschrei durchdringt die Luft:
»Meinen Gatten will ich wieder!
Und ich such ihn in der Gruft.
Soll zu Asche mir zerfallen
Dieser Glieder Götterpracht?
Mein! er war es, mein vor allen!
Ach, nur Eine süße Nacht!«
Es singen die Priester: »Wir tragen die Alten,
Nach langem Ermatten und spätem Erkalten,
Wir tragen die Jugend, noch eh sie's gedacht.

Höre deiner Priester Lehre:
Dieser war dein Gatte nicht.
Lebst du doch als Bajadere,
Und so hast du keine Pflicht.
Nur dem Körper folgt der Schatten
In das stille Totenreich;
Nur die Gattin folgt dem Gatten:
Das ist Pflicht und Ruhm zugleich. —
Ertöne, Drommete, zu heiliger Klage!
O nehmet, ihr Götter! die Zierde der Tage,
O nehmet den Jüngling in Flammen zu euch!«

So das Chor, das ohn Erbarmen
Mehret ihres Herzens Not;
Und mit ausgestreckten Armen
Springt sie in den heißen Tod.
Doch der Götterjüngling hebet
Aus der Flamme sich empor,

Und in seinen Armen schwebet
 Die Geliebte mit hervor.
 Es freut sich die Gottheit der reuigen Sünder;
 Unsterbliche heben verlorene Kinder
 Mit feurigen Armen zum Himmel empor.

<1797>

Никакой русский исследователь не забудет о том, что в 1867 г. — почти век спустя — ее перевел блестящий поэт А. К. Толстой. У нас есть и важный повод вспомнить этот перевод — по нему видно, что именно след христианского вероучения оно хранит на себе, а вовсе не тот требуемый «штюрмерами и дрангерями» возврат к индуистскому Природотеизму.

А. К. Толстой

БОГ И БАЯДЕРА

Индийская легенда

Магадев, земли владыка,
 К нам в шестой нисходит раз,
 Чтоб от мала до велика
 Самому изведать нас;
 Хочет в странствованье трудном
 Скорбь и радость испытать,
 Чтоб судьбою правосудным
 Нас карать и награждать.
 Он, путником город обшедши усталым,
 Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
 Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
 В шелк и в кольца убрана,
 С насурмленими бровями,
 Дева падшая одна.
 «Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
 Честь в привете мне твоём!»
 «Кто же ты?» — «Я баядера,
 И любви ты видишь дом!»
 Гремучие бубны привычной рукою,
 Кружась, потрясает она над собою
 И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
 Незнакомца на порог:
 «Лишь войди, и засияет
 Эта хата как чертог;

Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!»
И мнимым страданиям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упавшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Через негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит —
И неожиданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.
И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье...
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:

«Я супруга прах объемлю,
 Я хочу погибнуть с ним!
 Красота ли неземная
 Станет пеплом и золой?
 Он был мой в лобзаннях рая,
 Он и в смерти будет мой!»
 Но стих раздается священного хора:
 «Несем мы к могиле, несем без разбора
 И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Браммы веруй:
 Мужем не был он твоим,
 Ты зовешься баядерой
 И не связана ты с ним.
 Только женам овдовелым
 Честь сожженья суждена,
 Только тень идет за телом,
 А за мужем лишь жена.
 Раздайтеся, трубы, кимвалы, гремите,
 Вы в пламени юношу, боги, примите,
 Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
 Хор безжалостно поет,
 И на лютой смерти ложе,
 В ярый огонь, она падет;
 Но из пламенного зева
 Бог поднялся, невредим,
 И в его объятьях дева
 К небесам взлетает с ним.
 Раскаянье грешных любимо богами,
 Заблудших детей огневными руками
 Благие возносят к чертогам своим.

Август — сентябрь 1867

Юмор аристократа-поэта А. К. Толстого — одного из соавторов, сотворивших К. Пруткува, — проскальзывает уже в первых строках. В отличие от Христа, который приходил на землю с небес один раз, Магадев спускается к нам «в шестой раз». Зачем? «Чтоб от мала до велика самому изведать нас»? И, чтобы никому не было повадно интерпретировать эти строки, поэт тут же приводит их «приличное» истолкование, подразумевает испытание духовное. А ведь, между тем, речь идет об испытании телесном...

О предыдущих испытаниях поэт-переводчик как-то не сообщает. Бог как прародитель Жизни на Земле, должен, как сообщается им, *судить людей*. Не знаю, каким образом прореагировали бы иудейские и христианские теологи

на тезис о том, что их боги, к примеру, намереваясь судить людей, шесть раз спустились бы к ним и, воплотившись в них, попытались бы вникнуть в их душу и тело.

Об этом никто из теологов просто не говорит, боясь оскорбить богов. Ни Бог-Отец, который судит, то есть вручает Моисею исходный законник, ни Бог-Сын, который страдает безмерно, но не судит никого, не пытаются изобразить вочеловечение свое как способ проникнуться человеческими страстями и желаниями.

Творец всей Жизни отнюдь не желал предстать перед девушкой как бог. Он принял вид *заурядного человека*. И не на окраине городка — как бы мимоходом — он решил сделать для девушки испытание. Нет! Ему было важно знать, несколько эта девушка относится к своему происхождению от Природы, от Жизни.

У И. В. Гёте это звучит именно так: Бог в своем перерождении увидел в окне ее служебного (?) дома — «с подведенными краской щеками потерянного прекрасного ребенка». И он, обращаясь к ней, назвал ее «девой» — именно как «вчерашнего ребенка». Как бы возвеличивая ее таким образом — то есть не имея по «специальности». Потому и получает приглашение подняться к ней.

А вот А. К. Толстой, напротив, спешит окрестить ее «падшей», словно бы прикрепляя к ней профессиональную метку. А ведь он прекрасно знает, что девушки, которые принадлежат в Индии к «демимонденткам», отнюдь не ломают себя. Они — как члены своей касты — с самого детства готовятся к своей судьбе представительницами более опытных, старших поколений. Те обучают их по книгам, готовят к наиболее технологичным приемам, стилям, преподают правила техники безопасности — словом, осуществляют профессиональную подготовку.

Поэтому у И. В. Гёте «девушка» сразу же предлагает страннику *обслуживание*: «Приходи ко мне, и комната тотчас же станет светящейся, как от света ламп; если ты устал, то я стряхну с твоих век тяготы, и ты будешь иметь то, что захочешь, — покой, радость или шалости».

Весь набор налицо: секс как покой, секс как радость или секс как шалость. (Предоставим читателям самим судить, насколько различны эти виды секса.) При этом, конечно, у девушки есть приемы и правила, технологии и искусства, включая биеие в бубен (!). И она готова применить все их — по желанию клиента.

Бог понимает, что это вчерашнее дитя *миновало* свою девственность. Она лишилась ее в профессиональных руках, поскольку ее готовили к кастовой миссии отнюдь не мужчины, а, скорее, сами жрицы. Она не лишилась *девственности* — как ей то велела Природа-Естество. Ей было положено не прислуживать при «покое», «радости» и «шалости», а испытать в самом начале покорную и скромную самоотдачу, полную муки.

Именно этого он от нее и требует — отчего и умирает. Она слабеет под его природным напором, который требует его жарких усилий, она пробуждается к природному началу, у нее возникает — в первый раз! — девичья застенчивость, страсть и послушание.

Бог превращает профессиональную демимондентку в невинную девицу!

И она чувствует, что ни один член ее тела уже не действует так, как ее учили, — она снова становится невинной и плачет в первый раз от такого «натурального подхода».

Именно это и заставляет ее бросаться в костер, на котором горит тело ее мужа, — чтобы они, слившись воедино и душой и телом, воспарили в небеса².

Последний этап жизненного пути И. В. Гёте — это снисходительное воспоминание о том «природотеизме» в среде друзей по прошлому, которому они столь восхищенно предавались на первом этапе, но который теперь уже стал невозможным, запрещенным, проклятым во времена господства Наполеона. Именно потому Наполеон, пригласив к себе И. В. Гёте, вспомнил про те слезы, которыми он обливался над «Страданиями Вертера», а потом позвал его писать вдвоем пьесу о Цезаре. Они оба знали, что это не сбудется. Прекрасные мечты, о которых ты только грезишь, когда тебя уже влекут к другим делам годы старости!

Список литературы

- Перцев 2016 — *Перцев А. В.* Актуальность Гете: конец Просвещения // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2016. Т. 5. № 1/2. С. 7–23.
- Bollmann 2021 — *Bollmann S.* Der Atem der Welt. Johann Wolfgang Goethe und die Erfahrung der Natur. Stuttgart : Klett-Cotta, 2021. 656 S.
- Brendel 2020 — *Brendel A.* Goethe, Musik und Ironie // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2020. 20 November. S. 12.
- Goethe 2008 — *Goethe J. W.* Maximen und Reflexionen. Köln : Anaconda Verlag, 2008. 252 S.
- Heidegger 2009 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe : in 98 Bdn. Bd. 71 : Das Ereignis. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2009. 368 S.
- Knebel, Maul, Schmuck 2019 — Abenteuer der Vernunft. Goethe und die Naturwissenschaften um 1800 / Hrsg. von K. Knebel, G. Mau, Th. Schmuck. Dresden : Sandstein, 2019. 424 S.

References

- Bollmann, S. (2021), *Der Atem der Welt. Johann Wolfgang Goethe und die Erfahrung der Natur*, Klett-Cotta, Stuttgart, 656 S.
- Brendel, A. (2020), “Goethe, Musik und Ironie”, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 20 November, S. 12.
- Goethe, J. W. (2008), *Maximen und Reflexionen*, Anaconda Verlag, Köln, 252 S.
- Heidegger, M. (2009), *Gesamtausgabe, in 98 Bdn., Bd. 71, Das Ereignis*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 368 S.

² Подробно о влиянии творчества «позднего» И. В. Гёте на его мировоззрение и политику см. в статье: [Перцев 2016].

- Knebel, K., Maul, G. und Schmuck, Th. (Hrsg.) (2019), *Abenteuer der Vernunft. Goethe und die Naturwissenschaften um 1800*, Sandstein, Dresden, 424 S.
- Pertsev, A. V. (2016), Actuality of Goethe: the End of Enlightenment, *EINAI: Philosophy. Religion. Culture*, vol. 5, no. 1/2, pp. 7–23 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 5.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 25.11.2021

Информация об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the author

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-7711-5098

КОНЦЕПЦИЯ НЕОДНОВРЕМЕННОСТИ ЭРНСТА БЛОХА (Предисловие к переводу)

С. Е. Вершинин

Уральский государственный горный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Предлагаемый перевод избранных фрагментов работы немецкого философа Эрнста Блоха (1885–1977) «Наследство нашего времени» (1934) и вступительная статья к нему посвящены анализу отношений между темпоральными измерениями германского общества начала XX века и характеристиками различных социальных групп. «Наследство нашего времени» является энциклопедией социальной жизни Германии 1920–1930-х годов. Показана преемственная концептуальная связь между ранней работой «Дух утопии» (1918) и идеями «Наследства нашего времени». Темпоральность описывается с помощью понятия неодновременности (несовпадения с настоящим временем), которое рассматривается в экономическом, социально-психологическом, культурном и антропологическом аспектах. Анализ неодновременности, по мысли Блоха, должен прояснить истоки популярности нацистских идей среди населения Германии. В центре внимания Блоха оказываются различные формы жизни — «остатки прежних времен», продолжающие существовать в современном обществе в тех или иных формах. Совокупность этих «остатков» Блох обозначает термином «наследство». Он показывает связь между пространственным фактором (население окраин), социальным (мелкая буржуазия, в основном сельская) и сохранением гештальтов прошлого опыта в сознании определенных социальных групп. Анализ неодновременности, производимый Блохом, опирается на гегелевские и марксистские идеи, но развивается в русле своей оригинальной философии по сравнению с другими авторами, исследовавшими процессы модернизации различных обществ в XIX–XX вв., и предлагает вписать неодновременные противоречия в анализ существующего капиталистического общества. Он разрабатывает понятия диалектики времени, вводя объективно неодновременное и субъективно неодновременное противоречия. Выдвигается тезис о применимости концепции неодновременности к российскому обществу. Переводчик характеризует особый стиль изложения Блохом своих идей, основанный на языковой игре и повышенной метафоричности.

Ключевые слова: неодновременность, культурное наследие, Эрнст Блох, объективно неодновременное противоречие, субъективно неодновременное противоречие.

Для цитирования: Вершинин С. Е. Концепция неодновременности Эрнста Блоха (Предисловие к переводу) // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 3. С. 128–138. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.031

ERNST BLOCH'S CONCEPT OF NON-SIMULTANEITY (Preface to Translation)

S. E. Vershinin

Ural State Mining University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The proposed translation of selected fragments of the work of the German philosopher Ernst Bloch (1885–1977) “The Heritage of Our Times” (1934) and the introductory article to it analyze the relationship between the temporal dimensions of German society in the early twentieth century and the characteristics of various social groups. The Legacy of Our Time is an encyclopedia of social life in Germany in the 1920s and 1930s. The paper shows the successive conceptual connection between the early work “The Spirit of Utopia” (1918) and the ideas of “The Heritage of Our Times”. The author describes temporality using the concept of non-simultaneity (non-coincidence with the present) and considers its economic, socio-psychological, cultural, and anthropological aspects. The analysis of non-simultaneity, according to Bloch, should clarify the origins of the popularity of Nazi ideas in the German population. Bloch focuses on various forms of life — “remnants of the past”, which continue to exist in modern society in one form or another. The combination of these “remnants” Bloch marks with the term “heritage”. It shows the connection between the spatial factor (the population of the suburbs), the social factor (the petty bourgeoisie, mostly rural), and the preservation of the gestalts of experience in the minds of certain social groups. Bloch built his analysis of non-simultaneity on Hegel’s and Marxist ideas but developed it within the framework of his original philosophy. Compared to other scholars studying the processes of modernization of various societies in the 19th–20th centuries, he suggested inscribing non-simultaneous contradictions in the analysis of the existing capitalist society. He develops the concepts of the dialectics of time, introducing objectively non-simultaneous and subjectively non-simultaneous contradictions. The author forwards the thesis about the applicability of the non-simultaneity concept to Russian society. The translator characterizes Bloch’s peculiar style of presenting his ideas as being rich in language play and metaphors.

Keywords: non-simultaneity, cultural heritage, Ernst Bloch, objectively non-simultaneous contradiction, subjectively non-simultaneous contradiction

For citation: Vershinin, S. E. (2021), “Ernst Bloch’s Concept of Non-Simultaneity (Preface to Translation)”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 128–138 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.031

Эрнст Блох (1885–1977) — немецкий философ и культуролог, известный, прежде всего, своей классической работой «Принцип надежды», вошедшей в золотой фонд философии XX века¹. Среди множества интересных идей этого автора, содержащихся в 17-томном собрании сочинений, особое место занимает концепция неодновременности, разработанная в начале 1930-х годов. Поводом для ее создания послужило широкое распространение нацистских идей среди различных слоев населения Германии. Концепция неодновременности была впервые полно изложена в работе «Наследство нашего времени» (1934), отрывок из которой следует за данным комментарием² [Bloch 1985a, s. 116–126].

Сама работа является энциклопедией социальной жизни Германии 1920–1930-х годов. В центре внимания Блоха оказываются различные формы жизни, унаследованные традиции, «хозяйственно-идеологические остатки прежних времен» [Bloch 1985a, s. 16], продолжающие существовать в современном обществе в тех или иных формах. Именно совокупность этих «остатков» Блох и обозначил термином «наследство». При характеристике этого наследства затрагивается множество сюжетов в виде небольших эссе, выполненных в духе феноменологических социологических и культурологических зарисовок: служащие, мелкие буржуа, малые города, маленькие люди и их поведение, экспрессионизм, монтаж, пустота, поле и т. д.³, присутствуют ссылки на И. Стравинского, А. Бергсона, Ф. Ницше и особенно на К. Маркса.

Блох исследует состояние германского общества начала 1930-х годов и фиксирует огромные успехи нацистской пропаганды. Акцентируя внимание на этом обстоятельстве, Блох отходит от официальной версии Г. Димитрова и VII конгресса Коминтерна о фашизме как о власти финансового капитала. Он рассматривает причины популярности фашизма в аспекте культурного наследия, сохранения определенных гештальтов в сознании социальных групп, связанных с прошлым. С точки зрения пространства — это, прежде всего, жители маленьких городов и вообще отдаленных от центра местностей. Эти

---

¹ См. более подробно: [Вершинин 2001].

² Работа «Наследство нашего времени» вышла в свет в 1934 году в Цюрихе (обычно указывается ошибочная дата — 1935 год, однако, как свидетельствует письмо Иоахима Шумахера Э. Блоху от 4.11.1934, это конец октября 1934 года). В новой, дополненной редакции она была перепечатана в 1962 году. В обоих случаях появление этого труда вызывало полемику в научной общественности. Предлагаемый отрывок из этой книги был написан в мае 1932 года. Концепция неодновременности является частью общей концепции времени, которая разрабатывалась и была изложена Блохом в таких работах, как «Логос материи» (1923–1949) [Bloch 2000] и «Тюбингенское введение в философию» (1963) [Bloch 1997].

³ Блох специально подчеркивал, что книга писалась в Германии в 1920-х — начале 1930-х годов, пока мыслитель еще жил там, и потому эти эссе и размышления — это взгляд изнутри, описание общества с точки зрения людей, находящихся в нем. Добавим, что среди его знакомых и друзей в то время, особенно в Берлине в 1926–1933 годах, были Т. Адорно, З. Кракауэр, В. Беньямин, Б. Брехт. В марте 1933 года Блох был вынужден срочно уехать в Швейцарию из-за ордера на его арест.

люди не только провинциальны, но и мелкобуржуазны [Блох 1997, с. 123]. С точки зрения профессиональной принадлежности — это крестьяне-хуторяне, занимающиеся сельскохозяйственным трудом, рыбаки, ремесленники, служащие, мелкие торговцы⁴.

Описывая сложившуюся ситуацию социологически и социально-психологически, Блох подходит к проблеме более широкого, концептуального определения ситуации, и здесь появляется понятие неодновременности, уже ранее промелькнувшее в работе «Дух утопии» (1918), а в работе «Наследство нашего времени» приобретающее черты складывающейся концепции.

Неодновременность рассматривается как социальный феномен, имеющий экономическую, политическую, культурную, психологическую составляющие. Буквально она означает несовременность⁵, несовпадение с настоящим временем по различным признакам.

В социально-психологическом аспекте в поле зрения мыслителя оказываются немецкие служащие и крестьяне, живущие в современности, но отверженные старым традициям. При анализе этих социальных групп Блох опирается на тезис, ставший в марксизме классическим, о соотношении производительных сил и производственных отношений. Неравномерное развитие производительных сил и производственных отношений, диссонанс базиса и надстройки — это неодновременность одновременного. На определенном этапе развития общества производительные силы вырываются вперед и становятся частью будущих передовых технологий, а производственные отношения остаются старыми, относящимися к прошлым историческим эпохам. Блох конкретизирует этот тезис — у него неодновременность проявляется в сохранении определенных способов производства, отстающих в сравнении с другими способами производства. Тогда, в частности, крестьяне с их ориентацией на календарное время, связанное с сельскохозяйственными работами, неодновременны по отношению к рабочим крупных промышленных городов. Точно так же можно указать и на городских ремесленников, использующих традиционные орудия и формы организации труда. Блох также обнаруживает

---

⁴ Блох не был одинок в своих исследованиях психологии социальных групп. Упомянем, например, появившуюся примерно тогда же работу Зигфрида Кракауэра «Служащие» (1930). (См.: [Кракауэр 2015].)

⁵ Блох вводит еще одну категорию, которой редко пользуется, — «сверходновременность». Это то, что сознательно опережает время, это «завтра в сегодня» [Bloch 1985a, s. 212].

Основным здесь является соотношение прошлого и будущего в настоящем, а само настоящее выглядит как переходный этап к будущему (см. подробнее о временных категориях у Э. Блоха: [Zeilinger 2006]). В качестве примера можно привести рассмотрение Блохом феномена юности не столько как социальной группы, сколько как особого темпорального состояния, с особыми временными характеристиками, а именно устремленными вперед, в будущее. Соответственно, молодежь оказывается в сфере неодновременного и является своеобразным субстратом такой неодновременности.

повседневность как сферу сохранения неодновременного. Например, «крестьянский дом... по своей ауре и строению остается готическим» [Bloch 1985a, s. 107].

По мысли Блоха, немецкие крестьяне, служащие, ремесленники скорее формально находятся в современности, однако по своему духу они остались далеко в прошлом. Такие группы многочисленны, и потому, в сравнении с другими европейскими странами, прежде всего с Англией и Францией, можно утверждать, что «Германия — классическая страна неодновременности» [Ibid., s. 113]⁶.

Такова неодновременность в экономическом смысле, однако для немецкого мыслителя гораздо важнее то, как она появляется и проявляется в социально-политической сфере. Социальные причины возникновения неодновременного — препятствия на пути реализации каких-либо социальных тенденций. Так, капитализм в Германии развивался без демократических революций, экономический либерализм не сопровождался политическим либерализмом. Блох отмечает влияние юнкеров и, шире, — Пруссии на сохранение остатков феодализма в современном ему обществе. Описывая служащих, Блох отмечает традиционную радость подчинения начальству: «*Наслаждение* служащих не быть пролетариями поднимается до оргиастического желания подчинения, магического существования чиновником при каком-либо герцоге» [Ibid., s. 109].

Задержанное или прерванное развитие той или иной тенденции прогресса общества и социальных групп в политической, культурной, идеологической сферах находит свое выражение в религиозной или эстетической форме. Неодновременное — это незавершенное прошлое, влияющее на настоящее, несбывшаяся сказка старых добрых времен [Ibid., s. 122]. Это обстоятельство обсуждается в главе «Оригинальная история Третьего Рейха», где Блох подробно останавливается на идеях итальянского богослова Иоахима Флорского (1132–1202) и его учения о Третьем Царстве (в немецком варианте — «Третьем Рейхе»), влиянии хилиазма на европейскую культуру и массовое сознание населения Германии⁷. Надежды, порожденные, например, Крестьянской войной 1524–1525 гг., никуда не делись, они продолжают, в коллективной памяти народа, подспудно воздействовать на современность. В результате сохранения такого наследия мифологические образы, существовавшие в сознании средневековых крестьян, — «Спаситель», «Третий Рейх», «Кайзер», «Дом», «Почва», сплелись в первой трети XX века в массовом сознании населения Германии с национал-социалистскими образами «фюрера» и новой версией «Третьего Рейха».

⁶ Более подробно об истории возникновения этого понятия и различных контекстах его применения см.: [Dietschy 2012, s. 589–633]. См. также более раннюю работу этого автора: [Dietschy 1988].

⁷ Об истории понятия «Третий рейх» («Третье царство») Блох написал отдельную статью, которая была первоначально опубликована в журнале «Интернациональная литература» в Москве в 1937 году (см.: [Bloch 1985a, s. 126–152]).

Блох отмечает романтическое противостояние капитализму со стороны средних слоев и мелкой буржуазии, которое активно используется нацистами. Такое противостояние, по его мнению, служит сегодня только реакции, прежде всего нацизму⁸. Однако можно ли изменить данную ситуацию, другими словами, «несет ли бюргерство элементы для построения нового мира?» [Bloch 1985a, s. 15]. Это проблема, которую, по мнению Блоха, современный марксизм упускает из виду: прошлое, иррациональное, исключается из анализа капиталистического рационализма⁹.

Здесь следует подчеркнуть, что Блох внимательно наблюдал за перипетиями политической борьбы в Германии, и впечатления от этой борьбы находили свое отражение в его работах. Так, он описывал выступление одного из коммунистических ораторов на митинге в Тюрингии, когда оратор зачитывал тексты Томаса Мюнцера почти без комментариев и собравшиеся крестьяне хорошо понимали этот язык 400-летней давности [Muenster 1982]. Блох специально обратил внимание на этот случай еще и потому, что в своей ранней работе «Томас Мюнцер как теолог революции» (1921) он исследовал мессианские и эсхатологические мотивы деятельности этого проповедника «мистической демократии» и «апокалиптической пропаганды делом»¹⁰ [Bloch 1969]. В этой работе Блох показал, как религиозно-мистические мечты, желания, различные предания превращаются в утопическую энергию и «мятежную, наиболее серьезную волю к раю» [Ibid., s. 56].

Блох, на наш взгляд, адекватно реагирует на сложившуюся ситуацию: если нацисты совершили идеологическую кражу у левых сил (красные знамена, праздник 1 Мая, социалистическая терминология), использовали образы массового сознания, пришедшие из Средних веков, то почему нельзя произвести обратную операцию и переинтерпретировать их в духе марксизма и тем самым «мобилизовать под социалистическим руководством» [Bloch 1985a, s. 16] на борьбу с нацизмом? Блох настаивает на том, что неодновременное не обязательно является консервативным или реакционным. Так возникает вопрос о том, может ли быть неодновременное хотя бы частичным источником альтернатив современному капитализму? Блох утвердительно отвечает на этот вопрос, он еще в работе «Томас Мюнцер как теолог революции» протягивал прямые линии от Крестьянской войны 1524–1525 года к немецкому рабочему

⁸ Подробнее про анализ фашистской пропаганды у Э. Блоха см.: [Schmidt Noerr 2016, s. 79–106].

⁹ Следует указать на более широкий контекст данной проблемы. Блох в своих работах говорит о двух течениях в марксизме — холодном и теплом. Холодный марксизм — это анализ условий и факторов социально-исторического развития общества. Теплый марксизм — это обращенность в будущее, и здесь важны мечты, фантазии, а также образы будущей жизни, возникавшие в революционных движениях средневековья и Нового времени. Эта мысль о двух течениях в марксизме была позже подробно развернута в работе «Принцип надежды» (см.: [Bloch 1985b, s. 235–242]).

¹⁰ О соотношении мессианизма, эсхатологии и гнозиса у Блоха см.: [Болдырев 2012, с. 150–181].

движению XIX века [Bloch 1969, s. 110]. Эта небесспорная идея и лежит в основе всех рассуждений о возможностях противодействия нацизму.

Описав феномен неодновременности с самых различных сторон, Блох пытается, идя вслед за Гегелем и Марксом, дополнить характеристику тотальности современного ему общества, обращая внимание на упущенные, по его мнению, некоторые диалектические противоречия.

Основным критерием современности, согласно Блоху, является, прежде всего, капиталистический способ производства. Соответственно, все то, что не соответствует этому способу производства, является объективно и субъективно неодновременным. Тогда можно говорить, наряду с объективно неодновременным противоречием — между производительными силами и производственными отношениями, — и об объективно неодновременном противоречии: между современными и традиционными формами производства. Наряду с субъективно неодновременным противоречием («свободным революционным деянием пролетариата») существует и субъективно неодновременное противоречие — это глухое неприятие Сегодня, это застывшая ярость народных масс, не добившихся успеха в восстаниях и революциях. Блох считает, что эти противоречия взаимодействуют, с одной стороны, между собой и, с другой стороны, с классическими противоречиями современного капитализма. Так, субъективно неодновременное противоречие активизирует объективно неодновременное. Сосуществование одновременных и неодновременных противоречий не является нейтральным, скорее можно говорить о влиянии в разных вариантах — позитивном и негативном, то есть реакционном. Позитивное влияние неодновременных противоречий проявляется в том, что они несут с собой пафос целостности и неотчужденности человека от общества. Однако в политической жизни Германии сложился иной — худший — вариант.

Из данной ситуации Блох делает серьезные методологические выводы. Во-первых, надо вписать неодновременные противоречия в анализ существующего капиталистического общества. Сочетание одновременных и неодновременных социальных противоречий позволит составить адекватную картину современного капитализма и тенденций его развития.

Во-вторых, необходима многослойная — многовременная и многопространственная — диалектика, которая должна быть критической и несозерцательной, ибо только таким образом незавершенное, не состоявшееся в истории, можно использовать для истории. Можно отметить, что здесь Блох отходит от гегелевской идеи снятия высокими формами развития низших, и настаивает на том, что капитализм не снял полностью остатков феодализма в экономической и духовной сферах жизни¹¹.

---

¹¹ См. подробнее: [Riedel 1994, s. 82–86].

В-третьих, он выступает против понятия «культурного круга», где, по его мнению, время «реакционно пригвождено к пространству» [Блох 1997, с. 172]. Тем самым он вступает в полемику с многочисленными сторонниками такой позиции, от Лео Фробениуса до Освальда Шпенглера и Венской школы.

В-четвертых, если диалектика должна быть многовременной, то не может быть однолинейного понимания прогресса, на шкале которого располагаются различные культуры и страны, оцениваемые с позиции высших достижений. Понятие прогресса важно для измерения производительных сил и базиса, а вот для надстройки оно менее значимо. Блох выступает за понимание общества и истории как «мультиверсума», где присутствует не однолинейность, а многолинейность, где есть контрапункт «исторических голосов». Соответственно, одним из следствий такой позиции оказывается неприятие европоцентризма в понимании мировой истории.

В-пятых, Блох находит свой вариант интерпретации неодновременности в сравнении с другими авторами, исследовавшими процессы модернизации различных обществ в XIX–XX вв. Социальная модернизация с неизбежностью приводила к тому, что одни сферы и институты изменялись и развивались быстрее других. Так, перед социальной теорией возникали многочисленные вопросы: насколько синхронно или асинхронно должно и может происходить развитие различных сфер жизни общества, насколько возможна кооперация и координация различных социальных институтов, групп и индивидов? Насколько господствующая иерархия экономических, политических, культурных ценностей и мотиваций деятельности влияла на прежние ценностные представления? Проблема социального управления начинала выступать как проблема синхронизации действий различных социальных субъектов, способов и ритмов жизни социальных групп.

В этом аспекте интересна, например, теория «культурного лага» американского исследователя У. Огборна (1886–1959). Это понятие, введенное в научный оборот в 1922 году, означало различный темп изменения сфер культуры. Материальная культура может развиваться быстрее, чем нематериальная. У. Огборн ввел термин «культурное отставание» и указывал на факты сопротивления, прежде всего, социально-техническим изменениям и состояние дезадаптации. Подобное культурное отставание приводит к социальным конфликтам.

Однако если Огборн пишет про сопротивление социально-техническим изменениям, то Блох совпадает с Огборном только по некоторым пунктам: например, «застывшая ярость» средних слоев и крестьян как феномен сопротивления, которое трактуется более метафорически и универсально, — это «вечное сопротивление *господствующему* во времени *Плохому*» [Блох 1997, с. 124]. При этом Блох обращает внимание на кристаллизацию скрытых тенденций коллективной памяти в различных образах.

Следует отметить особый стиль изложения Блохом своих идей — всегда метафорический, витиеватый, с множеством ассоциаций, отсылающих к образам немецкой и мировой культуры. Блох философствует с помощью прилагательных, причастий, наречий и использует особенности немецкого языка, в котором, например, все существительные пишутся с заглавной буквы. Блох же пишет и причастия, и прилагательные также с заглавной буквы, придавая им больший онтологический статус существительных. Так, про текущий момент он говорит — «Jetzt» (в прилагаемом переводе — «Теперь»). Процессуальность подчеркивается, в основном, прилагательными — «Несвоевременное», «Противоречащее» и т. д. В нижеследующем, хотя и значительно адаптированном для русского читателя, переводе мы решили сохранить эти особенности оригинального текста, что привело к его определенной неудобочитаемости и трудности понимания.

Текст насыщен отсылками к другим философским теориям — например, Блох говорит «Anderheit» («инаковость»), тем самым косвенно отсылая к понятиям «heterotes» у Аристотеля и Платона, «alteritas» у А. М. С. Боэция, использует сюжетные линии из введения к «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля, отсылает к идеям Л. Берне, В. Ф. Й. Шеллинга.

Подводя итог, следует указать на то, что Блох акцентировал внимание на феномене неодновременности, прежде всего в экономическом, политическом и социально-культурном аспектах. Его теория неодновременности сосредоточена, на первый взгляд, на анализе внутренне противоречивой социальной современности, однако он, скорее, решает проблему соотношения прошлого и будущего, сосуществующих в настоящем, которое оказывается неким промежуточным этапом в жизни общества и отдельного человека.

Нам кажется, что можно говорить и о применимости концепции неодновременности к российскому обществу, например относительно развития различных регионов и городов или тенденций развития массового сознания [Werschinin 2016]. Различия в ритме функционирования и особенностях развития различных сфер жизнедеятельности общества и регионов страны свидетельствуют о плохо изученном пока феномене социальной и культурной полиритмии. Неодновременность ярко проявляется в жизни мигрантских групп, образующих параллельные общества и субкультуры со своими религиозными и бытовыми традициями.

В целом же концепция неодновременности Эрнста Блоха может быть применена, на наш взгляд, более широко — к любому модернизирующемуся обществу XX–XXI веков.

Список литературы

Блох 1997 — Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1997. 394 с.

- Болдырев 2012 — *Болдырев И.* Время утопии. Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 290 с.
- Вершинин 2001 — *Вершинин С. Е.* Жизнь — это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. 303 с.
- Кракауэр 2015 — *Кракауэр Э.* Служащие: из жизни современной Германии / пер. с нем. О. Мичковского. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. 144 с.
- Bloch 1969 — *Bloch E.* Thomas Munzer als Theologe der Revolution. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1969. 241 S.
- Bloch 1985a — *Bloch E.* Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 4 : Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. 415 S.
- Bloch 1985b — *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung // Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 5. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 235–242.
- Bloch 2000 — *Bloch E.* Logos Materie — Eine Logik im Werden. Aus dem Nachlass 1923–1949 / Hrsg. von G. Cunico. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2000. 679 S.
- Dietschy 1988 — *Dietschy B.* Gebrochene Gegenwart. Ernst Bloch, Ungleichzeitigkeit und das Geschichtsbild der Moderne. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1988. 379 S.
- Dietschy 2012 — *Dietschy B.* Ungleichzeitigkeit, Gleichzeitigkeit, Uebergleichzeitigkeit // Bloch-Wörterbuch. Leitbegriffe der Philosophie Ernst Blochs / Hrsg. von B. Dietschy, D. Zeilinger, R. E. Zimmermann. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2012. S. 584–633.
- Muenster 1982 — *Muenster A.* Utopie, Messianismus und Apokalypse im Fruehwerk von Ernst Bloch. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1982. 319 S.
- Riedel 1994 — *Riedel M.* Tradition und Utopie. Ernst Blochs Philosophie im Licht unserer geschichtlichen Erfahrung. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1994. 329 S.
- Schmidt Noerr 2016 — *Schmidt Noerr G.* Blochs Analyse faschistischer Propaganda // Staat und Politik bei Ernst Bloch / Hrsg. von H.-E. Schiller. Baden-Baden : Nomos, 2016. S. 79–106.
- Werschinin 2016 — *Werschinin S.* Ungleichzeitigkeit und Heimat in der postsowjetischen russischen Gesellschaft // Staat und Politik bei Ernst Bloch / Hrsg. von H.-E. Schiller. Baden-Baden : Nomos, 2016. S. 171–186.
- Zeilinger 2006 — *Zeilinger D.* Die Topoi „Ungleichzeitigkeit“ und „Uebergleichzeitigkeit“ in der Geschichtsphilosophie Ernst Blochs // Vor-Schein № 27/28. Jahrbuch 2006 der Ernst-Bloch-Assoziation. Nuernberg : Antogo Verlag, 2006. S. 143–157.

References

- Bloch, E. (1969), *Thomas Munzer als Theologe der Revolution*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 241 S.
- Bloch, E. (1985a), *Werkausgabe*, in 16 Bdn., Bd. 4, *Erbschaft dieser Zeit*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 415 S.
- Bloch, E. (1985b), „Das Prinzip Hoffnung“, in Bloch, E., *Werkausgabe*, in 16 Bdn., Bd. 5, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, S. 235–242.
- Bloch, E. (1997), *Tubinger Einleitung in die Philosophie*, translated by Bystrova, T. Yu., Vershinin, S. E. and Kriushov, D. I., Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 394 p. (in Russian).
- Bloch, E. (2000), *Logos Materie — Eine Logik im Werden. Aus dem Nachlass 1923–1949*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 679 S.
- Boldyrev, I. (2012), *Vremya utopii. Problematicheskie osnovaniya i konteksty filosofii Ernsta Blokha* [The time of utopia. Problematic foundations and contexts of Ernst Bloch's Philosophy], Higher School of Economics, Moscow, 290 p. (in Russian).
- Dietschy, B. (1988), *Gebrochene Gegenwart. Ernst Bloch, Ungleichzeitigkeit und das Geschichtsbild der Moderne*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 379 S.
- Dietschy, B. (2012), „Ungleichzeitigkeit, Gleichzeitigkeit, Uebergleichzeitigkeit“, in Dietschy, B., Zeilinger, D. und Zimmermann, R.-E. (Hrsg.), *Bloch-Wörterbuch. Leitbegriffe der Philosophie Ernst Blochs*, Walter de Gruyter, Berlin, Boston, S. 584–633.

- Kracauer, S. (2015), *Die Angestellten. Aus dem neuesten Deutschland*, translated by Michkovskii, O., Kabinetnyi uchenyi, Yekaterinburg, Moscow, 144 p. (in Russian).
- Muenster, A. (1982), *Utopie, Messianismus und Apokalypse im Fruehwerk von Ernst Bloch*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 319 S.
- Riedel, M. (1994), *Tradition und Utopie. Ernst Blochs Philosophie im Licht unserer geschichtlichen Erfahrung*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 329 S.
- Schmidt Noerr, G. (2016), „Blochs Analyse faschistischer Propaganda“, in Schiller, H.-E. (Hrsg.), *Staat und Politik bei Ernst Bloch*, Nomos, Baden-Baden, S. 79–106.
- Vershinin, S. E. (2001), *Zhizn' — eto nadezhda. Vvedenie v filosofiyu Ernsta Blokha* [Life is hope. Introduction to the Philosophy of Ernst Bloch], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, 303 p. (in Russian).
- Werschinin, S. (2016), „Ungleichzeitigkeit und Heimat in der postsowjetischen russischen Gesellschaft“, in Schiller, H.-E. (Hrsg.), *Staat und Politik bei Ernst Bloch*, Nomos, Baden-Baden, S. 171–186.
- Zeilinger, D. (2006), „Die Topoi ‚Ungleichzeitigkeit‘ und ‚Uebergleichzeitigkeit‘ in der Geschichtsphilosophie Ernst Blochs“, in *Vor-Schein № 27/28. Jahrbuch 2006 der Ernst-Bloch-Assoziation*, Antogo Verlag, Nuernberg, S. 143–157.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Информация об авторе

Вершинин Сергей Евгеньевич
доктор философских наук, профессор
Уральский государственный горный
университет
620144, Россия, Екатеринбург,
ул. Куйбышева, 30
E-mail: sergejwerschinin@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-5059-8125

Information about the author

Vershinin, Sergey Evgenievich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural State Mining University
30 Kuibysheva St., Yekaterinburg,
620144, Russia,
E-mail: sergejwerschinin@mail.ru
Author ORCID: 0000-0001-5059-8125

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.032

УДК 101 + 111.32 + 113/119 + 159.9

НЕОДНОВРЕМЕННОСТЬ И ОБЯЗАННОСТЬ СДЕЛАТЬ ЕЕ ДИАЛЕКТИЧНОЙ (май 1932 г.)*

Э. Блох

Аннотация: Предлагаемый перевод избранных фрагментов работы немецкого философа Эрнста Блоха «Наследство нашего времени» посвящен темпоральным характеристикам различных социальных групп германского общества начала XX века. Основными в этих характеристиках являются, во-первых, понятие «неодновременность», которое рассматривается в различных аспектах, во-вторых, понятие «наследство» как совокупность экономических, политических, культурных, ментальных элементов прошлого, сохранившихся в германском обществе 1930-х гг. Блох показывает влияние этих элементов на жизнь средних слоев — крестьян, ремесленников, мелкой городской буржуазии. Использование этих элементов в нацистской пропаганде объясняет, согласно Блоху, популярность нацизма в Германии. Дается характеристика Германии как «классической страны неодновременности». Автор ставит задачу переформулировать по-марксистски иррациональное в массовом сознании и не отдавать мечты и образы будущего реакционным силам. При этом Блох опирается на европейскую философскую традицию в лице Г. Гегеля и К. Маркса. Он вводит парные понятия «объективно неодновременные противоречия» и «субъективно неодновременные противоречия» в анализ современного капитализма. Социальная диалектика должна быть, по Блоху, в темпоральном аспекте многослойной.

Ключевые слова: неодновременность, прошлое, современность, объективно неодновременные противоречия, субъективно неодновременные противоречия, многослойная диалектика.

Для цитирования: Блох Э. Неодновременность и обязанность сделать ее диалектической (май 1932 г.) / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 139–157. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032

---

* Bloch E. Erbschaft dieser Zeit // Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 4. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 104–126. Перевод печатается с разрешения издательства Suhrkamp Verlag (ФРГ).

NON-SIMULTANEITY AND THE OBLIGATION TO ITS DIALECTICS (May 1932)*

E. Bloch

Abstract: The proposed translation of selected fragments of the work of the German philosopher Ernst Bloch “The Heritage of Our Times” is devoted to the temporal characteristics of various social groups of German society at the beginning of the 20th century. The first fundamental concept in these characteristics is the concept of non-simultaneity considered in different aspects. Second, it is the concept of heritage as a set of economic, political, cultural, mental elements of the past that remained in German society of the 1930s. Bloch showed the impact of these elements on the life of the middle class (peasants, craftsmen, small-scale urban bourgeoisie). In Bloch’s view, the fact that the Nazis used these elements in their propaganda explains the popularity of Nazism in Germany. The author also forwards the characteristic of Germany as a classical state of non-simultaneity and poses the task to re-formulate the Marxist-style irrational in the mass consciousness and not to hand over dreams and images of the future to reactionary forces. Here Bloch makes use of the European philosophical tradition of Hegel and Marx. He introduces the concept of objectively non-simultaneous and subjectively non-simultaneous contradictions into the analysis of modern capitalism. Social dialectics, according to Bloch, should be multi-layered in the temporal aspect.

Keywords: non-simultaneity, past, modernity, objectively non-simultaneous contradictions, subjectively non-simultaneous contradictions, multi-layered dialectics.

For citation: Bloch, E. (2021), “Ungleichzeitigkeit und Pflicht zu ihrer Dialektik”, translated by Vershinin, S. E., *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 139–157 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032

А. Раннее состояние

Не все люди находятся в одном и том же Теперь (Jetzt). Они находятся там только внешне — потому что их можно сегодня увидеть. Однако они не живут одновременно с другими. Они несут с собой в гораздо большей мере Пржнее (Frueheres), которое вмешивается в их жизнь. В зависимости от того, где кто-то находится телесно, прежде всего классово, у него есть свое время. Стародавние

---

* Bloch, E. (1985), “Erbschaft dieser Zeit”, in Bloch, E., *Werkausgabe, in 16 Bdn., Bd. 4*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, S. 104–126. The translation is printed with the permission of the publisher Suhrkamp Verlag (West Germany).

времена продолжают действовать в старых слоях как сегодняшние; здесь легко уходят в прошлое или мечтают о нем. Ясно, что такой закостенелый человек, который именно поэтому скрывается за притязаниями своего места или местечка, остается простаком... Как быть, если благодаря продолжающему действовать старокрестьянскому происхождению, он — как тип из прошлого — не вписывается в сверхсовременное предприятие? Вообще, различные годы сходятся в одном годе, который только и учитывается, и господствует. Они не цветут в Скрывшемся, как раньше, а противоречат Теперь; очень многозначительно, хмуρο, с позиции прошлого.

Сила этого неодновременного курса показала себя, она обещала новую жизнь, наверхывая только Старое. Массы тоже стремятся к нему, потому что невыносимое Теперь, по меньшей мере, не кажется таким невыносимым с Гитлером, рисующим для каждого мир доброй старины. Это меньше всего ожидавшаяся, более всего опасная сила, сразу и зажигательная и убогая, противоречивая и неодновременная. Рабочие уже не одни с самими собой и с предпринимателями. Между ними начинают действовать гораздо более ранние силы, с совсем другого Низа.

Б. Неодновременности в сообщениях

Один род людей начинает всегда с самого начала. *Юность* часто отворачивается от текущего дня. Она не обладает им, но ее мечты происходят не просто от голодного желудка. Их телесно поддерживает пустое юное бытие (*Jungsein*), не являющееся современным. Молодых без работы легко купить справа и ввести в заблуждение. Молодые люди буржуазного происхождения, но без буржуазной перспективы, и без того идут вправо, где им что-то обещают. Однако примечательно, что никакая юность не находится в середине современности; не существует хозяйственной партии двадцатилетних. Двадцатилетнее состояние обращено в гораздо большей степени к чему-то другому, чем к сегодняшней овеществлённой жизни.

Очевидно, что нет юности самой по себе, которая вырастала бы независимо от времени — так, как у юношей во все времена растёт одинаковая борода. Однако насколько это состояние различно в различных классах и временах, насколько слова, описывающие это состояние, сегодня другие, чем вчера, настолько же отчетливо всплывают в Теперь тела (*Leiber*) из очень ранних времен, посылают сюда кусок предысторической жизни. Если мальчики берут лук и стрелы, то юноши легко сходятся в дружеских союзах, ищут друзей и, прежде всего, отца, который часто не был их биологическим отцом.

Буржуазная молодежь чаще, чем пролетарская, попадает в такое положение, но не только потому, что она буржуазна, а потому, что она больше разгнежена, несерьезна и мечтательна. Занятая в основном самой собой, эта молодежь

со своим сдвигом в романтическую правизну показывает, насколько внешними были их современные, предметные жесты. Острый воздух юности позволяет левому огню, если он горит, разгораться еще сильнее; но если «обновление» идет справа, то молодежь буржуазных и введенных в заблуждение кругов еще более искушаема: полнокровный, органический юноша — это хорошая почва для нацистов. Этому юноше предлагают себя союзы старого образца, осязаемая жизнь в малых группах, с известным предводителем (Fuehrer), а не с формальным номером во главе. Вкус этой юности особенно чувствителен для хороших мужских качеств: для силы, открытости, порядочности, чистоты; причем это «порядочное» принадлежит здоровым буршам¹, не поддающимся влиянию денег.

Отношения внутри группы действуют сильнее, чем научение, воодушевляющие слова точнее, чем исследующие, старые наряды прекраснее современных городов; так, хозяйственный повод, загоняющий буржуазную молодежь в прошлые мечты, соединяется с органическим беспокойством и собственным рассветом. То, что раньше впустую шумело и грезило, здесь, где современная взрослая жизнь стала малоубедительной, беспрепятственно сходит в прекрасную старину. Юность, не идущая в ногу с холодным Теперь, легче идет назад, чем в происходящее Сегодня, чтобы перейти в Завтра. И так до тех пор, пока различное время, в котором находится юность, не будет перенаправлено на Завтра.

Другой род идет издревле, с корнями. Такие люди живут почти так же, как их предки, делают то же самое, что они. Это *крестьянство*: в деревенской местности есть лица, которые при всей их юности так стары, что самые старые люди в городах не могут больше припомнить их. Если нужда или удобная возможность гонит их на фабрику, то крестьянская пословица говорит: работа не годится, если на нее сзывают свистком; именно так думает мелкий крестьянин, даже если он раньше жил не намного лучше, чем его батрак. Крестьянин умеет быть рачительным, он припрятал свою старую одежду и мебель, на всякий случай. На хозяйственные вопросы крестьянин реагирует бодро и рассудительно, домотканые фразы, которые он употребляет, не все древнего происхождения, но всё же это Рассудительное — не из сегодняшнего дня, так что крестьянин повсюду, где царят молчание и тупость, истоки обычая и веры, носит старые одежды. Он твердо защищает свое экономически устаревшее место, которое труднее вытеснить машинами, чем место ремесленника сто лет назад. Его уже потому труднее вытеснить, что у него в руках средства производства, а сельскохозяйственные машины используются только как вспомогательное средство в старых рамках двора

---

¹ Бурш — студент немецкого университета, член студенческой корпорации. — *Прим. пер.*

и своей пашни; никакой фабрикант не введет здесь против экономически слабого ремесленника механический ткацкий станок, которым мог владеть только капиталист.

Эта общая форма производства затрудняет также мобилизацию больших экономических противоречий в крестьянстве. Есть нищие крестьяне, есть бедняки, середняки, кулаки (Grossbauern), и их очень разные отношения владения препятствуют тому, чтобы воспринимать крестьянство как единый «класс». Но даже нищий крестьянин еще имеет собственность, пусть жалкую, полностью заложенную, а кулак работает рядом, становится деятельным патриархом: различные отношения владения не производят сами по себе еще никакой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми (только совсем другая пропаганда — пролетарская — взламывает это). Так что крестьянство чувствует себя если не единым классом, то все же относительно единым оставшимся «сословием».

Крестьяне, кроме собственности на средства производства, обладают еще другой неодновременностью, укореняющей то упорство, которое идет от материала, который они обрабатывают, который их непосредственно держит и кормит: они привязаны ко все той же, что и всегда, почве и временам года. Не только аграрный кризис толкает крестьян вправо, где им обещают возвращение старых добрых времён. Их скованное существование, относительно старая форма их производственных отношений, их обычаи, календарная жизнь в круговороте неизменной природы противоречат урбанизации, соединяются с реакцией, вытекающей из неодновременности. Сама рассудительность крестьянства является издревле недоверчивой, непросвещенной, живое чувство владения (землей, свободным от долгов двором) еще сильнее, чем капиталистическое, укоренено в связи с вещами.

Рассудительность, как и чувство владения, как и крестьянский индивидуализм (владение как инструмент свободы, дом как замок), происходит из докапиталистических времен, из производственных отношений, которые уже тогда требовали раздела земли, но еще не было экономически индивидуальных бюргеров. Поэтому крестьянский дом — несмотря на все капиталистические формы, несмотря на все готовые платья и городские товары, — является сегодня по своему плану и ауре готическим; легко можно снова поставить на старое место убранные в кладовку традиционные одежды и мебель, но не так, чтобы это существовало, как в городе — в виде остатков материала. Захолустные места действуют здесь особенно поучительно, так как они показывают глубинные культурные воды... Сундуки изготавливаются деревенскими столярами для современных семейных пар еще в готической форме — не как подделка, а как делали еще их отцы и прадеды. Семьи живут — несмотря на радио и газеты — в деревне, где их Египет является страной, в которой принцесса достала ребенка Моисея из реки, а не страной пирамид или Суэцкого канала;

это рассматривается не с позиции фараона, а, по-прежнему, с позиции Библии и детей Израиля.

И снова: кровавый пот экстатической девы Терезы Нойманн (Therese Neumann) в 1928 году², против воли гораздо более «одновременного» епископа, характеризует совсем другой кусок германской готики. Горы Фихтельгебирге, близкие им Шварцвальд и Шпессарт капсулируют эту готику; даже если эти горы не так мрачны и не наполнены привидениями, как во времена Гауффа, то и сегодня уместны были бы плотогоны, стеклодувы, призраки, разбойники вокруг такой крестьянской готики. Хозяйственно, как и идеологически, крестьяне — посредине подвижного капиталистического столетия — находятся гораздо древнее всех остальных. Даже если капитализм включил в себя земельную собственность, этот докапиталистический элемент. Даже если он насквозь капитализировал крестьянство и снабдил своими товарами; даже если самая последняя деревня присоединена посредством радио к Just Milieu³, — крестьяне держатся за накренившуюся постройку, чувствуют себя представленными в подозрительном городе скорее не рабочими, а дворянскими поместьями. И это будет происходить до тех пор, пока временное различие между городом и деревней не будет стерто в гораздо более далеком завтра — по сравнению с сегодняшним городским.

Правда, уже несколько лет, как и особый городской род людей начал отставать. Обнищавший *средний слой* хочет обратно, в довоенное время, когда дела у него шли лучше. Он обнищал, то есть стал революционно чувствителен, но его труд не предвещает недовольного взрыва, а его воспоминания делают его полностью чуждым современности. Неуверенность, порождающая простую тоску по былому, как революционный толчок воскрешает посреди крупного города образы, которых уже не видели несколько столетий. И здесь нищета не рождает ничего или рождает мало, а только выбалтывает ту неодновременность, которая казалась давно скрытой или вчерашней, но через Вчера освежается в пляске святого Витта.

Более старые способы бытия подобным образом возвращаются в город, сюда же добавляются старый способ мышления и картины ненависти, например о еврейском ростовщике как типичном эксплуататоре. Подразумевается крах «процентного рабства», как будто хозяйство предвывает в периоде около 1500 года, надстройки, которые казались давно преобразованными,

---

² Тереза Нойманн (1898–1962) — германская крестьянка, ставшая культовой фигурой христианского мистицизма. — *Прим. пер.*

³ Just Milieu — что означает «средний путь» или «счастливая среда» — это термин, который использовался для описания центристских политических философий, которые пытаются найти баланс между крайностями, и художественных форм, которые пытаются найти золотую середину между традиционным и современным (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Juste_milieu). — *Прим. пер.*

вкатываются обратно и застывают в сегодняшнем дне, как средневековые картины города. Здесь — таверна «К нордической крови», там — крепость герцога Гитлера, там — Церковь Германского Рейха, земная церковь, в которой городской народ чувствует себя продуктом германской почвы и чувствует почву как святыню, как *Confessio*⁴ германских героев и германской истории.

Такого рода любовь к фатерлянду, пена и искаженный глаз — то, как в Германии мыслят Германию, — не просто замена потерянному сословному чувству. «Сила и Честь страны» — это не просто мечта (очень удобная для индустрии вооружений), вознаграждающая в коллективных чувствах фактическое бессилие и унижение отдельного мелкого буржуа. Это даже не трансфузия «избранного народа» в германский, полностью обожествленный. Скорее это очевидный эксцесс, напоминающий примитивно-атавистическое “*participation mystique*”⁵, привязанность примитивного к почве, содержащей духов своих предков. Больше, чем когда-либо, мелкие буржуа являются сочным удобрением для идеологии; но все же обнаруживается, что по сравнению с ними безудержная идеология сегодня имеет более длинные, старые корни.

К тому же крестьяне еще иногда верят в ведьм и заклинания, но уже давно не так часто и сильно, как значительный слой горожан в привидения евреев и в новый Бальдур⁶. Крестьяне еще читают иногда так называемые шестую и седьмую книги Моисея, бульварный справочник против болезней в хлеву, о силах и тайнах природы; однако половина среднего сословия верит в мудрецов Сиона, повсеместные еврейские знаки и символы масонов, в гальваническую силу немецкой крови и меридиана. Служащий показывает себя диким и воинственным, при этом хочет повиноваться, но только как солдат, борясь и веря... *Наслаждение* служащих не быть пролетариями поднимается до оргиастического желания подчинения, магического существования чиновником при каком-либо герцоге.

...Это означает: среднее сословие, в отличие от пролетариата, не принимает непосредственного участия в производстве, а входит в него только с промежуточными видами деятельности, настолько далекими от общественной причинности, что в них может образовываться без помех алогичное пространство, в котором оживотворяются желания и романтизмы, первобытные инстинкты и мистицизмы. Само непосредственное хозяйственное содержание фашизма является неодновременным или стало таким — с тех пор, как свобода торговли и ремесел идет на пользу только крупным предпринимателям и уничтожает мелких; парламентская демократия в таком

⁴ Признание (лат.). — *Прим. пер.*

⁵ Мистическое участие (фр.). — *Прим. пер.*

⁶ Бальдр (др.-исл. Baldr), или Бальдер (у Э. Блоха в тексте иное написание — «Бальдур») — в германо-скандинавской мифологии один из асов, бог весны и света. — *Прим. пер.*

случае — ненавидимый гарант свободной конкуренции и соответствующей ей политической формы.

Вместо этого сословное государство хочет низвести хозяйство снова на ступень докапиталистического малого предприятия; крупному капиталу оно себя рекомендует как инструмент против классовой борьбы, среднему классу — как спасение и актуально-романтическое выражение его неодновременности. Таким же образом государство *идеологически* не удерживает среднее сословие в «рационализации» и отторгает рацию тем раньше, чем больше это рацию проявляется в мире среднего сословия как враждебное, вдвойне враждебное. Еще точнее — как чисто позднекапиталистическая рационализация и точно так же, как позднекапиталистическое, понимаемое как «марксистско-еврейское» разложение ценностей, передаваемых традицией.

Сверхчеловек, белокурая бестия, биографический вопль-призывание великого человека, чутье на ведьмину кухню, на давно прошедшее время — все эти знаки бегства от релятивизма и нигилизма, из которых в салоне высшего слоя возникает просвещенная дискуссия, образуют в катастрофе среднего слоя настоящее политическое поле. Оно, как бы странно это ни звучало, всегда обжито только служащими, их дома — это дома семьи и «чистого» хозяйства довоенного⁷ времени или сословного государства; а пользу извлекает крупнокапиталистический высший слой, вынашивающий готические мечты против пролетарской действительности. Еще никогда темные места (*Dunkelheiten*) не должны были претерпевать столь оживленное общение с мещанами, столько коварства, подлости, упрямой провинциальности, столько Эдды⁸ на выжженных досках, столько гербовых девизов на саксонском.

И все же здесь, в ярости миллионов, в ставшем архаическим ландшафте вокруг них, есть поля другого Иррационального. Это живые и оживляемые неодновременности с подлинным содержанием, чьи проявления ведут за собой языческую дикость, природу Пана. Восстания старых слоев против цивилизации в такой демонической форме были известны на Востоке, прежде всего в магометанских странах. Их фанатизм появился сейчас и у нас, на пользу белогвардейцам, пока революция не овладеет и снова не окрестит живое Вчера. С упадком Гитлера неодновременное, возможно, будет проявляться слабее, но все же оно останется ядром и основой национал-социалистического, как и любого будущего, гетерогенного удивления. Национал-социализм рельефно показал Пролетаризированное в демоническом виде, комично-ужасающий образ которого не должен быть забыт и еще меньше понят как бесполезный.

---

⁷ Довоенное время — имеется в виду до Первой мировой войны 1914–1918 гг. — *Прим. пер.*

⁸ Эдда — собрание мифологических и героических песен на древнеисландском языке. — *Прим. пер.*

В. Неодновременность и одновременность, философски

Многие из этих людей входят в Теперь с отставанием. Они отстали от хода этого Теперь, потому что медленно шли... Поэтому не стоит видеть более древнее там, где есть просто отставшее. То, что плохо вписывается в Сегодня, но относится к нему.

Маленький человек потерял деньги и хочет их вернуть. На этом пути он может одичать и начать грезить. Духовно у него не все в порядке, но он находится в Теперь. Если его положение улучшится, то дикость и грезы прекратятся. Если же положение не улучшится, а Гитлер у власти однажды разочарует, тогда пролетарии, идущие за ним или пытавшиеся сделать это, отпрянут влево, где их ожидает мелкий буржуа, однако, по крайней мере, больше не будут верить в призраков. Поскольку многое является ложным неодновременным, мелкий буржуа вернется — скорее сегодня, чем завтра, — в свою каморку, в ярости и фразах у него «здравый» смысл... Он заполняет себя красивыми словами, громкой игрой, блестящей бессмыслицей и, вследствие этого опьянения, хочет снова стать домашним животным. Поэтому возникает движение, которое нельзя недооценивать... но о чем не стоит резко трубить повсюду.

Вера, послушание, борьба — это фашистские добродетели? Возможно, но послушание среди них — это лучшая добродетель для многих... Порядок и иерархия — это фашистский архитектурный стиль? Возможно. Но многие люди ищут в порядке свое спокойствие, а в иерархии в порядке — свое место. Да, национал-социалистическую агитацию небезосновательно назвали призывом к низменным инстинктам человека; никакое негативное замечание не может быть более современным... Маленький человек только не замечает, где он находится, хотя он полностью, пусть и одурманенный, находится в Теперь. Многие из окутывающих его туманов — неожиданных и особенных — не так стары.

Подлинно неодновременное отставание

Однако маленький заблуждающийся человек — это еще не всё. Нужда привносит, наряду с затхлым ранним утром, настоящее, с которым надо считаться. Сегодня есть галоши нужды, которые так же ведут в прошлые времена, как в сказках галоши счастья⁹. Если бы нужда задела только одновременных людей, их различные должности, происхождение и сознание, то она не могла бы заставить их маршировать в различных направлениях, особенно уводящих далеко назад. Они могли бы в немалой степени «понять» коммунистический язык, который полностью одновременен и точно ориентирован на самое

---

⁹ Блок использует традиционное, идущее от французского оригинала, выражение — «Galoschen». Русские переводчики сказки Г.-Х. Андерсена в XIX веке использовали другой вариант — «Калоши счастья». — *Прим. пер.*

передовое хозяйство. Одновременные люди не могли бы — несмотря на всё их срединное положение, делающее их экономически тупыми, несмотря на все существующие иллюзии, — так архаически дичать и романтизировать.

Ясно, что люди из среднего сословия иначе, чем пролетарии, отрицают свое превращение в товар, поскольку они только опосредованно находятся в производстве. Это происходит еще и потому, что до недавних пор служащий еще не был так нивелирован, еще не был так отчужден в своем труде, не был так неустойчив в своем положении; кроме того, в отличие от пролетариев, существовали небольшие индивидуальные возможности карьеры. Однако если сейчас, после упадка высокого уровня жизни и всех перспектив карьеры, массы служащих не сдвинутся к коммунистам или, по меньшей мере, к социал-демократам, тогда, наоборот, явно среагируют силы, которые скрывают превращение в товар не только субъективно-идеологически (что имело место у нерадикализованной середины вплоть до послевоенного времени), а реально, исходя именно из *реальной неодновременности*. Тогда действуют импульсы и резервы из докапиталистических времен и надстроек, подлинные неодновременности, освежающие сознание погибающего класса или позволяющие это освежение.

Всё же здесь не только крестьяне и маленькие люди, но и более представительные господа сохранились «нетронутыми», то есть по-старому. Дорога, которую капитал пробил через «органически» переданную (по традиции) землю, по крайней мере как германская дорога, показывает особенно много окольных путей и разломов. Уже во время войны выяснилось, что Германия — не только развитая капиталистическая страна, а класс юнкеров — не только бутафория. Это добавило к империалистической войне как «восстанию производительных сил против их национально-государственной формы эксплуатации» еще более древние причины и содержание. (Германская социал-демократия тогда распознала это, но не сделала революционных выводов в виде борьбы, в первую очередь, против отечественных юнкеров и доморощенного милитаризма. Ценность этого неодновременного познания не отменяет, однако, не сделанных из этого выводов.)

Вообще Германия, в которой до 1918 года не удавалась ни одна буржуазная революция, является, в отличие от Англии и даже Франции, классической страной неодновременности, то есть страной непреодоленных остатков старого экономического бытия и старого сознания. Земельная рента, крупная земельная собственность и ее власть в Англии или во Франции были сплошь включены в капиталистическое хозяйство и его политическую власть; в далеко отставшей и гораздо более разношерстной Германии победа буржуазии не оформилась в такой же степени экономически, не говоря уже о политике и идеологии. «Неравное отношение развития», которое Маркс во введении к «Критике политической экономии» приписывает материальному производству в отношении художественного, давно уже было в Германии только материальным и, таким

образом, препятствовало в хозяйственной иерархии сил формирующемуся влиянию капиталистического мышления, то есть одновременности. Во всяком случае, вместе с остальбским феодализмом держится целый музей германских взаимодействий, анахроническая надстройка, которая все равно господствует, являясь экономически устаревшей и требующей поддержки.

Мировая история не всегда была в Германии историей городов. Здесь не возникает вопрос о том, не обнаруживает ли издревле само прусское юнкерство достаточно искусственные, даже рационалистические черты (в отличие от подлинных бояр, укорененных в народе): прусская поддержка Священного Союза, если она была самой «современной», но в любом случае не самой слабой. Сегодня юнкерство наполовину полегло или ориентировано на национальную «Народную партию», даже на национальный «социализм». Однако марксистская революция, которая хочет «преобразовать старый мир его же собственными крупными средствами», наталкивается в капиталистической республике не только на крупный капитал, но и на новые реакции неодновременности; она наталкивается на «отполированное» противоречие этой неодновременности с капиталом, а заострённо — с марксизмом. <...>

Хозяйственный кризис, раскрепощающий беспорядок, происходит в стране с особенно большим количеством докапиталистического материала. Это большой вопрос, является ли Германия по своей еще не сформировавшейся силе более вулканической страной по сравнению с Францией. Однако у нее даже близко не выкристаллизовалось и не выровнялось капиталистическое рацио. Именно этот относительный хаос преподнес национал-социализму «Несвоевременное», Неодновременное, извлеченное из еще более глубокой отсталости, а именно из варварства. В Германии не нужен был бы Ницше, чтобы допустить антитезы: кровь против духа, дикость против морали, одурманенность против разума — вплоть до заговора против цивилизации...

Логическое свойство неодновременных противоречий

Нужде не хватает еды, а в средних слоях (Mitte) еще чего-то более высокого. В сегодняшней жизни они не могут уже найти того, чего давно хватились в своей заброшенности. Это привычное, в конце концов, «душевное», Недостажное противоречит Теперь (Jetzt) так же сильно, как и недостающая еда — и не только экономически. Каждое будоражащее противоречие, и даже его видимость, имеет две стороны: *внутреннюю*, которой, так сказать, что-то не подходит, и *внешнюю*, в которой что-то не так.

Обнищавшая Середина¹⁰, преимущественно не из сегодняшнего дня, противоречит Теперь, которое она отбрасывает всё дальше, внутренне глухо,

¹⁰ Здесь: средние слои. — Прим. пер.

а внешне — остатками, которые *чужды* этому Теперь. Противоречащее является здесь, внутренне или субъективно, глухим, но точно так же в самом времени, внешне или объективно, чуждым, оставшимся, короче говоря неодновременным Остатком. Как просто глухое нежелание Теперь, это Противоречащее *субъективно* неодновременно, а как существующий остаток прежних времен в сегодняшнем — *объективно* неодновременно.

Субъективно Неодновременное, после того как оно долго ожесточалось, проявляется сегодня как *застывшая* ярость. В спокойные времена эта ярость была Раздражающим или Наводящим на размышления немецкого мелкого буржуа, который, не поспевая, — с руганью — внутренне отдалялся от жизни. В сегодняшнее время, которое уже не знает никакой Середины, субъективно неодновременными, в самом мрачном смысле, но как дрова для ярости, являются положение средних слоев, а также прежние представления о долге и образовании.

Этому соответствует *объективно* Неодновременное, как продолжение действия старых отношений и форм производства, так же как и старых надстроек. *Объективно* Неодновременное является по отношению к современности далеким и чуждым, оно охватывает *погибающие Остатки*, как, прежде всего, *непереработанное прошлое*, которое капиталистически еще не «снято». Субъективно неодновременное противоречие активизирует это объективно неодновременное, так что оба эти противоречия сходятся вместе — мятежно перекошенное противоречие застывшей ярости и объективно чуждое противоречие сохранившихся бытия и сознания. Здесь элементы старого общества и его относительного порядка существуют в современном неупорядоченном обществе, а субъективно неодновременное противоречие поразительным образом оживляет эти элементы негативно и позитивно.

Дом, Почва, Народ — таковы объективно снятые противоречия перехода к капиталистическому Теперь, в котором они стремительно разрушаются и не замещаются. Они являются противоречиями перехода к капиталистическому Теперь и еще не отмершими элементами старого общества. Уже в своем происхождении они были противоречивы по отношению к прошедшим формам, в которых содержания Дома, Почвы, Народа никогда полностью не реализовывались. Таким образом, они являются противоречиями невыполненных интенций *ab ovo*, раскола с самим прошлым — но не как раскола одновременных противоречий в одном месте, а сквозь всю историю: так что скрытые противоречия, а именно еще не переработанные содержания интенций прошлого, сами восстают против истории.

Прошлое приукрашивается мелкими буржуа, оно противопоставляет этому Теперь свое Несбывшееся, смешанное с относительно лучшим прошлого. Так, застывшая ярость его неодновременного противоречия направлена не столько против плохого перехода, сколько против такого Теперь, в котором исчезает

последняя цель (Letzte). Однако никогда субъективно неодновременное противоречие не было бы таким острым, а объективно неодновременное таким явным, если бы не было объективно *одновременного* противоречия, созданного и растущего вместе с *сегодняшним капитализмом*. Анахронистское одичание в виде воспоминания высвобождается во времена кризиса и отвечает на объективно революционное противоречие этого кризиса субъективно и объективно реакционно, то есть неодновременно.

Неодновременное противоречие, даже высвобождающее объективно одновременные противоречия в результате растущего обнищания, распада, расчеловечивания в чреве позднего капитала, в качестве неодновременного является для капитала неопасным. Напротив, капитал нуждается в объективно противоположном как в отвлечении от своих строго современных противоречий. Он использует антагонизм еще живого прошлого как средство борьбы и разделения против диалектически рождающегося в капиталистических антагонизмах будущего. Через весь XIX век в мелкой буржуазии притуплялись интересы двух классов (Маркс). К этому притуплению сегодня добавляются гармоничные картины прошлого, которые пытаются самортизировать эксцессы капитализма. Эти картины наполняют нигилизм — это значительное одновременное противоречие позднего капитализма, эту идеологическую параллель к превращению в товар всех людей и вещей — смешанными образами, как фронтовой дух 1914 года, романтические теории государства и их феодальный капитализм, пруссачество и социализм или другие идеологии, в качестве поспешных разрешений общественных противоречий. Поэтому неодновременное противоречие является противоположностью побуждающего, взрывающего противоречия. Оно не связано с пролетариатом как сегодня исторически решающим классом, с полем борьбы пролетариата и крупного капитала как пространством сегодняшнего решения.

Если неодновременное противоречие высвобождается в радиусе действия капиталистических антагонизмов, то оно является почти случайной, ложной инаковостью (Anderheit). Так между неодновременным противоречием и капитализмом возникает разрыв, трещина, которая может утешать или заполняться туманом. Прежде всего, неодновременное противоречие — уходящих, непереработанных прошлых времен — не производит из своего большого количества переход в новое качество. Революционные узелки, которые противоречие сплетает, в конечном счете, в одном единственном пункте, скачкообразно побуждающем к революционному решению, возникают только при одновременных противоречиях, являющихся растущими детьми будущего или инаковости, но не при неодновременных, историческое величие которых и тем самым приключения их качества лежат далеко позади.

Даже возможное дозревание собственно непереработанного в этом прошлом не может возвыситься до такого качества, которого оно не знало бы

в своем прошлом. Здесь мог бы помочь союз, освобождающий из прошлого возможное *будущее* тем, что поместил бы их обоих в современность. В конце концов, в неравном противоречии содержится действительность, которая — как показывает ужасный пример, — нелегко сдвигается с места и включается в одновременное противоречие. В одной коммунистической резолюции о германском фашизме говорится, что он таит в себе как наступление правящих классов, так и элементы их разложения, короче, он отражает диалектическое противоречие позднего капиталистического развития и тем самым его собственный закат. Это совершенно правильно, но не исчерпывает неодновременного содержания, выражающегося в застывшей ярости и сохранившихся связях.

Рожденная именно сегодня нужда рабочих имеет гораздо более легкое средство, чтобы обороняться. Здесь есть только одно *одновременное противоречие*, оно в Сегодня полностью схватываемо... Его субъективное проявление, его субъективный фактор — это не застывшая ярость, а классово сознательный революционный пролетарий. Его объективное проявление, его объективный фактор — это не уходящий остаток или переработанное прошлое, а *задержанное (verhinderte) будущее*. А именно: бытие самих пролетариев, несоответствие капиталистически развязанных производительных сил капиталистическим производственным отношениям, кризис.

Рабочий, распознающий себя как товар, раскрывает тем самым неистово-жуткий товарный характер капиталистического общества, в качестве нового класса не обманывает себя прошлым, понимает, что образы «человека» или «жизни», которые он противопоставляет овеществлению, еще исторически не определены. Пролетарий как самоликвидация буржуазного общества, классового общества вообще, является — субъективно и объективно — телесным противоречием одновременного общества, а его революция, как продукт диалектического *познания* одновременных противоречий, не принимает во внимание образы, воспоминания, содержания прошлого. Она по-настоящему активизирует общество будущего, которым беременно сегодняшнее общество, переход к которому ищут современные анархии и нигилизмы. Однако это не мешает тому, что одновременное противоречие частично движимо тем же самым материалом, которого неодновременному тоже не хватает в Сегодня, что так неправильно искалось в прошлом.

Формы и содержания прошедшего не трогают классово сознательного рабочего совсем или только по отдельным родственным, революционным пунктам, хотя относительно живое и целое прежних отношений людей становится ясным. Эти отношения были более непосредственны, чем капиталистические, они вели как к людям, так и к окружающему миру, который они обрабатывали, они несли больше «материи», чем сегодня. Это Непосредственное в ранних формах было только по видимости ближе, только относительно лучше определено...

Однако это Относительное не только реакционно, чтобы считать Прошлое частью по-настоящему не отмершего по отношению к Современному. Оно дает — частично позитивно — часть такой материи, которая ищет жизнь, не разрушенную капиталом, ведомую пролетарски, но которую вообще возмущает отчуждение «человека» и разрыв «жизни». Мы называли неодновременную инаковость (*Anderheit*) неправильной, а ее бунт, как гораздо более древней материи, бунтом в новом окружении: однако в конечном счете оказывается, что как раз часть материи неодновременных противоречий уже давно дополняет материю одновременных противоречий.

Материя одновременных противоречий — это не только материя уже имеющихся развязанных производительных сил, но точно так же внешняя, «поэтому» побуждающая к перевороту *негативность* современного состояния: отчужденный человек или пролетарий, отчужденный труд или товарный фетишизм, неудержимость Ничто. Эти негативности содержат в себе свое диалектически позитивное, даже высшее позитивное, но содержащееся внутри одновременного противоречия и его материи только как мятежная нехватка (*Vermisung*), а именно нехватка целостного человека, неотчужденного труда, рая на земле. Короче, в мятеже пролетарской и овеществленной негативности содержится и материя такого противоречия, которая из совершенно не освобожденных «производительных сил» поднимает на борьбу интенции *всё еще неодновременного вида*.

Эта позитивность соприкасается, не только в глубочайшем смысле, с подрывающе-утопическим образом «человека», «жизни», еще не осуществившимся ни в каком времени и потому являющимся последним жалом революции, ярким блеском любой идеологии; она соприкасается, по ту сторону этой скрытой всеобщности, с такими позитивностями, о которых — как форме и содержанию более старой материи — уже очень рано начали вспоминать как о направленных против капитализма. Сюда относятся не только буржуазно-революционные позитивы, как аркадная «природа» Ж.-Ж. Руссо, но и позитивы прошлого, продолжающие действовать в капитализме, смешанные в духе реставрации, если не отречения от революции: средневековые романтики, новое рождение качественно-органически упорядоченного мира из пещеры «проблемы вещи-в-себе» и других обманливых образов, картины-загадки, сокровищницы еще не полностью переработанного прошлого.

Эти, как уже показано, не способные к перевороту моменты неодновременного противоречия всё же обладают, сентиментально или романтически, той целостностью и жизненностью, откуда коммунизм черпает настоящую материю против отчуждения, но откуда сегодня, наряду с коммунизмом, возникают, проникая друг в друга, одичание, привязанность к пространству, аркадно-дионисийская «природа». Это такое творение, которое никогда

не насытит, как менетекел¹¹ и свидетель существования таких сфер, которые делают обязательной для диалектики, связанной с капитализмом, *проблему* многослойной диалектики. Сам марксизм не столь радикален, как разрушительный капитализм; не вникая в абстрактный капиталистический расчет, он выступает не наполовину просветительским, а полностью прорывным и превосходящим, он направлен, менее всего аскетично, против претензий «природы», этого антиквариата неразрешенности. В процессе не было бы таких неудач, такой проблемы «наследия», если бы его последняя ступень была единственной, на которой должна была бы стоять диалектика и совершаться конкретная революция. Фундаментом неодновременного противоречия является неосуществленная сказка старого доброго времени, неразрешенный миф темного старого бытия или природы... Здесь частично присутствует не просто классово непрошедшее, а материально еще не совсем завершенное прошлое.

Проблема многослойной диалектики

Подвижное Теперь следует сделать более широким. Надо различать ложное и подлинное неодновременное противоречие, неодновременное и одновременное, а в обоих снова различать субъективный и объективный факторы противоречия. *Субъективно неодновременное противоречие есть застывшая ярость, объективно неодновременное — незаконченное прошлое; субъективно одновременное противоречие — свободное революционное деяние пролетариата, объективно одновременное — задержанное будущее, содержащееся в Теперь, задержанное техническое благодеяние, задержанное новое общество, которым беременно старое общество в своих производительных силах.*

Ключевым моментом объективно одновременного противоречия является конфликт между коллективным характером капиталистически развитых производительных сил и частным характером их присвоения. Возрастающее обобществление труда больше не уживается с частнокапиталистическими отношениями собственности, с буржуазной формой, благодаря которой промышленный труд так вырос. Таково объективно одновременное противоречие времени, или его четкое классовое противоречие: производительные силы и отношения собственности являются здесь двумя существенными частями одновременного единства. Только это четкое противоречие является революционно разрешающимся противоречием времени, но оно не единственное.

Другое противоречие — между капиталом и неодновременно обнищавшими классами — находится рядом с одновременным, пусть даже

---

¹¹ Мене, мене, текел, фарес (*ивр.*, здесь церковнославянский вариант) — слова, начертанные таинственной рукой на стене во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Кира. В буквальном смысле означает, что пир будет окончен. В переносном смысле — всё когда-то заканчивается. — *Прим. пер.*

расплывчато. Так оно производит в «аисторичном» классе мелкой буржуазии страх и застывшую ярость, а не собственное, современное, проработанное классовое сознание. Поэтому оно делает материал конфликта внешним и приглушенным, направленным против симптомов, а не против ядра угнетения; содержание конфликта является романтическим, так сказать «архаически» антикапиталистическим.

Следует видеть в противоречии возможную силу даже тогда, когда оно не выходит за пределы неодновременного разрыва. Оно остается приемлемым для Теперь капитала, пока отсутствует намерение или искушение Неодновременного маршировать в сегодняшнем поле. Необходимо выделить в неодновременном противоречии элементы, способные к отвращению и превращению, чуждые капитализму, то есть безродные в нем, и перемонтировать их в функцию другого отношения. В результате остается «тройственный союз» пролетариата — при его гегемонии — с обнищавшими крестьянами и средним сословием. По-настоящему одновременное противоречие обязано быть конкретным и тотальным, чтобы так же и по-настоящему неодновременное противоречие освободить от реакции и присоединить к тенденции.

Старые противоречия сами по себе не являются проблемой на пролетарской бытийной основе; революционная диалектика остается исключительно диалектикой установленных противоречий позднего капитала, а не высвобожденных мест разлома, в которых у Гитлера находятся рудники. Однако пролетарская гегемония — не размытая, не поврежденная — не будет достигнута, если она фундаментально не «овладеет» материалом подлинной неодновременности и ее гетерогенных противоречий. Изгоняя повсюду ложное сознание и беспредметную романтику, рассудок, не являющийся чисто абстрактным, в такой же степени забирает себе подрывные и утопические элементы, вытесненную материю этого еще не Прошедшего. По праву говорят, что к сущности фашистской идеологии относится включение болезненных состояний всех фаз культуры. Однако неверно говорить, что только болезненных, если бы здоровые состояния не были так же доступны для этой идеологии гниения. Подобное обобщающее суждение присоединяет полностью абстрактно-негативным способом к ленивому колдовству также и специфическую оппозицию неодновременности из-за ее мрачности. Так что в конечном эффекте фашизм укрепляется — а именно различие между неодновременным противоречием и его фашистским обманом отрицается и склеивается — на этот раз с вульгарно-марксистской стороны. Фашизм издавна использовал то, что шевелилось в крестьянско-мелкобуржуазной, неодновременной оппозиции.

Так возникает — с тем чтобы совладать с неодновременностью — проблема многослойной революционной диалектики, так как видно, что в капитализме и его диалектике целостность предыдущего развития еще не «снята». Мировая история, говорил буржуазный революционер Бёрне, это дом, где

больше лестниц, чем комнат; и сам Маркс, подчеркивая относительно Терпимое докапиталистического состояния, характеризовал греческое искусство и эпос «в определенном отношении как норму и недостижимый образец» (Введение «К критике политической экономии»): в нем это «общественное детство человечества» совсем не лишено привлекательности; во всяком случае капитализм — это не единственный дом истории, который следовало бы диалектически наследовать. Чистый историзм требует иметь в виду бесконечное многоголосие без господствующего голоса, чистый социологизм — применять ко всему прошлому типично идентичные, по крайней мере формально идентичные, «законы», или «гештальты». Марксизм, напротив, находит свою диалектику не в том, как она проявляется в капитализме, он варьирует ее конкретно по отдельным состояниям общества, он старается удержать — также и через прошлое, продолжающее действовать в капитализме, — ту *тотальность*, которая свойственна диалектической тенденции развития не на каждой ступени, а, скорее, на последней достигнутой ступени.

Многовременная и многопространственная диалектика, полиритмика и контрапункт такой диалектики являются инструментом достигнутой (*beherrschte*) последней ступени, или тотальности: не каждой просто само собой разумеющейся, а критической, не созерцательной, а зацепляющей практически. Эта *тотальность* должна быть критической, чтобы не загрузить изжившие себя (*abgestandene*) способы бытия вместе с двойным ложным — вследствие этой изжитости (*Abgestandenheit*) — сознанием. То, что еще не осуществила история в этом абсолютно прошлом, а именно — не сделала историческое воспоминание безнадежным, навечно погребенным, — доделывает материалистический анализ оставшегося ложного сознания посредством растворения его видимости, разоблачения его сегодняшних иллюзий.

Ради, возможно, подлинного Продолжающего действовать и не прошедшего в прошлом, ради подлинных туманностей (которые еще должны родить звезду), нельзя отягощать тотальность простыми видимостями тумана, давно устоявшимися созвездиями; пусть они выглядят так похожими на туманности, как старинные заклинания новой земли или Третьего Рейха, государства будущего.

Далее, тотальность должна быть *критической*, чтобы, исходя из справедливой противоположности по отношению к капиталистическому разрыванию всех жизненных связей, не впасть в ложное сходство с идеалистической «тотальностью», которая является тотальностью системы (прядением из одного-единственного идеалистического принципа и его непрерывной, панлогической связи), даже дериватом мифа (веры в великого, безраздельно властвующего Пана). Тотальность должна быть не только критической, но, прежде всего, *не-созерцательной*: только таким способом она добьется того, чтобы не дать Неставшему, Неисправленному застояться в прошлом; скрытое противоречие по отношению к истории,

ставшее открытым противоречием по отношению к современности, попадает гораздо сильнее в диалектико-практические шестерни.

Диалектическая тотальность Гегеля была простой тотальностью вспоминаемого знания и к тому же такой монадной, в которой «все участники упоены», в которой, однако, каждое явление могло найти успокоение, поскольку «оно было оснащено полным богатством духа»¹². У Гегеля последующая ступень была как интендированная высшая истина предыдущих, а тотальность становилась все точнее в последнем звене (Glied); да, у него основное противоречие было движущим во всех отдельных противоречиях, а также и в отдельных примирениях (Versöhnung), движущим к целостности всего дела; диалектика здесь является, не только как у Шеллинга, единством противоречий, но единством единства и противоречий. Но если серьезно относиться к гегелевской истине последней ступени, к «самости» (Selbst), которая «должна проникнуть и переварить все богатство своей субстанции», тогда проникновение может быть только не-созерцательным или таким, которое обладает богатством субстанции не в форме позолоченного прошлого, а в фактическом наследстве своего конца, содержащегося в Теперь. Короче говоря, тем, которое из незавершенного богатства прошлого, если оно еще не «снято» на последней ступени, приобретает *дополнительную революционную силу* (Gewalt). Так помогают непрощедшие, то есть не полностью осуществленные — и потому остающиеся подрывными и утопическими — содержания в отношениях человека к людям и к природе; эти содержания одновременно являются золотосодержащей россыпью в ходе прежних трудовых процессов и созданных ими надстроек.

Многоголосая диалектика собранных «противоречий» — сегодня гораздо больше, чем когда-либо, — имеет в капитализме немало вопросов и содержаний, которые еще «не преодолены в ходе экономического развития». Пролетарский голос одновременной диалектики остается ведущим только ограниченно, поскольку под и над этим *santus firmus*¹³ протекают неупорядоченные упущения (Ausgelassenheiten), которые только потому следует связать с *santus firmus*, что последний — в критической и несозерцательной тотальности — касается каждой из них. А многопространственная диалектика проявляется, прежде всего, в диалектизации еще «иррациональных» содержаний. Они являются, по их остающемуся критическим позитиву, «туманностями» неодновременных противоречий.

Перевод с немецкого С. Е. Вершинина

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

---

¹² В данном предложении Блох использует мотивы из введения к «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. — *Прим. пер.*

¹³ Ведущим голосом. — *Прим. пер.*

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.033

УДК 316.772.5 + 070.1:004.738.5 + 316.4 + 352(470)

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОСТЕЙ ЖИТЕЛЯМИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

А. Н. Новгородцева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Н. И. Сивкова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Медиапотребление глобального и федерального контентов в современной России на различных территориях имеет больше общего, но потребление местного контента значительно отличается в зависимости от территории. Малые города обладают уникальной инфраструктурой и уровнем доступа к разным медиаканалам. С одной стороны, наличие Интернета позволяет подключиться ко всем возможным СМИ, особенно в ситуации цифровизации ТВ, радио, газет и выхода в социальные сети. С другой стороны, очевиден разрыв, когда практически отсутствуют городские СМИ и информирование о местных новостях в большей степени связано с «сарафанным радио», а не с соответствующими типами СМИ городского значения (так, городские газеты могут выходить с периодичностью раз в неделю, в то время как о событиях в мире информация поступает ежедневно). Данная статья интересна анализом эмпирических данных — серии фокус-групп с жителями малых городов Свердловской области, возможности обратиться к высказываниям об уровне развития региональных СМИ.

Ключевые слова: медиапотребление, малые города, медиаканалы, региональные СМИ, медиаконтент.

Для цитирования: Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И. Медиапотребление новостей жителями малых городов России // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 3. С. 158–168. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.033

NEWS MEDIA CONSUMPTION BY RESIDENTS OF SMALL TOWNS OF RUSSIA

A. N. Novgorodtseva

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

N. I. Sivkova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Media consumption of global and federal content in modern Russia in different territories has more in common, but the consumption of local content differs significantly depending on the area. Small towns have a unique infrastructure and access to various media channels. On the one hand, the presence of the Internet allows you to connect to all possible media, especially in the situation of digitalization of TV, radio, newspapers, and access to social networks. On the other hand, there is virtually a lack of urban media outlets, and local news dissemination is more connected with word of mouth, and not with the corresponding types of media of urban significance (for example, city newspapers can be published once a week, while as information about events in the world is received daily). This article is interesting due to its analysis of empirical data — a series of focus groups with residents of small towns in the Sverdlovsk region, the opportunity to refer to statements about the level of development of regional media.

Keywords: media consumption, small towns, media channels, regional media, media content.

For citation: Novgorodtseva, A. N. and Sivkova, N. I. (2021), “News Media Consumption by Residents of Small Towns of Russia”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 158–168 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.033

Введение

Медиапотребление как тема исследования вызывает ряд затруднений как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Во-первых, это связано с выбором типа медиа — телевидения, газет, радио, цифровых медиа, в том числе социальных сетей. Во-вторых — с постоянным процессом модификации и цифровизации медиа — возможностью расширения интерактивности со стороны пользователей и создателей контента. В-третьих — с уровнем обсуждаемых тем — от глобальных и международных до локальных, внутрикорпоративных событий. В-четвертых — с пониманием масштаба аудитории, т. е. с учетом доступности и уровня развития медиа в мегаполисе, крупных, средних и малых городах России.

Современные исследователи подчеркивают одновременность использования людьми разных медиаканалов, устройств в повседневных практиках (стратегии сочетания зависят от доступа к СМИ или уровня доверия к определенным каналам), вызванную интересом к событиям в мире и стране, вниманием к резонансным сообщениям [Ильмухин 2015]. Также отмечается участие части аудитории в рассмотрении отдельных тем (например, интересы мамочек с грудными детьми отличаются от интересов школьников-выпускников, готовящихся к поступлению в вузы), что порождает выбор медиаканала, особенности поиска информации.

В нашем исследовании акцент делается на медиапотреблении в малых городах в связи с тем, что оно значительно отличается от такового в хорошо изученных мегаполисах. Многие малые города характеризуются низким уровнем развития промышленности, сферы услуг, наличием острых проблем с трудоустройством, маятниковой миграцией в близлежащие крупные города в поисках работы, отсутствием выбора учреждений образования, здравоохранения, мест досуга, медиаканалов при поиске местных новостей.

Методология и методы исследования

Методология медиаисследования заложена в работах российских социологов Т. М. Дридзе и Б. А. Грушина, анализирующих понятие «массовая информация», выделяющих проблемы анализа информации, имеющей публичный характер и затрагивающей интересы больших групп населения [Массовая информация 1980].

В связи с ростом значения СМИ в жизни современного общества не ослабевает интерес к изучению медиапотребления как особого процесса взаимодействия создателей определенного контента и аудитории, выражающей разные мнения по поводу его содержания, форм подачи [Как новые медиа изменили журналистику 2016; Комарова 2018; Колобова 2020]. Заслуживают внимания

исследования медиапотребления в российском обществе [Коломиец 2010; Дзялошинский 2014; Полуэхтова 2016].

Выделяются возрастные особенности субъектов медиапотребления [Зверева, Хворова 2020; Назаров, Иванов, Кублицкая 2020; Особенности медиапотребления 2019], стилевые характеристики медиаконтента [Троянская, Петрова 2013; Сивиркова 2016]. Наибольший интерес представляют исследования медиапотребления новостей различных СМИ [Дунас, Толоконникова, Черевко 2017]. В рамках этого направления выделяются работы, в которых изучаются предпочтения в медиапотреблении представителей поколений «X», «Y», «Z» [Черевко, Дунас, Толоконникова 2018].

Особый интерес вызывают труды ученых, исследующих различия электронных и печатных СМИ, социальных сетей [Turow, Couldry 2018; Goyanes, Demeter 2020; Bergström, Jervelycke Belfrage 2018], изучающих влияние СМИ на повседневную жизнь человека с учетом активного времени суток, возможностей информационной гигиены [Молодцова, Максимова, Сливина 2018; Sharakhina, Skvortsova 2019].

Эмпирическая база нашего исследования получена методом массового опроса и серии фокус-групп, проведенных в малых городах Свердловской области в 2019 году: Алапаевске, Артемовском, Богдановиче, Карпинске, Красноуфимске, Реже, Сысерти, Тавде. Учитывалось, что малым городом в России считается тот, численность которого не превышает 50 000 человек [Малые города 2021]. Респондентами являлись представители разных возрастных групп: молодежь, люди среднего и старшего возрастов. Выявлялись применяемые ими стратегии медиапотребления. Опрошено методом анкетирования 1 400 человек, приняли участие в фокус-группах — 37.

Как отмечают В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский, малые города России всё больше утрачивают свое значение как на уровне страны, так и на уровне региона из-за незначительного их вклада в ВВП страны [Маркин, Малышев, Землянский 2019]. Основные проблемы малых городов вызваны высоким уровнем износа основных инженерно-бытовых коммуникаций и сетей, дефицитом медицинского персонала, учителей, что негативно сказывается на качестве жизни населения. При этом постоянно подчеркивается важность сохранения малых городов как фактора обеспечения национальной безопасности страны.

Результаты и обсуждение

Результаты фокус-групп свидетельствуют о том, что жители малых городов обладают доступом к основным федеральным СМИ, что позволяет быть включенными в глобальную повестку и почувствовать развитие страны в целом. При этом существует конкуренция за внимание потребителей — работает

множество ТВ-каналов, газет, радиостанций. На уровне федеральных СМИ за внимание горожан борются в Свердловской области следующие ТВ-каналы, имеющие в том числе и цифровое присутствие: Россия-1, Россия 24, НТВ; на уровне областных СМИ — ОТВ, ТАУ (Шеремет). Из газет — «Комсомольская правда», «Аргументы и факты»; среди областных — «Областная газета», «Уральский рабочий». Онлайн-площадки более разнообразны — «Яндекс новости», «66.ru», «e1.ru». Респондент читает новости на том портале, на котором зарегистрирован почтовый ящик. Жители малых городов, как и мегаполисов, свободно выбирают контент — обращаются к более узкой или расширенной новости, могут найти дополнительные источники информации.

Исследование выявило проблемы низкого доступа к местным каналам и отсутствия внимания к событиям местного значения. Многие жители малых городов любят свой город; описывая его, используют прилагательные: уютный, тихий, спокойный. Это формирует иное восприятие событий местного значения. Так, появление по примеру мегаполисов торговых центров ведет не к развитию малого города, а наглядно показывает низкий уровень жизни населения. *«Торговые центры, которые начали строить, не могут открыть. На улице от вокзала по Советской построили 30-метровый ТЦ, но его так и не открыли, так как он нерентабелен»* (Реж, мужчина, 37 лет).

Отмечаются проблемы развития инфраструктуры, поиска работы (маятниковая миграция). *«Когда завод закрыли, стало чище дышать, но при этом люди потеряли работу. Часть мужского населения очень нагревает рынок труда близлежащих городов. Особенно Березовский, Екатеринбург, Артемовский. Там есть какие-то рабочие места, и они разъезжаются. До Березовского завод предоставляет автобус, а до Артемовского, Екатеринбурга люди должны добираться сами»* (Реж, мужчина, 28 лет).

Отмечается, что многие вынуждены уезжать в большие города региона. *«Теперь все люди действительно устраиваются через Тюмень, Екатеринбург. Чтобы ехать на работу, сутки надо или полсуток, а потом вернуться. Это все от дня отдыха»* (Тавда, женщина, 39 лет). Нехватка кадров в больницах заставляет ездить в другие территории для получения квалифицированной медицинской помощи: *«Я ездила в больницу в Арамиле»* (Сысерть, женщина, 45 лет).

В связи с этим одной из проблем жителей становится получение информации о том, когда и как будут решаться вопросы, связанные с получением услуг, которыми пользуются проживающие в больших городах граждане, с помощью средств региональной или центральной власти. Об этом местные СМИ редко сообщают, центральные и даже областные не говорят. Основным источником информации становятся местные СМИ, Интернет, «сарафанное радио». *«Потому что город маленький, всё заметно, все на виду»* (Тавда, женщина, 62 года).

Таблица 1. Местные СМИ малых городов, которыми пользуются респонденты
Table 1. Local media of small towns used by respondents

Малые города	Онлайн	ТВ	Газеты	Радио
Алапаевск	«Мой Алапаевск», «Алапаевск онлайн», «Вести Алапаевск», «Подслушано Алапаевск»	Алапаевское ТВ	«Алапаевская газета», «Алапаевская искра»	—
Артемовский	Газета «Егоршинские вести», сайт Артемовского городского округа «Altexmedia.ru», «Подслушано Артемовский»	Альтекс Медиа	«Егоршинские вести», «Все будет!», «Артемовский рабочий»	Альтекс Медиа
Богданович	«Типичный Богданович», «Богданович онлайн»	ТВ-Богданович	«Наш Богданович», «Знаменка», «Народное Слово»	Радио Клен
Карпинск	«Подслушано Карпинск», «Вечерний Карпинск», «Карпинск онлайн»	«Собеседник»	Карпинский рабочий», «Вечерний Карпинск»	Собеседник FM
Красноуфимск	«КСК66», «Подслушано Красноуфимск»	МАКС ТВ	«Вперед», «Городок»	Красноуфимск
Реж	«Новости Режа» «Подслушанный Реж», «Сплетни Режа»	Студия «Панорама», Режевские новости	«Режевская весть», «Новости Режа»	Радио ХЗ (хлебозавод)
Сысерть	«Подслушано Сысерть», «Сысертские вести», «Беседка Сысерть»	—	«Маяк», «Сысертская неделя», «Сысертские вести»	Радио Сейбл
Тавда	«Тавдинка РФ», «Тавда онлайн», «Подслушано Тавда»	Студия Тавда Видео	«Тавдинская правда», «Тавдинский край»	Вести Тавда

Местные СМИ представлены в ограниченном доступе по времени и длительности ТВ-вещания, частоты выхода газет (раз в неделю). Так, в г. Реж местное телевидение представлено «Студией Панорама. Режевские новости», но оно работает только один час в день (с 19.00 до 20.00) и включает не только формат новостей, но и рекламу, объявления и поздравления. На сайте муниципалитета в разделе сведений о СМИ представлена только газета «Режевская весть», хотя в рамках фокус-групп была названа и другая: «Новости Режа». «*Новости Режа*» беру раз в неделю, по пятницам она выходит, и всё, что за неделю, там

всё освещается. *“Режевскую весть”* два раза в неделю покупаем, как раньше не выписываем» (Реж, женщина, 59 лет). Жители Сысерти чаще всего получают новости в газетах *«Сысертская неделя»*, *«Сысертские вести»*.

В Карпинске активно смотрят местный ТВ-канал *«Собеседник»*, в котором отображаются события, происходящие в городе: *«Эфир прямой идет, рассказывают городские новости, говорят о решениях городской Думы»* (Карпинск, мужчина, 42 года). Отмечается возможность *«поздравить кого-то с днем рождения, хотя сейчас это реже делают. <...> Показывают мероприятия, проводимые во Дворце культуры. Это тоже интересно, кто-то, может, не успел, не сходил во Дворец культуры, все равно смотришь»* (Карпинск, женщина, 37 лет).

Также жители города читают местные газеты *«Карпинский рабочий»*, *«Вечерний Карпинск»*. Отмечается разная направленность публикуемой в них информации. *«“Карпинский рабочий” — они действуют в определенных рамках, им нельзя влево, вправо. Выражают позицию городской администрации»* (Карпинск, мужчина, 27 лет). Про *«Вечерний Карпинск»*: *«Она независимая»* (Карпинск, мужчина, 39 лет).

Жители Тавды отмечают при использовании местных СМИ проблемы технического характера: *«Чтобы новости посмотреть, нужно отцепить тарелку, прицепить антенну. Поэтому мы уже привыкли, так не делаем, а просто в Интернете заходим на Тавдинка.рф и там уже смотрим в “ВКонтакте” либо в “Одноклассниках” все новости»* (Тавда, мужчина, 25 лет).

Основным источником получения информации все чаще становятся социальные сети. Участники фокус-групп подчеркивают, что они позволяют получать оперативную информацию. При этом ее можно перепроверить, так как есть обратная связь и жители активно реагируют, обмениваясь фотографиями (например, того, как осуществляется ремонт дороги). *«Там комментарии можно почитать о том, как люди, которые с тобой рядом живут, относятся к той или иной проблеме»* (Тавда, мужчина, 28 лет).

Наиболее популярная социальная сеть у большинства респондентов — *«ВКонтакте»*, но очень часто тот же канал или сообщество представлено одновременно в разных социальных сетях — и в *«ВКонтакте»* и в *«Одноклассниках»*. Например, в Реже — *«Новости Режа»*, *«Подслушанный Реж»*, *«Сплетни Режа»*. В Сысерти также есть *«Подслушано Сысерть»*, *«Беседка Сысерть»*. *«Я подписана в группу “Подслушано Сысерть” в “Одноклассниках”, захожу каждый день, и, если новость какая-то есть, я читаю. А так еще у нас на работе создана группа, и туда люди сами скидывают разные новости»* (Сысерть, женщина, 35 лет). Аудитория *«Подслушано Карпинск»* исключительно молодежная, до 34 лет. В то время как аудитория *«Вечернего Карпинска»* и *«Карпинска онлайн»* включает не только молодежь, но и значительную часть людей среднего возраста.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили выявить особенности медиапотребления малых городов. Во-первых, малая представленность местных СМИ — основная информация поступает из телеканалов, газет, работающих на всю страну, регион. На уровне международных и глобальных новостных лент очевидна конкуренция за внимание жителей малых городов. Среди местных СМИ — ограничен выбор источников информации, существуют проблемы доступа к ней. Во-вторых, основными источниками новостей местного значения являются социальные сети и «сарафанное радио».

В связи с высоким уровнем маятниковой миграции — на работу, в больницу, на учебу, — медиапотребление не характеризуется наличием специально отведенного для этого времени в определенном пространстве. Чаще всего оно осуществляется в разные временные диапазоны (рабочее время, время учебы, отдыха) и в разных пространствах (дом, работа, транспорт).

В-третьих, выделились социально-демографические различия в медиапотреблении. Чем выше уровень образования человека, тем шире круг СМИ, которые он использует для получения новостей областного, федерального и международного значения. Существуют значительные различия в потреблении новостей среди разных возрастных групп: молодежь предпочитает интернет-СМИ (в частности, социальные сети); лица среднего возраста получают новости из разных источников информации: Интернета, телевидения, от друзей. Пожилые горожане больше ориентированы на местные газеты и телевидение.

Медиапотребление местных новостей в малых городах характеризуется ограниченностью выбора медиаканалов, восприятием определенного медиаконтента (подчеркивается, что телевидение и газеты часто носят прогосударственный характер, отсутствуют независимые СМИ на уровне местных каналов), которое обогащается открытым и публичным обсуждением всеми горожанами текущих новостей с помощью социальных сетей.

Список литературы

- Дзялошинский 2014 — Дзялошинский И. М. Медиапотребление как характеристика медиааудитории // Медиаобразование 2014. Региональный аспект : сборник тезисов и статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 7–9 октября 2014 г. / под ред. И. В. Жилавской, Е. А. Карягиной. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 38–47.
- Дунас, Толоконникова, Черевко 2017 — Дунас Д. В., Толоконникова А. В., Черевко Т. С. Актуальные концептуальные подходы к рассмотрению процесса медиапотребления онлайн-новостей молодежью // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2017. № 5. С. 30–50.
- Зверева, Хворова 2020 — Зверева Е. А., Хворова В. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 131–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140.

- Ильмухин 2015 — *Ильмухин В. Н.* Современные практики медиапотребления: методологический аспект изучения // Вестник Адигейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 132–138.
- Как новые медиа изменили журналистику 2016 — Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / под ред. С. Д. Балмаевой, М. М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 304 с.
- Колобова 2020 — *Колобова Е. Ю.* Трансформация медиапотребления в условиях цифровой реальности // Петербургский экономический журнал. 2020. № 4. С. 25–39. DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10035.
- Коломиец 2010 — *Коломиец В. П.* Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1 (309). С. 58–66.
- Комарова 2018 — *Комарова А. А.* Основные тенденции медиапотребления в России в условиях динамически меняющейся реальности // Вестник университета. 2018. № 5. С. 162–166. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166.
- Малые города 2021 — Малые города в России. Список малых городов за 2021 год [Электронный ресурс] // Города России : сайт. 2021. URL: <https://города-россия.рф/reutin-cities.php?name=малые> (дата обращения: 20.08.2021).
- Маркин, Малышев, Землянский 2019 — *Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю.* Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 46–55. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-46-55.
- Массовая информация 1980 — Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Ониква. М. : Политиздат, 1980. 446 с.
- Молодцова, Максимова, Сливина 2018 — *Молодцова И. А., Максимова Е. А., Сливина Л. П.* Информационная гигиена: общетеоретическая оценка проблем // НБИ технологии. 2018. Т. 12. № 2. С. 25–29. DOI: 10.15688/NBIT.jvolsu.2018.2.4.
- Назаров, Иванов, Кублицкая 2020 — *Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А.* Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 560–571. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571.
- Особенности медиапотребления 2019 — Особенности медиапотребления трех поколений жителей России [Электронный ресурс] // Adindex. 27.12.2019. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2019/12/27/278643.phtml> (дата обращения: 20.08.2021).
- Полуэхтова 2016 — *Полуэхтова И. А.* Исследования аудитории и медиапотребления в цифровой среде: методологические и практические проблемы [Электронный ресурс] // Mediascope. 2016. Вып. 4. URL: www.mediascope.ru/2199 (дата обращения: 20.08.2021).
- Сивиркова 2016 — *Сивиркова Н. В.* Особенности стиля медиапотребления в раннем и позднем юношеском возрасте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 140–145.
- Троянская, Петрова 2013 — *Троянская С. Л., Петрова М. А.* Проблемы формирования культуры и стиля медиапотребления у студентов в процессе обучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 205–209.
- Черевко, Дунас, Толоконникова 2018 — *Черевко Т. С., Дунас Д. В., Толоконникова А. В.* Новости в условиях интернетизации: анализ новостного потребления студентов // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2018. № 1. С. 3–25.
- Bergström, Jervelycke Belfrage 2018 — *Bergström A., Jervelycke Belfrage M.* News in Social Media: Incidental consumption and the role of opinion leaders // Digital Journalism. 2018. Vol. 6 (5). P. 1–16. DOI: 10.1080/21670811.2018.1423625.
- Goyanes, Demeter 2020 — *Goyanes M., Demeter M.* Beyond positive or negative: Understanding the phenomenology, typologies and impact of incidental news exposure on citizens' daily lives // New Media & Society. 2020. P. 1–18. DOI: 10.1177/1461444820967679.

- Sharakhina, Skvortsova 2019 — *Sharakhina L. V., Skvortsova V.* Big Data, Smart Data in Effective Communication Strategies Development // Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS) (St. Petersburg, 10 April 2019). Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2019. P. 7–10. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709651.
- Turow, Couldry 2018 — *Turow J., Couldry N.* Media as Data Extraction: Towards a New Map of a Transformed Communications Field // *Journal of Communication*. 2018. Vol. 68 (2). P. 415–423. DOI: 10.1093/joc/jqx011.

References

- Balmayeva, S. D. and Lukina, M. M. (eds) (2016), *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How New Media Changed Journalism. 2012–2016], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, 304 p. (in Russian).
- Bergström, A. and Jervelycke Belfrage, M. (2018), “News in Social Media: Incidental consumption and the role of opinion leaders”, *Digital Journalism*, vol. 6 (5), pp. 1–16. DOI: 10.1080/21670811.2018.1423625.
- Cherevko, T. S., Dunas, D. V. and Tolokonnikova, A. V. (2018), “News in the networked era: an analysis of students’ news consumption”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*, no. 1, pp. 3–25 (in Russian).
- Dunas, D. V., Tolokonnikova, A. V. and Cherevko, T. S. (2017), “Current conceptual approaches to the process of young people’s media consumption of online news”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*, no. 5, pp. 30–50 (in Russian).
- Dzyaloshinskii, I. M. (2014), “Media consumption as media audience characteristic”, in Zhilavskaya, I. V. and Karyagina, E. A. (eds), *Mediaobrazovanie 2014. Regional’nyi aspekt, sbornik tezisev i statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 7–9 oktyabrya 2014 goda* [Media education 2014. Regional aspect, collection of abstracts and articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, October 7–9, 2014], Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, pp. 38–47 (in Russian).
- “Features of media consumption of three generations of residents of Russia” (2019), *Adindex*, 27 December, available at: <https://adindex.ru/news/researches/2019/12/27/278643.phtml> (accessed 20 August 2021) (in Russian).
- Goyanes, M. and Demeter, M. (2020), “Beyond positive or negative: Understanding the phenomenology, typologies and impact of incidental news exposure on citizens’ daily lives”, *New Media & Society*, pp. 1–18. DOI: 10.1177/1461444820967679.
- Grushin, B. A. and Onikov, L. A. (eds) (1980), *Massovaya informatsiya v sovetskom promyshlennom gorode: Opyt kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [Mass information in a Soviet industrial city: The experience of a comprehensive sociological study], Politizdat, Moscow, 446 p. (in Russian).
- Il’ mukhin, V. N. (2015), “Modern practices of media consumption: the methodological aspect of the study”, *The Bulletin of Adyge State University. Series 1, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology*, no. 2 (158), pp. 132–138 (in Russian).
- Kolobova, E. Yu. (2020), “Transformation of media consumption in digital reality”, *Saint-Petersburg Economic Journal*, no. 4, pp. 25–39 (in Russian). DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10035.
- Kolomiets, V. P. (2010), “Media milieu and media consumption in Russian society today”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 58–66 (in Russian).
- Komarova, A. A. (2018), “Main trends of media consumption in Russia in the conditions of dynamically changing reality”, *Vestnik universiteta*, vol. 5, pp. 162–166 (in Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166.
- Markin, V. V., Malyshev, M. L. and Zemlyanskii, D. Yu. (2019), “Small cities of Russia: an integrative monitoring of development. Part 1”, *Monitoring of Law Enforcement*, no. 4 (33), pp. 46–55 (in Russian). DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-46-55.

- Molodtsova, I. A., Maksimova, E. A. and Slivina, L. P. (2018), "Information hygiene: general theoretical assessment of the problem", *NBI technologies*, vol. 12, no. 2, pp. 25–29 (in Russian). DOI: 10.15688/NBIT.jvolsu.2018.2.4.
- Nazarov, M. M., Ivanov, V. N. and Kublitskaya, E. A. (2020), "Media consumption of different cohorts: TV and Internet", *RUDN Journal of sociology*, vol. 20, no. 3, pp. 560–571 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571.
- Poluekhova, I. A. (2016), "The Studies of Audience and Media Consumption in the Digital Environment: Methodological and Practical Problems", *Mediascope*, no. 4, available at: <http://www.mediascope.ru/2199> (accessed 20 August 2021) (in Russian).
- Sharakhina, L. V. and Skvortsova, V. (2019), "Big Data, Smart Data in Effective Communication Strategies Development", in *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS) (Saint Petersburg, Russia, 10 April 2019)*, Institute of Electrical and Electronics Engineers, pp. 7–10. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709651.
- Sivirkova, N. V. (2016), "Features of media consumption style in early and late youth", *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 3, pp. 140–145 (in Russian).
- "Small towns in Russia. List of small towns for 2021" (2021), *Goroda Rossii*, available at: <https://города-россия.рф/reytin-cities.php?name=малые> (accessed 20 August 2021).
- Troyanskaya, S. L. and Petrova, M. A. (2013), "Problems of forming culture and style consumption of media the students in the educational process", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 22 (313), pp. 205–209 (in Russian).
- Turow, J. and Couldry, N. (2018), "Media as Data Extraction: Towards a New Map of a Transformed Communications Field", *Journal of Communication*, no. 68 (2), pp. 415–423. DOI: 10.1093/joc/jqx011.
- Zvereva, E. A. and Khvorova, V. A. (2020), "Generations U and Z: features media consumption", *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, vol. 19, no. 6, pp. 131–140 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Информация об авторах

Новгородцева Анастасия Николаевна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: novgorodtseva_anastasia@yahoo.com
Авторский ORCID: 0000-0001-7042-3867

Information about the authors

Novgorodtseva, Anastasia Nikolaevna
Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: novgorodtseva_anastasia@yahoo.com
Author's ORCID: 0000-0001-7042-3867

Сивкова Надежда Ивановна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6331-0124

Sivkova, Nadezhda Ivanovna
Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-6331-0124

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.034
УДК 342.843(470.54) + 316.334.3:324

СИСТЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н. И. Сивкова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В данной статье электоральное поведение анализируется как одна из форм участия граждан в политической жизни общества в связи с необходимостью выбора конкретных органов власти. Анализ электорального поведения проводился в рамках системы детерминации человеческой деятельности. Система детерминации понимается как совокупность факторов, постоянно действующих на индивида или группу и имеющих логику своего развертывания во времени и пространстве. Данный подход к изучению электорального поведения позволяет рассмотреть взаимосвязь между внешними (экономическими, политическими, культурными и т. д.) и внутренними (целями, ценностными ориентациями и установками, которые реализуются в процессе электорального выбора) факторами. Показано, что поведение населения во время избирательной кампании детерминировано преимущественно внешними факторами, так как носит вынужденный характер и формируется преимущественно под воздействием манипулятивных технологий, а не является следствием мотивированного выбора претендентов на законодательную власть. Тем более что у исполнительной власти существенно снизился интерес в активном участии граждан в выборах как местного, так и федерального уровня в связи с отменой порога явки, графы «против всех», а также совокупностью факторов социально-экономического характера. У избирателей не формируется потребность, побуждающая к более активному участию в выборах. Значительная часть избирателей руководствуется внешней необходимостью, заключающейся в том, что надо прийти на избирательный участок и за кого-то отдать свой голос. При этом не обязательно иметь полную информацию о программах кандидатов, опыте их работы, наличии знаний, нужных для квалифицированной работы по принятию законов, обеспечивающих ускорение темпов разрешения актуальных проблем повышения материального уровня жизни населения, развития духовной культуры.

Ключевые слова: выборы, политика, электоральное поведение, голосование, детерминация, внешние и внутренние факторы, избиратели, Свердловская область.

Благодарности: Выражаем благодарность А. В. Меренкову, научное руководство которого позволяет исследовать самые актуальные проблемы современной жизни.

Для цитирования: Сивкова Н. И. Система детерминации электорального поведения // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 169–181. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.034

SYSTEM OF DETERMINATION OF ELECTORAL BEHAVIOUR

N. I. Sivkova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article considers electoral behaviour as one of the forms of participation of citizens in political life in connection with the need to choose specific authorities of different levels. The analysis of electoral behaviour was carried out within the framework of the system of determination of human activity. The author sees the determination system as a set of factors that constantly act on an individual or group and have the logic of their deployment in time and space. This approach to the study of electoral behaviour allows us to consider the relationship between external factors (economic, political, cultural, etcetera) and internal (goals, value orientations and attitudes implemented in electoral selection). The paper shows that the population behaviour during the election company is determined mainly by external factors since it is forced in nature and is formed mainly under the influence of manipulative technologies and is not the result of a motivated choice of applicants for legislative power. In addition, the executive power has significantly decreased interest in the active participation of citizens in elections at both local and federal levels in connection with the abolition of the turnout threshold, the “against all” column, as well as a combination of socio-economic factors. There is no need for voters to participate more actively in elections. What guides a significant part of voters is the necessity to come to the polling station and cast their vote for someone. At the same time, it is not necessary to have complete information about the programs of candidates, the experience of their work, the availability of knowledge necessary for qualified work on the adoption of laws that ensure an acceleration of the pace of resolving current problems of improving the material standard of living of the population, and the development of spiritual culture.

Keywords: elections, politics, electoral behaviour, determination, external and internal factors, voters, elections, Sverdlovsk regions.

Acknowledgments: We express our gratitude to A. V. Merenkov, whose scientific leadership makes it possible to address the most complex topics of modern life.

For citation: Sivkova, N. I. (2021), "System of Determination of Electoral Behaviour", *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 169–181 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.034

Введение

На электоральное поведение влияет совокупность объективных и субъективных факторов социально-экономического, политического и психологического характера, определяющих, в конечном счете, позицию различных категорий избирателей. Важнейшей особенностью современных выборов является то, что они проходят в достаточно сложной, беспокойной ситуации. В экономической сфере отмечается замедление темпов экономического роста. По мнению экспертов РБК, за 2020 г. «падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет... торможение экономики в прошлом году стало максимальным за 11 лет: сильнее ВВП падал только по итогам 2009 года — на 7,8 %, следует из данных Росстата» [Старостина 2021]. Рост цен, безработица, низкие зарплаты, пенсии ведут к постепенному падению уровня жизни значительной части населения страны. В психологическом плане это создает у избирателя ощущение нестабильности и вынуждает к поиску тех партий, людей, которые на деле, а не на словах будут способствовать улучшению жизни больших групп населения. Господствующей установкой, определяющей поведение избирателей, становится желание обновить состав тех, кто находится в органах законодательной и исполнительной власти.

2021 год стал важнейшим с точки зрения политической жизни не только России, но и многих регионов. Прошли выборы как депутатов Государственной Думы РФ, так и региональных парламентов. При этом избиратели отдают приоритет выборам в законодательный орган страны, так как он принимает законы, влияющие на жизнедеятельность каждого гражданина России, независимо от места жительства.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования является система детерминации человеческой деятельности, позволяющей рассмотреть взаимосвязь между внешними факторами, связанными с социально-политическим, социально-экономическим положением страны, и внутренними факторами, определяемыми целями, ценностными ориентациями граждан, влияющими на их электоральный выбор. При анализе этих факторов мы опираемся на теорию детерминации человеческого поведения, которая представлена в работах А. В. Меренкова [Меренков 2003; Меренков 2007]. Возможность ее использования была проверена в прошлом [Меренков, Сивкова, Солодянкина 2005].

В статье в очередной раз подтверждается применимость ее основных положений для понимания особенностей современного электорального поведения населения.

Система детерминации представляет собой совокупность взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, определяющих поведение человека в конкретной жизненной ситуации. Они могут иметь природную или социальную основу и разворачиваться в определенной последовательности в пространстве и времени. Исходя из этого, важно определить, какие явления, процессы, происходящие в России, ее отдельных регионах, влияют на выбор избирателями людей, которым доверяют управлять страной, конкретной территорией.

Основными элементами системы детерминации является внешняя и внутренняя необходимость, определяющая становление *общей потребности*, которая отражается в сознании в виде *цели*. Общая потребность реализуется через *интерес*, формирующий систему ценностных ориентаций, диктующих выбор поведения в конкретной жизненной ситуации [Меренков 2003].

Эмпирической базой нашего исследования являются результаты опросов разных социальных групп, посвященных изучению особенностей электорального поведения населения Свердловской области, г. Екатеринбурга, проведенных в 2021 году. Было опрошено 1 200 человек с применением квотной выборки, репрезентативно отражающей особенности электората. Для сравнения использовались результаты исследований 2006 и 2004 гг., проведенные сотрудниками кафедры политических наук УрГУ на базе УРЦСТ Фонд «Эксперт» на территории Екатеринбурга и Свердловской области.

Результаты и обсуждение

Электоральное поведение активно изучается представителями разных наук. Это свидетельствует о неослабевающем интересе к изучению этого социального явления. Причина в том, что выборы обеспечивают воспроизводство и развитие институтов власти в условиях демократии и каждые несколько лет граждане сталкиваются с необходимостью их обновления. Меняется социально-экономическая, политическая ситуация, появляются новые лидеры, партии и движения, влияющие на электоральное поведение людей. Электоральное поведение определяется тем, насколько избиратели доверяют тем или иным партиям, отдельным лицам выражать и представлять свои интересы в конкретном органе законодательной или исполнительной власти. Возникает потребность в изучении факторов, определяющих выбор партий, кандидатов в депутаты участвующими в избирательной кампании людьми.

В социальных науках существуют три основных подхода к изучению электорального поведения: теория рационального выбора (рационально-инструментальный), социологический и социально-психологический [Голосов

1997; Швецов 2015; Швери 1995]. Одни исследования направлены на изучение возможности применения этих подходов для анализа электорального поведения жителей России, другие же показывают их ограниченность при анализе поведения российского избирателя [Мелешкина 2001; Шевченко 2000; Страхов 2000; Орлов, Шуметов 2001; Никитина, Терентьева 2018; Ионова 2011].

В исследованиях, раскрывающих детерминанты электорального поведения, отмечается, что оно «определяется комплексом объективных и субъективных факторов социально-политической, социально-экономической, социокультурной и социально-психологической природы» [Ворошилова, Зуева 2019]. Анализ основных этапов детерминации электорального поведения избирателей представлен в работах авторского коллектива под руководством И. В. Грошева. Показано, что «электоральные предпочтения включают в себя ту часть субъективного опыта, личностных конструктов, потребностей, политических установок избирателей, которые, с одной стороны, играют роль фильтра входящей информации, с другой стороны, определяют привлекательность или непривлекательность различных потенциальных характеристик кандидата» [Особенности влияния 2019].

Анализируя электоральное поведение, необходимо говорить о двух системах его детерминации. Первая связана с выработкой установки на участие в выборах и ее реализацией при посещении избирательного участка. Вторая определяется готовностью голосовать за конкретную партию, кандидата. «Запускает» их формирование внешняя и внутренняя необходимость, являющиеся исходным элементом системы детерминации действий избирателя. Внешней необходимостью является система политического, экономического устройства, дающая гражданам возможность выразить свою позицию при определении будущих субъектов законодательной власти.

Ведущая роль внешней необходимости в электоральном поведении определяется, во-первых, самим наличием политической власти и необходимостью ее регулярного обновления посредством института выборов. Политико-административное устройство России институционально закрепляет выборность власти в России. Для того чтобы в России (как в других странах) функционировала политическая власть, она должна быть легитимирована в процессе демократических выборов. Необходимость выбора конкретного уровня власти требует от гражданина стать участником избирательного процесса.

Во-вторых, ведущая роль внешней необходимости определяется тем, что нередко имеющие власть субъекты рассматривают свое господствующее положение как «вечное» и стараются его сохранить разными способами. В частности, для этого используется так называемый «административный ресурс». Данный термин применяется для обозначения поддержки органами публичной власти и их должностными лицами «правильных» партий, лиц с целью получения желаемого результата [Нисневич 2010]. Использование такой возможности

давления на избирателя рассматривается в работах ряда исследователей [Вагин 2010; Ващенко 2019; Воронцова, Звоновский 2003; Нисневич 2013]. Применяются и другие способы воздействовать на избирательный процесс, в частности «возможность перенесения выборов и снятия значимого конкурента, давление на активность избирателей и завышение явки» [Нуреев 2013].

В-третьих, ведущая роль внешней необходимости определяется тем, что избирательная кампания всегда предлагает борьбу за власть между теми, кто ею обладает, и желающими занять их место. И те и другие используют разные технологии информационного воздействия на избирателя для привлечения его на свою сторону. Средства массовой информации становятся одним из инструментов выработки у потенциального избирателя внутренней необходимости участвовать в выборах [Анохина 2000, с. 19; Паликова 2011]. СМИ формируют у избирателей ту систему ценностных ориентации и установок, которые в значительной степени предопределяют его выбор в пользу того или иного кандидата.

В условиях современного развития информационно-коммуникативных технологий усиливается воздействие на избирателей социальных сетей [Пырма 2020; Шарапов 2017]. Они становятся пространством применения разнообразных манипулятивных технологий, задающих направленность электоральному поведению: форумов, блогов, интернет-мемов, хэштегов, «умной ленты» и т. д. [Труханов, Васильченко 2018].

В-четвертых, влияние внешней необходимости проявляется в зависимости от материального положения избирателей, от того, какие законы будут разрабатываться и приниматься для его повышения. Уровень доходов населения является фактором, в значительной степени определяющим выбор людьми той или иной партии, кандидата. Основным требованием к новым депутатам является принятие законов, реализация которых приведет к ускорению темпов промышленного, научно-технического развития России, каждого региона страны.

Конечно, человек может не реагировать на эти формы побуждения принять участие в выборах и не явиться на избирательный участок. Однако в этом случае создается ситуация, когда те, кто придет голосовать, выберут людей, разрабатывающих законы, противоречащие интересам отказавшихся от посещения избирательного участка. Эта зависимость жизни отдельных граждан от воли тех, кто избирает законодателей, выступает внешней необходимостью, формирующей внутреннюю необходимость принять участие в выборах.

Она проявляется в виде потребности, которая побуждает человека высказать свою волю при голосовании за того или иного кандидата. Формируется цель обязательного посещения избирательного участка, фиксации в бюллетене мнения о людях, которым гражданин доверяет принимать законы. В этом случае личность становится активным участником политической жизни страны, своего региона, а не субъектом манипулятивного воздействия. Однако, как

показывает практика, многие избиратели реализуют лишь внешнюю необходимость, заключающуюся в праве участвовать в выборах, не имея осознанной потребности своей активностью повлиять на распределение голосов за кандидатов, готовых активно добиваться реализации интересов конкретных групп населения. Одной из причин такого положения является нынешняя система организации выборов.

После того как в России в 2006 г. был отменен порог явки на выборы, у субъектов исполнительной и законодательной власти снизился интерес побуждать граждан принять активное участие в них. Явка на них лишь указывает на то, что люди сохраняют надежду на появление в органах законодательной власти депутатов, которые на деле, а не на словах будут решать актуальные проблемы политического, экономического, культурного развития страны.

Отмена порога явки избирателей в то время была вызвана поиском способов борьбы с так называемым «черным пиаром», направленным на дискретизацию партий, кандидатов, самих выборов и, как следствие, срыв выборов, признание их несостоявшимися [Руженцева 2004]. Подобные факты имели место. Например, «на выборах в Госдуму 7 декабря 2003 года в трех одномандатных округах победил кандидат “против всех”. В Верх-Исетском округе № 162 Свердловской области 23 % избирателей проголосовали против всех, в то время как за лидирующего кандидата — только 21,6 %» [Дорохина 2013].

Как считает политолог О. А. Матвейчев, возвращение графы «против всех» может вновь стать способом усиления манипулирования избирателями: «Люди голосуют против всех, когда выборы являются грязными... Если я вижу, что кандидат побеждает, а мой, например, проигрывает... Мне легче сделать так, чтобы было “против всех” и выборы не состоялись. Тогда можно просто завалить округ грязью...» [ОТР 2013].

Проведенные нами в 2004 году исследования показывали, что отказавшиеся идти на выборы люди объясняли свое решение огромным потоком негативной информации о кандидатах. Любой из них имел те или иные недостатки, затрудняя принятие избирателем обоснованного решения. В современных условиях неконтролируемых возможностей воздействия на массовое сознание возвращение этой графы представляется нецелесообразным.

Многолетние исследования показывают, что в общественном мнении существует разное представление о тех выборах, в которых следует принимать участие. Их ценность связана, в первую очередь, со значимостью власти того или иного уровня, с отношением населения к людям, которые выбираются, а также с возможностями агитационного воздействия на избирателя. Иерархия ценности выборов в конкретный орган власти проявляется в уровне явки граждан. Так, в Свердловской области принимали участие в выборах Президента и Государственной Думы РФ в начале двухтысячных годов около 50–60 % имеющих право голоса, а в Городскую Думу — около 20 %.

В 2012 году у нас был введен единый день голосования, позволяющий одновременно проводить выборы разного уровня, что позволяет решать проблему явки, особенно когда совмещаются выборы в федеральные и местные органы власти. Избиратели ставят на первое место по важности выборы Президента РФ. Жизненный опыт убедил население в том, что персонально от деятельности и взглядов первого лица страны во многом зависит ее будущее, проводимая внешняя и внутренняя политика.

Следующими по значимости являются выборы депутатов Государственной Думы РФ. Высокая электоральная активность определяется надеждой на то, что принятые ею законы будут способствовать развитию страны на длительный период времени. Следует особо отметить, что выборы Президента и депутатов Государственной Думы РФ сопровождаются активизацией средств массовой информации, используемых разными партиями для пропаганды своих идей. Менее значимыми для избирателя являются выборы в органы власти области, города, района, так как заседающие в них люди, по мнению населения, проводят ту политику, которая диктуется федеральной властью.

Потребность участвовать в выборах, возникающая под влиянием внутренней необходимости, ведет к осознанному поиску избирателем информации о кандидатах в депутаты, обоснованию выбора той партии, человека, за которых будет отдан голос. Анализируются программы претендующих на занятие законодательной деятельностью, выявляются их политические позиции, моральные качества. В процессе опросов избирателей мы часто сталкивались с тем, что респондент не может объяснить свой выбор, используя абстрактные фразы «нравится, доверяю» и т. д.

Опрос 2021 года показал, что для 54 % респондентов основным мотивом участия в выборах является лишь выполнение «гражданского долга». Он побуждает подчиниться действующим нормам организации общественной жизни людей, продемонстрировать свою готовность показать заинтересованность в развитии страны на ближайшие пять лет. У значительной части населения сформировано представление о том, что надо выполнить определенную обязанность перед обществом, независимо от того, насколько обоснован выбор, который сделает избиратель. Это признали 46 % опрошенных. Конечно, возможно и осознанное принятие должного, когда человек, ознакомившись с программами кандидатов в депутаты, выбирает тех, кто наиболее полно выразит его интересы, занимаясь законодательной деятельностью.

Пока, как показал опрос, только треть респондентов указали, что они хотят поддержать конкретную политическую партию, так как разделяют ее цели, задачи. Для каждого пятого опрошенного мотивом участия в выборах выступает чувство внутренней ответственности. Она предполагает более высокий уровень осмысленности человеком своего выбора, готовность участвовать в реализации решений той партий, за которую он голосовал.

Данные исследований показывают, что пока только у части избирателей сформировалась внутренняя потребность активно включиться в выборную кампанию, выражая свое мнение о кандидатах в депутаты. Такое положение, на наш взгляд, является следствием отсутствия целостной системы формирования политической культуры у разных групп населения. Она требует изучения политического устройства общества, ближайших и конечных целей борьбы за власть тех или иных социальных групп, возможных способов манипулирования общественным мнением во время избирательной кампании. Политическая культура включает в качестве ведущего элемента систему политических ценностей, которыми руководствуется личность при определении той партии, кандидатов в депутаты, за которых будет отдан голос.

На основе знаний об особенностях политического устройства современного общества, понимания сущности власти, возможностей принимающих законы людей влиять на решение актуальных проблем экономического и культурного развития страны, у избирателя возникает установка на участие в выборах, подразумевающее указание в бюллетене тех людей, чьи политические взгляды совпадают с его собственными. Реализуется конкретная потребность в проявлении политической активности, направленной на сохранение власти у победивших на прошлых выборах или получение ею теми, кто предлагает более эффективные способы развития всех сфер общественной жизни, улучшения материального положения широких масс населения.

Заключение

Несмотря на проведение многочисленных социологических исследований электорального поведения — а количество публикаций на эту тему постоянно растет, — пока не выстроена целостная теория, раскрывающая детерминацию выбора избирателями определенных партий, кандидатов в депутаты. Трудности связаны как с разнообразием методологических подходов, используемых при изучении электорального поведения, так и с тем, что в настоящее время жизнь меняется быстро, появляются новые внешние и внутренние факторы, влияющие на него. Ясное понимание содержания внешней и внутренней необходимости, потребностей, интересов, целей, мотивов, определяющих решение избирателей, позволит партиям, кандидатам в законодательные органы страны, региона максимально учитывать мнения людей как во время избирательной кампании, так и при разработке новых законов, определяющих развитие России.

Список литературы

Анохина 2000 — Анохина Н. В. Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Вестник Самарского гос. ун-та. 2000. № 1 (15). С. 33–40.

- Вагин 2010 — *Вагин А. Ю.* Злоупотребление административным ресурсом в избирательном процессе в современной России // *Власть*. 2010. № 4. С. 136–137.
- Вашенко 2019 — *Ващенко Г. Б.* Формы противодействия злоупотреблению административным ресурсом в избирательном процессе // Уральский форум конституционалистов, 1–6 октября 2018 года, Екатеринбург / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург : ИД Урал. гос. юрид. ун-та, 2019. Вып. 4. С. 51–56.
- Воронцова, Звоновский 2003 — *Воронцова А. Б., Звоновский В. Б.* Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2003. № 6. С. 114–124.
- Ворошилова, Зуева 2019 — *Ворошилова О. Н., Зуева Т. М.* Детерминанты поведения российского электората в процессе выборов разного уровня // *Евразийское научное объединение*. 2019. № 10–5 (56). С. 414–418.
- Голосов 1997 — *Голосов Г. В.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // *ПОЛИС. Политические исследования*. 1997. № 4. С. 44–56.
- Дорохина 2013 — *Дорохина О.* История графы «против всех» [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. 25.09.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2304623> (дата обращения: 19.09.2021).
- Ионова 2011 — *Ионова А. А.* Политико-психологические аспекты электорального поведения в политических системах: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. полит. наук. М. : МПГУ, 2011. 215 с.
- Мелешкина 2001 — *Мелешкина Е. Ю.* Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // *Политическая наука*. 2001. № 2. С. 187–212.
- Меренков 2003 — *Меренков А. В.* Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург : Изд-во Урал. горно-геол. академии : Банк культурной информации, 2003. 228 с.
- Меренков 2007 — *Меренков А. В.* Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. 280 с.
- Меренков, Сивкова, Солодянкина 2005 — *Меренков А. В., Сивкова Н. И., Солодянкина Е. В.* Изучение электорального поведения. Методологический аспект // *Журнал о выборах*. 2005. № 6. С. 52–55.
- Никитина, Терентьева 2018 — *Никитина Т. А., Терентьева И. А.* Теоретико-методологические основания изучения электорального поведения населения // *Вестник Поволжского института управления*. 2018. Т. 18. № 1. С. 98–105. DOI: 10.22394/1682-2358-2018-1-98-105.
- Нисневич 2010 — *Нисневич Ю. А.* Кризис доверия как доминантный для России социально-политический фактор // *Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России : труды Шестой Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 мая 2010 г. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Ю. С. Пивоваров*. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 107–110.
- Нисневич 2013 — *Нисневич Ю. А.* Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2013. № 4 (28). С. 52–60.
- Нуреев 2013 — *Нуреев Р. М.* Административный ресурс и его эволюция в постсоветской России // *Есть ли место политэкономии в современной экономической науке : материалы научной конференции Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации / под ред. М. И. Воейкова*. М. : Институт экономики РАН, 2013. С. 191–207.
- Орлов, Шуметов 2001 — *Орлов Г. М., Шуметов В. Г.* Модель электоральных предпочтений: методология построения // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 127–141.
- Особенности влияния 2019 — *Особенности влияния электоральных свойств кандидатов на голосовательное поведение избирателей / И. В. Грошев, А. В. Горбенко, И. В. Антоненко, В. Н. Воронин* // *Вестник университета*. 2019. № 3. С. 177–188. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-3-177-188.
- ОТР 2013 — *Политтехнолог Олег Матвейчев: Графа «против всех» — это способ манипуляции людьми* [Электронный ресурс] // *Общественное телевидение России*. 23.10.2013. URL:

- <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/polittechnolog-oleg-matveichev-grafa-protiv-vseh-4458.html> (дата обращения: 19.09.2021).
- Паликова 2011 — Паликова А. М. Роль СМИ в формировании электорального выбора российских избирателей [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/27_2011palikova.htm (дата обращения: 19.09.2021).
- Пырма 2020 — Пырма Р. В. Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17). С. 9–32.
- Руженцева 2004 — Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 294 с.
- Старостина 2021 — Старостина Ю. Падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет [Электронный ресурс] // РБК. 01.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (дата обращения: 19.09.2021).
- Страхов 2000 — Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // ПОЛИС. Политические исследования. 2000. № 3. С. 90–98.
- Труханов, Васильченко 2018 — Труханов В. А., Васильченко А. В. Социальные сети в политическом процессе: электоральная функция // Электоральный цикл в современной России: итоги и перспективы : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 25 мая 2018 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Изд. центр «Наука», 2018. С. 131–136.
- Шарапов 2017 — Шарапов Р. И. Современные интернет-технологии электоральной мобилизации в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 2. С. 93–99. DOI: 10.24153/2079-5912-2017-8-2-93-99.
- Швери 1995 — Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор / пер. с англ. Л. А. Козловой // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43–56.
- Швецов 2015 — Швецов А. В. Российская электоральная социология и теория рационального выбора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 3. С. 160–167.
- Шевченко 2000 — Шевченко Ю. Д. Поведение избирателей в России: основные подходы // Политическая наука: проблемно-тематический сборник. Вып. 3 : Выборы в посткоммунистических обществах / гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 111–136.

References

- Anokhina, N. V. (2000), “The impact of mass media on shaping electoral behavior: the main approaches”, *Vestnik of Samara State University*, no. 1 (15), pp. 33–40 (in Russian).
- Dorokhina, O. (2013), “History of the count ‘against everyone’”, *Kommersant*, 25 September, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2304623> (accessed 19 September 2021) (in Russian).
- GolosoV, G. V. (1997), “Voter behavior in Russia: theoretical prospects and results of regional elections”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 44–56 (in Russian).
- Groshev, I. V., Gorbenko, A. V., Antonenko, I. V. and Voronin, V. N. (2019), “Peculiarities of the influence of the electoral properties of candidates on voting behavior of voters”, *Vestnik universiteta*, no. 3, pp. 177–188 (in Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-3-177-188.
- Ionova, A. A. (2011), *Politiko-psikhologicheskie aspekty elektoral'nogo povedeniya v politicheskikh sistemakh: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Political and psychological aspects of electoral behavior in political systems: theoretical and methodological analysis], Ph.D. Thesis, Moscow State Pedagogical University, Moscow, 215 p. (in Russian).
- Meleshkina, E. Yu. (2001), “Studies of electoral behavior: theoretical models and problems of their application”, *Political science (RU)*, no. 2, pp. 187–212 (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2003), *Sistema determinatsii chelovecheskoi deyatel'nosti* [System of determination of human activity], Ural Mining and Geological Academy, Bank kul'turnoi informatsii, Yekaterinburg, 228 p. (in Russian).

- Merenkov, A. V. (2007), *Chelovek: vzaimosvyaz' prirodnogo i sotsiokul'turnogo* [Man: the relationship between natural and sociocultural], Ural State Mining University, Yekaterinburg, 280 p. (in Russian).
- Merenkov, A. V., Sivkova, N. I. and Solodyankina, E. V. (2005), "Study of electoral behaviour. Methodological aspect", *Zhurnal o vyborakh*, no. 6, pp. 52–55 (in Russian).
- Nikitina, T. A. and Terentyeva, I. A. (2018), "Theoretical and methodological bases for the electoral behavior studies", *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 18, no. 1, pp. 98–105 (in Russian).
- Nisnevich, Yu. A. (2010), "Crisis of trust as a dominant socio-political factor for Russia", in Pivovarov, Yu. S. (ed.), *Nauchnoe, ekspertno-analiticheskoe i informatsionnoe obespechenie natsional'nogo strategicheskogo proektirovaniya, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiya Rossii, trudy Shestoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27–28 maya 2010 goda, v 2 chastyakh. Chast' 2* [Scientific, expert-analytical and information support of national strategic design, innovative and technological development of Russia, proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference, May 27–28, 2010, in 2 parts, Part 2], INION RAS, Moscow, pp. 107–110 (in Russian).
- Nisnevich, Yu. A. (2013), "Electoral corruption and model of election participation in Russia", *Actual Problems of Economics and Law*, no. 4 (28), pp. 52–60 (in Russian).
- Nureev, R. M. (2013), "Administrative resource and its evolution in post-Soviet Russia", in Voeikov, M. I. (ed.), *Est' li mesto politekonomii v sovremennoi ekonomicheskoi nauke, materialy nauchnoi konferentsii Instituta ekonomiki RAN i Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Is there a place for political economy in modern economic science, materials of the scientific conference of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the New Economic Association], Institute of Economics RAS, Moscow, pp. 191–207 (in Russian).
- Orlov, G. M. and Shumetov, V. G. (2001), "Model of electoral preferences: construction methodology", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 127–141 (in Russian).
- Palikova, A. M. (2011), "The role of the media in the formation of the electoral choice of Russian voters", *Public Administration. E-journal (Russia)*, no. 27, available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/27_2011palikova.htm (accessed 19 September 2021) (in Russian).
- "Political strategist Oleg Matveychev: Count 'against all' is a way of manipulating people" (2013), *Obshchestvennoe televidenie Rossii*, 23 October, available at: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/polittehнолог-oleg-matveychev-grafa-protiv-vseh-4458.html> (accessed 19 September 2021) (in Russian).
- Pyrma, R. V. (2020), "Social networks and electoral participation: voting activation opportunities", *Citizen. Elections. Authority*, no. 3 (17), pp. 9–32 (in Russian).
- Ruzhentseva, N. B. (2004), *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse], Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, 294 p. (in Russian).
- Sharapov, R. I. (2017), "Modern Internet technologies of electoral mobilization in Russia", *The Kazan socially-humanitarian bulletin*, no. 2, pp. 93–99 (in Russian).
- Shevchenko, Yu. D. (2000), "Voter Behavior in Russia: Basic Approaches", in Pivovarov, Yu. S. (ed.), *Politicheskaya nauka, problemno-tematicheskii sbornik. Vypusk 3, Vybory v postkommunisticheskikh obshchestvakh* [Political Science, Problem-Specific Collection, Iss. 3, Elections in Post-Communist Societies], INION RAS, Moscow, pp. 111–136 (in Russian).
- Shvery, R. (1995), "Theory of rational choice: an analytical review", translated by Kozlova, L. A., *Sociological journal*, no. 2, pp. 43–56 (in Russian).
- Shvetsov, A. V. (2015), "Russian electoral sociology and rational choice theory", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, no. 3, pp. 160–167 (in Russian).
- Starostina, Yu. (2021), "The fall of the Russian economy due to the pandemic has become the maximum for 11 years", *RBC*, 01 February, available at: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (accessed 19 September 2021) (in Russian).

- Strakhov, A. P. (2000), "The study of Russians' electoral behaviour: socio-cultural approach", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 90–98 (in Russian).
- Trukhanov, V. A. and Vasilchenko, A. V. (2018), "Social networks in political process: electoral function", in Vilkov, A. A. (ed.), *Elektoral'nyi tsikl v sovremennoi Rossii: itogi i perspektivy, sbornik nauchnykh statei po materialam V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet im. N. G. Chernyshevskogo, 25 maya 2018 goda* [Electoral cycle in modern Russia: results and prospects, Collection of scientific articles based on the materials of the 5th International Scientific and Practical Conference, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, May 25, 2018], Nauka, Saratov, pp. 131–136 (in Russian).
- Vagin, A. Yu. (2010), "Abuse of administrative resources in the electoral process in modern Russia", *Vlast' (The Authority)*, no. 4, pp. 136–137 (in Russian).
- Vashchenko, G. B. (2019), "Forms of counteraction to abuse by the administrative resource in the electoral process", in Salikov, M. S. (ed.), *Ural'skii forum konstitutsionalistov, Ekaterinburg, 1–6 oktyabrya 2018 goda, Vypusk 4* [Ural Forum of Constitutionalists, Yekaterinburg, Russia, October 1–6, 2018, Iss. 4], Ural State Law University, Yekaterinburg, pp. 51–56 (in Russian).
- Vorontsova, A. B. and Zvonovsky, V. B. (2003), "Administrative resource as phenomenon of Russian electoral process", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 114–124 (in Russian).
- Voroshilova, O. N. and Zueva, T. M. (2019), "Determinants of the behavior of the Russian electorate in the process of elections of different levels", *Eurasian Scientific Association*, no. 10–5 (56), pp. 414–418 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Информация об авторе

Сивкова Надежда Ивановна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6331-0124

Information about the author

Sivkova, Nadezhda Ivanovna
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-6331-0124

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.035

УДК 316.723:004.032.6 + 329(470) + 324 + 316.77:070.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПАРТИЯМИ «НОВЫЕ ЛЮДИ» И «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2021 г.

А. В. Меренков

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. Д. Спиридонова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В настоящее время цифровые платформы способны выступать площадками формулирования коллективных целей и идентичностей. Цифровые коммуникации становятся одним из главных способов взаимодействия с широкими аудиториями. Повышенная политическая конкуренция, необходимость добиться внимания избирателей требуют от политических партий использования всех каналов коммуникации с целевыми группами. Новые медиа являются одним из инструментов для взаимодействия с электоратом. Они становятся все более универсальными, мобильными, увеличивается сила убеждающего воздействия на политическое сознание и ценностные установки граждан благодаря возможности распространения информации в Интернете через лидеров общественных мнений, создание сообществ единомышленников. В статье выявлены наиболее существенные факторы, оказавшие влияние на успех партий «Новые люди» и «Единая Россия» на федеральных и региональных выборах 2021 года. Одним из таких факторов является использование социальных медиа для продвижения партийных программ среди широких слоев населения электорального возраста. На примере Свердловской области проведен сравнительный анализ эффективности использования социальных сетей молодой партией «Новые люди» и партией «Единая Россия», входящей уже многие годы в Государственную Думу и законодательные органы власти регионов. Делается важный вывод о том, что партии «Новые люди» удалось эффективно использовать социальные сети при работе с разными группами избирателей, реализовать запрос населения на обновление состава законодательных органов страны и регионов.

Ключевые слова: избирательная кампания 2021 года, регионы, «Новые люди», «Единая Россия», технологии работы с избирателями, социальные сети, медиакommunikации.

Для цитирования: Меренков А. В., Спиридонова А. Д. Использование социальных сетей партиями «Новые люди» и «Единая Россия» в предвыборной кампании 2021 г. // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 3. С. 182–193. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.035

THE USE OF SOCIAL MEDIA BY THE NEW PEOPLE AND UNITED RUSSIA IN THE 2021 ELECTION CAMPAIGN

A. V. Merenkov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

A. D. Spiridonova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Currently, digital platforms can act as venues for formulating collective purposes and identities. Digital communication is turning into one of the main ways to interact with wider audiences. Increased political competition and the necessity to gain voters' attention require political parties to use all communication channels with target groups. New media are one of the tools for interaction with the electorate. They are becoming increasingly universal, mobile. The power of persuasive influence on the political consciousness and values of citizens is growing, thanks to the ability to spread information on the Internet through leaders of public opinion, the creation of communities of like-minded people. The article identified the most significant factors contributing to the success of the party New People and United Russia party at the federal and regional elections of 2021. One of these factors is using social media to promote party programs amongst the general population of the electoral age. On the example of the Sverdlovsk region, the authors carried out a comparative analysis of the effectiveness of the use of social networks of the young "New People" and United Russia, which have been part of the State Duma and the local legislative bodies for many years. An important conclusion is that the party "New People" has managed to effectively use social media when working with different segments of voters to realize the population request for renewal of the composition of the federal and local legislative bodies.

Keywords: the 2021 election campaign, regions, "New people", "United Russia", technology of working with voters, social networks, media communications.

For citation: Merenkov, A. V. and Spiridonova, A. D. (2021), "The Use of Social Media by the New People and United Russia in the 2021 Election Campaign", *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 182–193 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.035

Введение

Избирательная кампания 2021 г. стала поворотной с точки зрения устоявшейся партийной конструкции федеральных и региональных законодательных органов власти. В Свердловской области помимо партий, входящих в состав Законодательного собрания на протяжении нескольких созывов («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР), два мандата получили представители молодой партии «Новые люди».

Устойчивость российской партийной системы и несменяемость партийных объединений объясняется рядом причин. Одной из важнейших является частая смена правил проведения выборов, усложнение условий для участия в них, что не способствует появлению новых конкурентоспособных партий уже на этапе их регистрации и сбора подписей. Относительная молодость института партий в постсоветской России, специфика состояния партийной культуры и партийных элит имеют своим логичным продолжением ограниченную конкурентность в партийной системе [Бродовская, Карзубов, Лукушин 2021, с. 87].

Наиболее сильным игроком на политической арене России уже более двадцати лет является партия власти «Единая Россия». Она устойчиво получает большинство мандатов в законодательных органах власти на протяжении этого времени. Однако пандемия COVID-19 трансформировала электоральные ожидания российского общества в сторону новых представителей общества. Наблюдается определенная усталость населения от той ведущей партии, которой не удалось за два десятилетия существенно поднять уровень жизни людей, обеспечить устойчивый экономический рост, сделать Россию одной из передовых стран мира по уровню развития здравоохранения, образования, науки. Появился запрос на новые лица и политические образования, способные решить назревшие социально-экономические проблемы, представить интересы незащищенных слоев населения.

Перенос партийной конкуренции в цифровое пространство, способность следить за политической повесткой и создавать инфоповоды только усугубили эффект от замедленного изменения партийной системы страны. Люди используют интернет-пространство как площадку для высказывания негативных мнений относительно социально-экономических и политических проблем, обвиняя в этом представителей власти. Политические партии вынуждены конкурировать за внимание электоральных групп с более популярными структурами гражданского общества, представителями внесистемной оппозиции, лидерами и центрами общественного мнения, различными комьюнити, указывающими на слабость действующих политических акторов и продвигающих идею о необходимости обновления и перемен всех сфер общественной жизни России.

Методология и методы исследования проблем использования социальных сетей политическими партиями

Об относительной новизне предметной области исследования свидетельствует дефицит научных трудов, посвященных использованию цифровых медиа политическими партиями в предвыборных гонках. Особенно эта проблема касается новых партий, зарегистрированных в 2019–2020 гг.

Стоит отметить, что зарубежные авторы приступили к изучению этой сферы раньше, чем отечественные. Скорее всего, это связано с тем, что на Западе политические акторы стали прибегать к использованию новых площадок в избирательных кампаниях уже несколько лет назад. Британский исследователь политических коммуникаций Э. Чедвик отмечает, что использование технологий цифровых коммуникаций политическими партиями способствует адаптации к постматериалистической политической культуре общества. Партии вынуждены подстраиваться под запросы граждан, вовлекаемых в коммуникацию [Chadwick, Stromer-Galley 2016, p. 7]. Исчезает иерархия: политические акторы вынуждены взаимодействовать с интернет-сообществами не в одностороннем порядке, а в формате обмена мнениями, следить за откликом целевой аудитории.

Итальянский социолог П. Гербаудо также считает, что цифровые платформы способствуют развитию новой модели партийной системы. Политические партии осваивают новые организационные принципы сетевых платформ для увеличения электоральной поддержки [Gerbaudo 2019, p. 77].

Н. Браунинг и К. Д. Свитсер подчеркивают, что создание информационных поводов и формирование личного бренда в социальных сетях напрямую влияют на электоральный потенциал политических партий. Целевые аудитории увеличиваются благодаря формированию правильного информационного потока и привлечению внимания определенных групп населения с помощью таргетированной рекламы [Browning, Sweetser 2020, p. 15].

В российской политической и социологической науках основные исследования посвящены вопросу цифровизации в целом, влиянию интернет-коммуникаций на все сферы жизни, в том числе на публичное управление. Так, Ю. М. Большакова отмечает, что кризис публичного управления и новая цифровая реальность имманентно связаны. Вовлечение субъекта управления в деятельность коммуникацию с обществом в России на данный момент характеризуется рядом проблем, которые требуют своего решения [Большакова 2021, с. 46].

Исследования использования новых медиа субъектами политической деятельности посвящают как старым, так и новым партиям. С. А. Зубков и А. И. Панов считают, что доминирование «Единой России» достигнуто благодаря применению в электоральной деятельности партии медиарилейшенз — постоянному взаимодействию со СМИ и медиа в процессе избирательной

кампании [Зубков, Панов 2017, с. 226]. Однако пока большая часть исследований направлена на выявление форм применения традиционных СМИ, а не новых медиа в борьбе за голоса избирателей. Публикации, посвященные социальным сетям в избирательной кампании, единичны и описывают опыт отдельных новых партий.

Так, И. Амиантова утверждает, что успех партий в региональных выборах в рамках единого дня голосования в 2020 году обусловлен грамотно организованной рекламной кампанией по различным каналам. В частности, социальные сети позволили повысить привлекательность «Новых людей» в глазах более широкого круга избирателей, относящихся к разным возрастным группам [Амиантова 2020, с. 3133]. Ряд исследователей анализирует шоу-технологии новых партий, направленные на сегментацию скептически настроенного электората посредством акцентирования его внимания на актуальных проблемах современной жизни страны и способах их решения с помощью разных общественных групп [Ежов 2020, с. 124].

В основу нашего исследования легли сетевой и когнитивный подходы к анализу использования сетевых пространств разными партиями в процессе избирательной кампании [Электоральные процессы 2020]. Когнитивный метод позволяет выявить особенности восприятия политического контента. Исследование опирается на общие принципы социально-медийной аналитики гражданской активности в цифровой среде с помощью автоматизированных программ обработки данных.

Методика исследования основана на показателях, отражающих масштаб и качество цифровых коммуникаций свердловских отделений партий «Единая Россия» и «Новые люди» в период с официального старта избирательной кампании 17.06.2021 г. (Указ Президента Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 367 «О назначении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нового созыва») по 16.09.2021 г. Проведен контент-анализ информационных потоков партий на площадках «ВКонтакте» и Instagram, а также определены количественные показатели охватов аудитории с помощью современных метрик-сервисов (анализаторы аккаунтов Instalize, InstaHero, сервис Google.Trends).

Социальные сети партий «Единая Россия» и «Новые люди» во время предвыборной кампании

Важными показателями эффективности политических партий в цифровом пространстве являются количественные охваты аудитории в социальных сетях, «отклик» — лайки и комментарии, репосты информации сообщества подписчиками, привлечение новой аудитории благодаря таргетированной рекламе. Партии создают аккаунты в социальных сетях, причем как на федеральном,

так и на региональном уровне. В каждом регионе формируются отдельные интернет-сообщества для того, чтобы привлекать местную аудиторию. В Свердловской области и Екатеринбурге партии используют социальные сети «ВКонтакте» и Instagram, как наиболее популярные площадки у разных слоев населения.

Сообщества партии «Единая Россия» на площадках «ВКонтакте» и Instagram охватывают аудиторию в 5,5 тысячи человек, а «Новые люди» — 7,7 тысячи подписчиков. Обращает на себя внимание тот факт, что у партии «Новые люди» основная их масса (примерно 5 тыс.) приходится на сообщество «ВКонтакте», а «Единая Россия» охватывает большую аудиторию в Instagram. Однако аналитика качественных показателей указывает, что аккаунт молодой партии более активен (рис. 1).

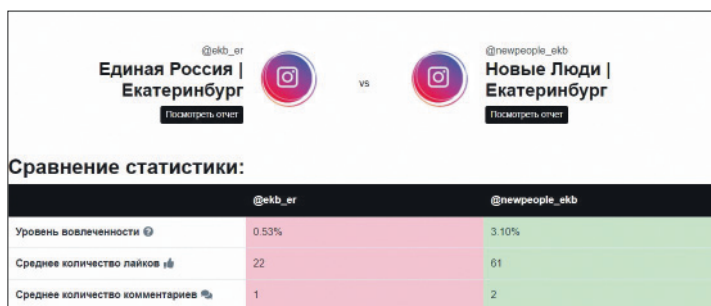

Рис. 1. Сравнение статистики аккаунтов свердловских отделений партий «Единая Россия» и «Новые люди»

Fig. 1. Comparison of accounts statistics of Sverdlovsk branches of the United Russia and New People parties

Источник: [Сервис «Instalize» 2021]

Приведенные данные показывают, что, несмотря на больший размер аудитории, уровень охвата у «Единой России» существенно ниже, чем у «Новых людей». Причин для этого может быть несколько. Во-первых, «возраст» аккаунтов и их подписчиков. Аудитория «Новых людей» является такой же молодой, как и сама партия. Подписчики только пришли на аккаунт и заинтересованы в его поддержке для того, чтобы партия развивала свой контент благодаря отклику со стороны сообщества. Во-вторых, наличие неактивных профилей. Согласно результатам сервиса InstaHero, у аккаунта «Единой России» процент неактивных подписчиков равен 34 %, что примерно в 7 раз больше, чем у «Новых людей» (4,7 %). В-третьих, низкая активность подписчиков в качественном отклике — комментариях и репостах. Эта проблема характерна и для аккаунта «Новых людей», она объясняется низкой политической активностью населения в целом. Пассивность электората — глубинная проблема российского общества в целом, характерная для многих регионов.

Негативный эффект цифровизации проявляется в высоком уровне конкуренции между информационными потоками. Политические акторы конкурируют не только между собой, но и с потоками развлекательной, научно-популярной, обыденной информации, появляющейся в лентах пользователей социальных сетей. Различный контент, требующий меньших интеллектуальных затрат и положительно воздействующий на эмоции аудитории, ведет к снижению уровня политической активности пользователей [Mutz 2002; Fowler 2005].

Сообщества партий «ВКонтакте» наполняются более разнообразным контентом и также обладают определенными особенностями в вопросе качественного охвата аудитории. В частности, нами были проанализированы сообщения сообществ от 27 августа 2021 года. «Единая Россия» в тот день объявила о завершении сбора предложений в народную программу, «Новые люди» провели опрос, посвященный вопросу лесных пожаров. Количество просмотров конкретных постов составило 365 человек и 1,9 тыс. человек соответственно. Пользователей больше интересуют события, которые затрагивают многих людей, а не события, связанные с избирательной кампанией.

Качественные показатели по активности в виде лайков, репостов и комментариев примерно равны. Однако можно заметить, что «аватары» пользователей в сообществе «Единой России» сейчас помечены как заблокированные, т. е. это неактивные, подозрительные пользователи, или так называемые боты (рис. 2).

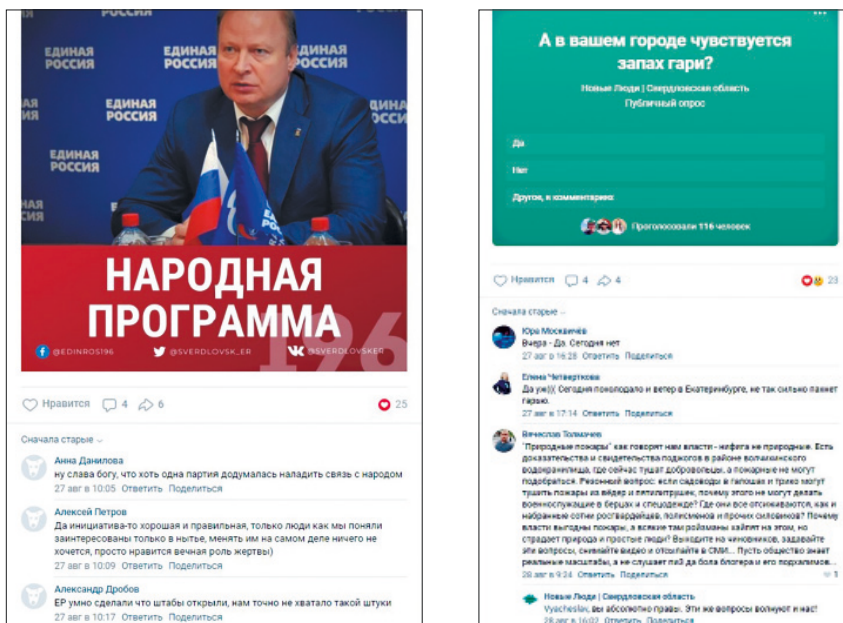

Рис. 2. Сравнение активности пользователей «ВКонтакте» в сообществах партий 27.08.2021 г.

Fig. 2. Comparison of activity of VKontakte users in party communities in 27.08.2021

Источник: [Единая Россия 2021; Новые люди 2021]

Данные показывают, что многие записи в сообществе «Единой России» прокомментированы заблокированными пользователями. Такой прием используется для повышения активности в момент публикации записи. Искусственное расширение охвата делает возможным распространение информации на большую аудиторию, так как посты без активности не показываются в лентах новостей пользователей.

Популярность партии напрямую зависит от того, насколько часто партия появляется в медиaprостранстве, какое количество населения интересуется ее деятельностью. В этом помогают и традиционные методы проведения избирательной кампании (телевидение, газеты и листовки, баннеры). Однако образ, создаваемый в информационном пространстве, становится неотъемлемой частью бренда партии.

Свердловские отделения партий «Единая Россия» и «Новые люди» локализовали свои информационные потоки на традиционных цифровых платформах, при этом они слабо представлены или не представлены вообще на платформах, набирающих все большую популярность у молодой аудитории (TikTok, Telegram). Это не позволяет масштабировать аудиторию и привлечь пользователей, недавно достигших совершеннолетия, у которых только формируется стремление участвовать в политической жизни страны.

Более половины информационных потоков партий приходится на крупные новостные сообщества, причем «Единая Россия» более популярна, так как она формирует интерес к себе уже не первый год. «Новые люди» занимаются этим активнее других молодых партий, однако у них еще недостаточно политического опыта агитации избирателей.

Стоит отметить, что обе партии прибегают к использованию образов популярных личностей регионального и федерального масштаба в своих публикациях. «Единая Россия», рассказывая о том, что делает партия для избирателей на федеральном уровне, прибегает к цитированию В. В. Путина, Д. А. Медведева, А. А. Турчака. При работе с населением Свердловской области приводят высказывания В. А. Шептия, секретаря регионального отделения партии и действующего депутата Законодательного собрания региона. «Новые люди» для повышения интереса к партии привлекают звезд шоу-бизнеса: Елену Летучую, Сергея Жигунова и др. Такими способами удастся создать у избирателей желание больше узнать о целях, задачах нового политического объединения, сохранить вовлеченность аудитории в обсуждение его деятельности во время избирательной кампании, повысить узнаваемость личностей, представляющих руководство. Высока и эффективность тематических хэштегов, в том числе партийных отметок, которые также являются частью системы цифрового продвижения партии.

Главным фактором успеха в сетевом продвижении «Новых людей» стало создание сетевых сообществ руководителем партии А. Нечаевым.

Как основатель и президент компании прямых продаж «Faberlic», он уже руководил большими группами людей, умеющих продвигать свои товары в сети Интернет. Они стали помогать пропагандировать в социальных сетях деятельность партии. Руководство сформулировало выигрышную предвыборную риторику в виде главного слогана «Люди важнее!», программу действий, направленных, в первую очередь, на развитие регионов.

В своей деятельности руководители партии «Новые люди» умело комбинируют рациональное и иррациональное воздействие на аудиторию. Среди технологий психологического воздействия на пользователей выделяется дегуманизация политических оппонентов, эмоциональная стереотипизация, общение «на равных» с аудиторией. Особенностью работы с избирателями «Единой России» является доминирование формального контента, что ведет к сохранению значительной дистанции между партией и аудиторией, снижая численность новых пользователей информации о ее деятельности.

Выводы

Технологии взаимодействия партии «Новые люди» с разными группами избирателей, особенно молодежью, обеспечили ее успех на выборах 2021 г. Ее представители вошли в состав Государственной Думы нового созыва, а также представлены в законодательных органах многих регионов России. Технически продуманная рекламная кампания в социальных медиа стала одним из факторов ее поддержки электоратом. Цифровые коммуникации партии способствовали охвату большей аудитории, которую могло набрать недавно созданное политическое объединение.

К преимуществам системы цифровых коммуникаций, используемых партией, можно отнести широкий масштаб и объем информационного потока и его соответствие целевым группам, высокий уровень вовлеченности аудитории в обсуждение программных документов. Партия оправдала направленные на обновление депутатского корпуса ожидания избирателей, их запрос на улучшение качества жизни и возможность решения важных вопросов экономического, политического развития страны с помощью новых депутатов высшего законодательного органа.

«Единая Россия» осталась ведущей партией, хотя и не смогла создать цифровой поток, привлекающий новых избирателей. Ей все сложнее решать проблемы повышения уровня доверия электората, сохранять у людей веру в то, что ведущая политическая сила страны обеспечит ускорение темпов социально-экономического развития, повысит уровень жизни всех слоев населения.

«Единой России» требуется преодолеть превалирование политического контента над неполитическим, найти возможность повысить уровень интерактивности, привлечь внимание реальных пользователей социальных сетей,

через которые ведется агитационная работа, увеличивая активность реальных подписчиков без помощи накруток.

Подводя итоги, можно сказать, что избирательная кампания 2021 года запустила процесс обновления политической жизни в России. Новые политические игроки, такие как партия «Новые люди», могут в будущем составить серьезную конкуренцию партиям, которые входят в Государственную Думу на протяжении нескольких десятилетий.

Список литературы

- Амиантова 2020 — Амиантова И. С. Факторы успеха партии «Новые люди» в ходе региональных выборов 2020 г. в России // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63). С. 3129–3139. DOI: 10.35775/PSI.2020.63.11.007.
- Большакова 2021 — Большакова Ю. М. Вопросы цифровизации в контексте современного этапа эволюции публичного управления // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 43–48. DOI: 10.31171/vlast.v29i4.8374.
- Бродовская, Карзубов, Лукушин 2021 — Бродовская Е. В., Карзубов Д. Н., Лукушин В. А. Оценка управления коммуникациями в цифровых сообществах новых политических партий (2020 г.) // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 87–93. DOI: 10.31171/vlast.v29i2.8001.
- Единая Россия 2021 — «Единая Россия», Свердловская область: региональное отделение партии [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/sverdlovsker> (дата обращения: 12.10.2021).
- Ежов 2020 — Ежов Д. А. К оценке политического потенциала новых партийных проектов в контексте актуализации шоу-технологий // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 124–127. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7145.
- Зубков, Панов 2017 — Зубков С. А., Панов А. И. Опыт использования медиариелейшенз в электоральной деятельности «Единой России» // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 6. С. 226–239.
- Новые люди 2021 — «Новые люди», Свердловская область: региональное отделение партии [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/newpeopleekb> (дата обращения: 12.10.2021).
- Сервис Instalize 2021 — Instalize [Электронный ресурс] : анализ инста-аккаунтов. URL: https://instalize.petr-panda.ru/compare/instagram/ekb_er/newpeople_ekb (дата обращения: 12.10.2021).
- Электоральные процессы 2020 — Электоральные процессы в современном мире : монография / под общ. ред. М. Е. Родионовой, С. Ю. Белоконева, П. С. Селезнева и др. М. : Кнорус, 2020. 492 с.
- Browning, Sweetser 2020 — Browning N., Sweetser K. D. How Media Diet, Partisan Frames, Candidate Traits, and Political Organization-public Relationship Communication Drive Party Reputation // Public Relations Review. 2020. Vol. 46. No. 2. P. 1–17. DOI: 10.1016/j.pubrev.2020.101884.
- Chadwick, Stromer-Galley 2016 — Chadwick A., Stromer-Galley J. Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal? // The International Journal of Press/Politics. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 1–11. DOI: 10.1177/1940161216646731.
- Fowler 2005 — Fowler J. Turnout in a Small World // Social Logic of Politics: Personal Networks as Contexts / ed. by A. S. Zuckerman. Philadelphia : Temple University Press, 2005. P. 269–287.
- Gerbaudo 2019 — Gerbaudo P. The Digital Party: Political Organization and Online Democracy. Pluto Press, 2019. 240 p.
- Mutz 2002 — Mutz D. Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice // American Political Science Review. 2002. Vol. 96. No. 1. P. 111–126. DOI: 10.1017/S0003055402004264.

References

- Amiantova, I. S. (2020), "Factors of success of the 'New People' party during the 2020 regional elections in Russia", *Political Science Issues*, vol. 10, no. 11 (63), pp. 3129–3139 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2020.63.11.007.
- Bolshakova, Yu. M. (2021), "Issues of digitalization in the context of the contemporary stage of evolution of public governance", *Vlast' (The Authority)*, vol. 29, no. 4, pp. 43–48 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v29i4.8374.
- Brodovskaya, E. V., Karzubov, D. N. and Lukushin, V. A. (2021), "Evaluation of communication governance in the digital communities of new political parties (2020)", *Vlast' (The Authority)*, vol. 29, no. 2, pp. 87–93 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v29i2.8001.
- Browning, N. and Sweetser, K. D. (2020), "How Media Diet, Partisan Frames, Candidate Traits, and Political Organization-public Relationship Communication Drive Party Reputation", *Public Relations Review*, vol. 46, no. 2, pp. 1–17. DOI: 10.1016/j.pubrev.2020.101884.
- Chadwick, A. and Stromer-Galley, J. (2016), "Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal?", *The International Journal of Press/Politics*, vol. 21, no. 3, pp. 1–11. DOI: 10.1177/1940161216646731.
- Ezhov, D. A. (2020), "On assessing the political potential of new party projects in the context of updating show technologies", *Vlast' (The Authority)*, vol. 28, no. 2, pp. 124–127 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7145.
- Fowler, J. (2005), "Turnout in a Small World", in Zuckerman, A. S. (ed.), *Social Logic of Politics: Personal Networks as Contexts*, Temple University Press, Philadelphia, pp. 269–287.
- Gerbaudo, P. (2019), *The Digital Party: Political Organization and Online Democracy*, Pluto Press, 240 p.
- Instalize, *Instagram account analysis service* (2021), available at: https://instalize.petr-panda.ru/compare/instagram/ekb_er/newpeople_ekb (accessed 12 October 2021) (in Russian).
- Mutz, D. (2002), "Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice", *American Political Science Review*, vol. 96, no. 1, pp. 111–126. DOI: 10.1017/S0003055402004264.
- "New people", Sverdlovsk region, regional branch of the party (2021), *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/newpeopleekb> (accessed 12 October 2021) (in Russian).
- Rodionova, M. E., Belokonev, S. Yu., Seleznev, P. S. and Ezhov, D. A. (eds) (2020), *Elektoral'nye protsessy v sovremennom mire* [Electoral processes in the modern world], Knourus, Moscow, 492 p. (in Russian).
- "United Russia", Sverdlovsk region, regional branch of the party (2021), *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/sverdlovsker> (accessed 12 October 2021) (in Russian).
- Zubkov, S. A. and Panov, A. I. (2017), "The experience of using mediarelations in the electoral activity of 'United Russia' ", *Socio-humanitarian knowledge*, no. 6, pp. 226–239 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 21.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 11.11.2021

Информация об авторах

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5900-0863

Спиридонова Алина Дмитриевна
студент 2 курса магистратуры
по социологии
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: alinadmtrvn@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-8082-9924

Information about the authors

Merenkov, Anatoly Vasilievich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5900-0863

Spiridonova, Alina Dmitrievna
second-year Master's student in Sociology
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: alinadmtrvn@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-8082-9924

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.036

УДК 7.01:130.2(470) + 130.2:7''20''

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КАРТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭСТЕТИКИ: К ИТОГАМ РАБОТЫ ВТОРОГО РОССИЙСКОГО ЭСТЕТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

Т. А. Круглова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья представляет собой обзор крупного научного события — Второго российского эстетического конгресса (Екатеринбург, июль 2021 года). Оценивается состояние эстетики как научной и образовательной дисциплины в контексте ее истории советского и постсоветского периодов. Выделены четыре этапа советской истории эстетики. Первый этап — 1930-е годы — получил, вслед за К. Кларк, номинацию «возвращения эстетики», что было связано с общим консервативным поворотом сталинской культурной политики, созданием соцреалистического канона, программой строительства социализма, отрицанием функционализма предыдущего — авангардного — этапа. «Возвращение эстетики» не только имело политико-прагматическое содержание, но и способствовало насыщению советской культуры фрагментами классического наследия, прежде всего — философского. На втором этапе — позднего сталинизма — произошел откат эстетики в сторону предельной политической инструментализации. На коротком этапе «оттепели» эстетика начала отставать от публичного либерального дискурса, уступая лидерство публицистике и художественной критике. На этапе «длинных семидесятых» эстетика становится влиятельной и востребованной наукой, включенной в программу «технического прогресса» и «воспитания

строителя коммунизма», на эстетику возлагаются важные идеолого-эстетические и прикладные задачи, от нее ожидается влияние на все сферы жизни. Эстетика как философия и наука развивается, откликаясь на контакты с семиотикой, психологией, антропологией, историей культуры, социологией. Опираясь на избирательный поток переводов западных философий искусства, советская эстетика начинает резонировать с мировыми трендами, чему способствует негласный консенсус представления об эстетике как о такой части философского и гуманитарного знания, которая обладает своей автономией. Состояние эстетики в 1990-х и начале 2000-х годов квалифицируется как смена научных поколений и возникновение новых групп профессионалов в эстетическом и художественном познании, не связанных с академической эстетикой, формирующих собственное концептуальное видение развития искусства и эстетических отношений. Современное состояние эстетики диагностировано на кратком описании последних 15 лет, когда контакты с зарубежными эстетическими школами стали регулярными, академическая эстетика начинает быть востребованной в магистерских образовательных программах, интеллектуальных площадках фестивалей и биеннале современного искусства, программах управления культурой. Большая часть статьи посвящена анализу состава участников, их профессиональным интересам и компетенциям, частотным концептам, обсуждаемым в секциях, структуре дискуссионных проблем и сквозным темам всех участников конгресса.

Ключевые слова: советская эстетика, марксистско-ленинская эстетика, Первый российский эстетический конгресс, Второй российский эстетический конгресс, история эстетики XX века.

Для цитирования: Круглова Т. А. Интеллектуальная карта отечественной эстетики: к итогам работы Второго российского эстетического конгресса // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 194–212. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.036

INTELLECTUAL MAP OF DOMESTIC AESTHETICS: TO THE RESULTS OF THE WORK OF THE SECOND RUSSIAN CONGRESS OF AESTHETICS

T. A. Kruglova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article is an overview of a prominent scientific event — The Second Russian Congress of Aesthetics (Yekaterinburg, July 2021). The paper assesses the state of aesthetics as a scientific and educational discipline throughout its history of the Soviet and post-Soviet periods. The article highlights four stages of the Soviet history of aesthetics. The first stage, the 1930s, received following K. Clark,

the nomination “return of aesthetics”, which was associated with the general conservative turn of the Stalinist cultural policy, the creation of the socialist realist canon, the program of building socialism, the denial of the functionalism of the previous (avant-garde) stage. The “return of aesthetics” had not only a political and pragmatic content but contributed to the saturation of Soviet culture with fragments of the classical heritage, primarily the philosophical one. At the second stage (late Stalinism), there was a rollback of aesthetics in the direction of extreme political instrumentalization. During a short period of the “thaw,” aesthetics began to go behind public liberal discourse, yielding leadership to journalism and art criticism. At the stage of the “long seventies”, aesthetics becomes an influential and in-demand scientific discipline, included in the program of “technical progress” and “education of the builder of communism”, important ideological, aesthetic, and applied tasks are assigned to aesthetics since it is expected to influence all spheres of life. Aesthetics as philosophy and science develops, responding to contacts with semiotics, psychology, anthropology, cultural history, and sociology. Relying on the selective stream of translations of Western art philosophy, Soviet aesthetics begins to resonate with world trends, which is facilitated by the tacit consensus of the idea of aesthetics as a part of philosophical and humanitarian knowledge that has its autonomy. The state of aesthetics in the 1990s and early 2000s is qualified as a change of scientific generations and the emergence of new groups of professionals in aesthetic and artistic knowledge, not related to academic aesthetics, forming their conceptual vision of the development of art and aesthetics relations. The current state of aesthetics was diagnosed with a brief description of the last 15 years, when contacts with foreign aesthetic schools became regular and academic aesthetics began to be in demand in master’s educational programs, intellectual venues for festivals, and biennials of contemporary art, and cultural management programs. A large portion of the article is devoted to the analysis of the composition of the participants, their professional interests and competencies, the frequent concepts discussed in the sections, the structure of polemical problems, and cross-cutting topics of all congress participants.

Keywords: Soviet aesthetics, Marxist-Leninist aesthetics, The First Russian Congress of Aesthetics, The Second Russian Congress of Aesthetics, the history of the 20th-century aesthetics.

For citation: Kruglova, T. A. (2021), “Intellectual Map of Domestic Aesthetics: To the Results of the Work of the Second Russian Congress of Aesthetics”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 194–212 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.036

1–3 июля 2021 года в Екатеринбурге проходил Второй российский эстетический конгресс, организованный Уральским федеральным университетом имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и Российским эстетическим обществом. Первый российский эстетический конгресс состоялся 17–19 октября 2018 г. в Санкт-Петербурге. К этому моменту сложилась команда, поставившая себе задачу проведения российских эстетических конгрессов один раз в два

года. Ее костяк составили эстетики Санкт-Петербурга, прежде всего председатель Российского эстетического общества доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики института философии СПбГУ Артем Евгеньевич Радеев, и коллектив кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института УрФУ во главе с заведующим кафедрой доктором философских наук, профессором Львом Абрамовичем Заком. Сильным мотиватором этого решения стало участие многих отечественных эстетиков в международных эстетических конгрессах, богатая история которых насчитывала уже не одно десятилетие. Кроме того, российские эстетики стали активно сотрудничать с Международной ассоциацией эстетиков.

Цели и задачи оргкомитета конгресса были сложные, так как на судьбу эстетики и как философской науки, и как важной теоретической базы для искусствования оказали сильное влияние социокультурные процессы последних 30 лет, в том числе и социально-политические. В советский период в силу определенных причин, в которых весьма интересно разобраться, у эстетики сложился определенный статус как научной дисциплины в академическом и образовательном поле. Кафедре эстетики УрФУ это известно не понаслышке, так как именно ее создатель и заведующий на протяжении более 30 лет, доктор философских наук, профессор Аркадий Федорович Еремеев возглавлял в течение двух десятков лет Проблемный совет по эстетике при Министерстве образования СССР, объединявший эстетиков всего Советского Союза, включая, естественно, национальные республики со своими разными интеллектуальными традициями (особенно плодотворными были связи с философами и искусствоведами Грузии, Украины, Эстонии, Латвии). Таким образом, кафедра находилась в эпицентре самых интересных дискуссий, имела возможность общаться на научных семинарах и циклах лекций с ведущими эстетиками страны: М. Каганом, С. Раппопортом, Ю. Боровым, Л. Столовичем, Н. Чавчавадзе и коллегами из социалистических стран, например из Польши (Богдан Дземидок).

Второй эстетический конгресс дал множество поводов для размышлений о судьбе отечественной эстетики на фоне мировых интеллектуальных векторов развития; о том, каковы границы современного эстетического знания с другими, не только гуманитарными и социальными, но и естественными и техническими науками. Особенно исследовательски интересна и актуальна проблема институционального статуса эстетики и методов анализа ее способности реагировать на вызовы современного мира. Возникают вопросы, мотивированные изучением состава участников конгресса с точки зрения их образования, научных интересов и, что особенно любопытно, точек приложения их знаний к самым разным сферам эстетической и художественной культуры.

Очень коротко опишем контуры положения эстетики в поздний советский период, чтобы понять, что собой представляла эта отрасль гуманитарного знания

после распада СССР и что с ней произошло за последний период. Начнем издавека. В 1930-х годах начался процесс, который Катерина Кларк, известная исследовательница советской культуры, назвала «возвращением эстетики» [Кларк 2018, с. 155]. В культурной политике произошел разворот от функционалистской парадигмы, ориентирующей художников и интеллектуалов на связь искусства с жизненным праксисом, с производством и техническим прогрессом, что выражалось в доминанте метода формализма в теории и конструктивизма на практике. В начале 1930-х годов резко меняется риторика руководящих документов власти и публицистики: искусство авангарда (прежде всего, архитектура) критикуется как «сухое» и «бездушное», новаторские художественные проекты подвергнуты негативной оценке за «эстетизацию технологии» и «культ машины». Начался, как пишет Кларк, поворот к «красоте», который «повлек за собой возвращение к конвенциональным вкусовым нормам, но акцент на прекрасном был также сопряжен с преодолением дискурсивных границ. Он означал *эстетизацию политики или, точнее, метаполитики* — модели, которая служила основой и оправданием реальных политических практик» [Кларк 2018, с. 156]. Эстетика в этот период была востребована как никогда. При этом теоретики-марксисты 1920-х годов вообще не пользовались словом «эстетика», а круг авангардных практиков и их идеологов отвергал упоминание о «прекрасном», «как бессодержательный и ненаучный фетиш» [Кларк 2018, с. 158]. В течение предвоенного десятилетия выпускаются огромные антологии, включающие в себя труды философов-эстетиков от Платона до Гегеля, регулярно пополняется серия «Классики эстетической мысли», эстетика обретает академический статус и место дисциплины в высших учебных заведениях.

Поворот к эстетике играл важную роль на новом этапе строительства социализма. Режиму требовались не просто красивые и образцовые объекты (здания, города, люди, вещи), ему «требовался нарратив, привносящий в них порядок, ясность и прежде всего значение» [Кларк 2018, с. 168]. В это время формируется единая эстетическая система, подводящая фундаментальную теоретическую (историко-философскую и историко-культурную) базу под метод социалистического реализма. Итогом всех академических и образовательных дискурсов вокруг эстетики нового мира должна была стать идея «прекрасное — это наша жизнь».

Советские эстетики 1930-х годов не просто вняли установкам культурной политики как чему-то вынужденному, но приняли самое активное участие в разработке основного комплекса принципов новой эстетики (несколько позже названной марксистско-ленинской), так как в их представлении связь между инновационным социальным порядком и искусством является совершенно необходимой и объективной. Отсюда следует *парадокс состояния эстетического знания* в этот период: «эстетическое» выделяется среди других категорий бытия как автономная ценность, не сводимая ни к пользе, ни к истине (здесь необходимо вспомнить борьбу коллектива журнала «Литературный критик»

с «вульгарным социологизмом»), но при этом эстетическое оказывается интегрированным в идеологию строящегося социализма. «Утилитарность» как ценность отвергалась в пользу более «гуманистического» и культурогенного дискурса. В наибольшей степени этот парадокс характерен для двух ключевых фигур эстетики того времени: Георга Лукача и Михаила Лифшица, чьи эстетические взгляды были вполне оригинальны. Г. Лукач отстаивал идею целостности человеческой природы, доступ к которой обеспечивает именно эстетика как философско-историческое мировоззрение. Более того, занятие эстетикой в то время было зоной относительной свободы от прямого идеологического диктата, пространством Большого времени и мировой культуры, что хорошо видно на примере организации системы образования и науки в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории), который пользовался определенной независимостью. До конца десятилетия (1930-е годы) установки культурной политики власти и векторы развития философии искусства и культуры шли или параллельно, или пересекаясь внутри одной магистральной линии.

Перед Второй мировой войной вся эта ситуация с «возвращением» (советским ренессансом) эстетики сворачивается. ИФЛИ закрыт, издание многих серий, знакомящих читателя с мировой эстетической мыслью, почти прекращено. После войны эстетика разделяет общую со всеми гуманитарными дисциплинами участь предельной идеологизации и инструментализации, хотя сама дисциплина не исчезает из повестки диссертационных советов, конференций и учебных программ. В период либерализации 1960-х годов эстетика, на наш взгляд, уходит в тень других стремительно развивающихся гуманитарных наук, занимающих передовые рубежи. Накал дебатов в художественной критике и литературоведении, обращение к ранее неизвестным или запрещенным художественным феноменам в истории искусства и искусствоведении — вот территории, где происходят интересные события. Эстетика не поспевает за этими быстро вспыхивающими, но и так же быстро исчезающими дискуссиями, мгновенно реагирующими на «современность». Эстетика как философская наука не без труда разворачивается к проблемам социального и культурного бытия, уступая в легкости регистрации текущего времени кинематографу, поэзии, телевидению, фотографии и «толстым» журналам.

Но на рубеже 60-х, в течение 70-х и в начале 80-х годов прошлого века советская эстетика начинает набирать философский вес и глубину, хотя связь этого процесса с тем, что происходит за стенами академической среды, совсем не очевидна. В этот период, получивший название «длинных семидесятых», эстетика снова становится самостоятельной философской дисциплиной, влиятельной и даже во многих отношениях опережающей другие социально-философские области. Одна за другой выходят объемные и фундаментальные «Эстетики», принадлежащие перу авторов нового поколения: М. С. Кагана, А. Ф. Еремеева, Ю. Б. Борева. Вокруг этих ученых возникают научные школы,

разрабатывающие разные концепции эстетического отношения и сущности искусства, спорящие друг с другом. Несмотря на дискуссии, можно выделить нечто общее в том, в каких отношениях находится эстетика с окружающим миром и другими науками. С одной стороны, эстетика открыта новым научным направлениям, в том числе и тем, что приходят в советскую гуманитарную среду с Запада благодаря все возрастающему количеству переводов: семиотике, психологии, структурной антропологии, психоанализу, теории систем, археологии, даже кибернетике и математическим методам изучения искусства. С другой стороны, эстетиков очень беспокоит потеря художественной специфики в новых теоретических решениях, опасность растворения в междисциплинарных теориях и методологиях. Ситуация в эстетике в поздний советский период напоминает состояние интеллектуальных поисков в эпоху эллинизма: эклектичность научных теорий, множество заимствований из авторитетных и только что открытых для освоения западных философских концепций (Адорно, Гадамер, Беньямин, Сартр, Леви-Стросс, Кристева и т. д.) и перерождения своего наследия (М. Бахтин, Г. Шпет, русские формалисты), но и глубина, погружение в тонкости аналитики, разнообразие онтологических, социально-философских, гносеологических и культурологических аргументов в пользу автономии эстетических и художественных ценностей и миров, создаваемых ими. Социальный крен, свойственный магистральной марксистско-ленинской линии в эстетике, давший определенные результаты, хотя и оставался на поверхности официального дискурса, но в действительности начинал уже отступать перед другими подходами, прежде всего — онтологическими и культурологическими.

Часто именно эстетика, хотя и вынужденная существовать под грифом «марксистско-ленинской», могла позволить себе проникновение на территорию современного гуманитарного знания и философии искусства, не совсем совпадая синхронно с тем, что разрабатывалось на Западе, но и не так сильно отставая, как другие отрасли философского знания в СССР, подверженные более сильному идеологическому контролю. Выходили переводы философско-эстетических текстов, пусть редко и в очень избирательном формате, но дающие толчок написанию актуальных диссертаций по эстетике; издавались «Истории эстетических учений», подготовленные эстетиками Москвы и Ленинграда, статьи в которых были написаны специалистами при опоре только на первоисточники на разных языках, что полностью соответствовало мировым академическим стандартам; в нескольких крупных университетах РСФСР и практически во всех республиках активно работали кафедры эстетики, существовали учебные специализации по эстетике и ученые советы по защитах диссертаций; в этих центрах читались спецкурсы по истории эстетики и углубленно — по современной философии искусства, где студенты могли знакомиться, пусть и в пересказе лекторов, с эстетическими

идеями психоанализа, А. Бергсона, М. Хайдеггера, Э. Панофски, Г. Гадамера, Т. Адорно, Н. Гудмена, А. Данто, С. Лангер, Ж. Сартра, Б. Кроче и многих других. Для студентов и аспирантов были доступны фонды библиотек Москвы, в том числе иностранные и реферативные издания, поэтому регулярно появлялось определенное количество дипломов и диссертаций, написанных с позиции адекватного понимания комплекса основных направлений эстетики XX века (разумеется, многие знаковые тексты, например, постструктурализма, стали доступными только в начале 1990-х годов). Необходимая отсылка к рамке «критический анализ современных буржуазных эстетических теорий», обеспечивающая «проходимость» публикаций и защиту диссертаций, воспринималась — по умолчанию — как этикетная или ритуальная, с легкостью отбрасываемая заинтересованным читателем.

Что касается ситуации с эстетикой в системе образования и отношения к этой дисциплине со стороны власти, то можно зафиксировать постоянство требования «внедрения эстетики в жизнь». От эстетики и эстетиков ждуть влияния по многим «фронтам» культурной политики: «воспитание строителя коммунизма как всесторонне развитой личности», насыщение «красотой» труда, производства мыслится как способ привлечения людей к работе на заводах, колхозах. В целом эстетика (жизни) трактуется как некая целостность и тотальность, растворяющая в себе реальные противоречия и проблемы советского социума. В этой связи эстетика находилась в положении, которое близко к «шизофреническому», вынужденная раздваиваться между инструментальными требованиями власти, обеспечивающими ее нужность государству благодаря дискурсу «связи с жизнью, научно-техническим прогрессом, производством и самим человеком», и своеобразной «башней из слоновой кости», в которой можно было заняться сложными концептуальными штудиями, не имеющими никакого прямого выхода в развитый социализм и его проблемы (что-нибудь про «внутреннюю форму» у Г. Шпета или отношение к формализму Потебни). Каждый концепт государственной риторики мог быть использован прагматически: например, «техническая эстетика» давала возможность архитекторам и дизайнерам знакомиться с зарубежным опытом и экспериментировать с эстетическими формами, жертвуя часть рабочего времени на рутинные проекты.

С концом СССР и отказом от идеологического влияния на науку и образование эстетика не исчезла из образовательных программ совсем, но ей пришлось потесниться в условиях реальной конкуренции с новыми гуманитарными курсами, пришедшими на смену обязательных в прошлом истории КПСС, политэкономии и научного коммунизма. Факультеты, получившие свободу выбора, перестали заказывать эстетику, отдавая часы в пользу своих профессиональных компетенций. Проблемный Совет распался, связи с бывшими республиками стали уменьшаться или совсем исчезать. В России кафедр эстетики становилось все меньше, количество диссертаций, защищаемых

по эстетике, стремительно сокращалось, государство перестало строить планы на ее счет. Шизофреническую ситуацию сменила образовавшаяся на ее месте в 1990-х годах некая пустота. Не стоит спешить делать выводы о том, что это была катастрофа для целой отрасли знания. Более того, вынужденная пауза оказалась полезной, так как в этот промежуток времени стали накапливаться процессы, давшие свои результаты уже в начале XXI века.

Что имеется в виду? Назовем только несколько тенденций «накопления» нового. В позднее советское время сложилось нечто вроде корпорации профессиональных эстетиков, школы с преемственностью в несколько поколений. Было более или менее понятно, что это значит — быть эстетиком. Значительная часть — это ученые и преподаватели, получившие базовое философское образование, прослушавшие десяток специальных курсов по эстетике и продолжающие преподавать эстетические дисциплины. Где бы ни трудились представители этой группы, они опирались на общий свод фундаментальных представлений, многие из которых уже приобрели хрестоматийный характер. Было ощущение прочной почвы под ногами, они могли уже заново не доказывать некие исходные понятия, а, опираясь на них, разрабатывать эстетику дальше. Острота дискуссий о сущности искусства, специфике эстетического отношения, оснований морфологии искусства, природы художественного образа — была позади, и существовал консенсус относительно этих концептов. Многие вещи казались уже аксиомами, незыблемыми постулатами, прочно забытыми сваями еще не до конца достроенного здания (речь идет, прежде всего, об оригинальных версиях советской эстетики: М. Кагана, Ю. Борева, А. Еремеева, чьи концепции были, во-первых, широко известны и многократно цитируемы, во-вторых, стали учебниками для нескольких поколений). В 1990-х годах продолжалась трансляция этих постулатов, и было ощущение, что время системной эстетики, в которой тщательно увязаны все звенья (онтология, гносеология, социология искусства), четко и точно установлены различия между эстетическим и художественным, между сущностью искусства и его исторической эволюцией, — осталось в прошлом. Новых, также претендующих на фундаментальность, концепций эстетического и художественного не возникло. Таким образом, эстетика получила тот же приговор, что и вся философия: она попала в обойму бесконечного ряда «концов»: конца истории, конца философии, смерти субъекта, автора и много чего еще. Казалось, что на долю значительно уменьшившейся части профессиональных (академических) эстетиков осталось не так много вариантов приложения сил: догонять Запад, осваивая иностранные языки, читать переводы (признавая важную роль резкого роста переводных философских книг, обрушившихся на страну; справедливости ради отметим, что работ по философии искусства среди этого потока в 1990-х годах было мало), преподавать, ощущая себя хранителями знания, добытого старшим поколением эстетиков-учителей.

Но в это время начинает формироваться другая группа исследователей, практически не связанная с академической философией, так как в поле искусства возникают новые профессиональные компетенции: кураторы, арт-дилеры, учредители художественных галерей и т. п. Эта группа складывается из самых разных источников: «продвинутых» искусствоведов, активистов современного актуального искусства, организаторов художественных событий, арт-критиков, издателей журналов (тоже новый формат, существенно отличающийся способами работы с материалом, персонами, институциями, как, например, ZA-ART, «Художественный журнал»), а позже — редакторов порталов и сайтов. Вся эта пестрая группа в своем генезисе опирается на разные источники информации (чаще — западные) и получения навыков, иногда участники совсем не имеют высшего гуманитарного образования. Но все они продуцируют суждения об искусстве, делают это искусство, создают события, имеющие резонанс. Вокруг событий складываются новые институции, накапливается символический капитал и участников, и самих институций. Отношения с академической российской эстетикой в этот период сложные, противоречивые и даже — натянутые. Может возникнуть впечатление, что жизнь этих групп проходит почти параллельно, контакты носят случайный и эпизодический характер. Более того, напрашивается осторожный вывод, что вся эта пестрая когорта, выработавшая к началу 2000-х свой язык, в том числе и теоретический, дистанцируется от эстетики как наследия не столько советского времени, сколько в целом эпохи Больших нарративов и универсальных систем. Гораздо большим спросом пользовались издания и статьи под грифом арт-критики, теоретический арсенал которой представляет собой эклектичную смесь (но это никого не смущает, эклектика — вовсе не порок в конвенциях актуального искусства) из аналитической эстетики (американского институционализма), постструктурализма, неклассического психоанализа, культурной и социальной антропологии, методов культуральных исследований, гендерных концепций, «левых» неомарксистских теорий искусства и т. д. Изнутри этого контента вопросы о сущности искусства или природе эстетического отношения представлялись глубоко архаичными.

В последние 15 лет ситуация со статусом эстетики начала меняться. Во-первых, контакты практиков современного искусства с академическими институциями стали гораздо интенсивнее, чем ранее. В университетах множатся магистерские программы, ориентированные на потребителя, готового не только расширить кругозор, но и получить навыки анализа произведений искусства, достичь углубленного погружения в различные теории и концепции, а для реализации этих ожиданий и запросов нужны высококвалифицированные исполнители с хорошим базовым образованием и широким взглядом на историю искусства. Вскоре выяснилось, что искусствоведы, хотя и активно реагировали на новые потребности поля искусства, не справлялись со многими проблемами, требующими философского подхода.

Исходя из этого, можно сформулировать и «во-вторых»: внутри философии возникали новые предметные области, которые органично стыковались с философией искусства, например философия медиа, философия кино и т. п. Революция переводов, случившаяся в течение 20 лет после 1991 года, сделала свое дело, и оказалось, что многие зарубежные философы, проходящие в восприятии российских ученых как «философы вообще», а не «эстетики», в своих концепциях социальной сферы, культуры, политики и экономики создали контуры совершенно новой философии искусства (например, отношения политического и эстетического у Ж. Рансьера, рассмотренные сквозь призму чувственности, идеи социолога культуры П. Бурдьё о поле искусства, эстетические идеи Ж. Лиотара и А. Бадью и т. д.). В современной России эти идеи находятся в процессе освоения, они становятся ценными источниками развития отечественной эстетики, тем более что российская философия пока не обещает скорого появления оригинальных концепций. Но, тем не менее, запрос на философскую эстетику сегодня можно обнаруживать на самых разных уровнях социокультурного пространства: в образовательном поле (если в бакалаврских программах эстетике не находится места, то в огромном количестве магистерских программ присутствуют проблемы бытования искусства во всех своих модусах — социологическом, технологическом, антропологическом, менеджерском, институциональном), эстетики привлекаются как эксперты для многочисленных конкурсов и грантов, как создатели масштабных программ управления художественно-культурными процессами.

Перейдем, наконец, к наличному состоянию дел в эстетике, обратясь к материалам Второго российского конгресса как полю диагностики. Темы заявленных секций¹ разнообразны, актуальны и отражают научные, образовательные и практические цели участников. Проблемно-тематический набор

---

¹ Всего состоялось 20 секций: «Гезамткунстверк: новые практики художественного синтеза в различных видах искусства» (модератор Л. М. Немченко); «Искусство ad Marginem» (модератор А. А. Суворова); «История эстетики — история эстетизации: от Канта до XXI века» (модераторы С. Б. Никонова, Л. Ю. Яковлева); «От технической эстетики до эстетических практик в дизайне: модусы, критерии и детерминанты XXI века» (модераторы М. В. Панкина, Т. Ю. Быстрова); «“Советское” как эстетический феномен» (модератор А. В. Смирнов); «Темпоральный поворот в философии, эстетике и искусстве» (модератор М. Е. Соболева); «Чувственность как проблема эстетики» (модераторы И. М. Лисовец, А. Е. Радеев); «Историческое развитие и историческая память искусства» (модератор Л. Е. Артамошкина); «Культурологическая эстетика» (модератор Л. А. Закс); «Массовая культура в российской версии: уникальность и универсальность» (модератор Т. С. Злотникова); «Медиаэстетика» (модератор М. В. Загидуллина); «Современная эстетика музыки» (модератор Т. Б. Сиднева); «Эстетическое образование и эстетизация образовательной среды» (модератор Р. А. Куренкова); «Новое искусство и новые онтологии» (модератор И. М. Чубаров); «Эстетическое и искусство в контексте социальной реальности и ее теорий» (модератор Т. А. Круглова); «Авангард после авангарда» (модератор А. Н. Фоменко); «От постструктурализма — к новым теориям, методам и проектам в эстетике» (модераторы В. В. Савчук, Н. В. Суслев); «Феноменология и эстетика» (модератор Н. А. Артеменко); «Философия медиаискусства:

секций выявляет, помимо уровня освоения мировой эстетической мысли, вклад российских эстетиков и степень оригинальности предлагаемых ими решений. Заданная высокая планка теоретико-методологических и философских проблем призвана преодолеть асимметрию западных и российских эстетических исследований, предубеждение в отношении российской эстетики как академически провинциальной.

Обратим внимание на состав участников (всего приняло участие 210 человек). Как мы все прекрасно понимаем, здесь очень много зависит от того, как формируется рассылка информационного письма, где и как ведется работа по информированию академического сообщества, как в рассылаемых материалах определяются рамки, цели и задачи научного события такого статуса, как конгресс. Вполне естественно, что в первую очередь организаторы имели в виду профильные кафедры крупных городов России и тех исследователей, с которыми установились давние и регулярные контакты. Сразу бросается в глаза тот факт, что география страны представлена в участниках неравномерно, существует множество «белых пятен», и в причинах этого еще предстоит разбираться. Например, ученые из Санкт-Петербурга были представлены широко, известными именами, персонами, с публикациями которых остальные участники были знакомы хорошо и полно. Среди петербуржцев было много представителей философской эстетики и авторов фундаментальных концепций и даже лидеров целых направлений в области изучения новаций в художественной культуре. Назовем некоторых петербургских коллег, которым мы благодарны за высокий уровень теоретико-методологической рефлексии и разнообразие новаторских подходов к развитию эстетической науки. Это А. Е. Радеев, собравший одну из самых больших по количеству участников секцию «Чувственность как проблема эстетики» и сделавший доклад «Машина эстетической чувственности». Это Н. А. Артеменко, развивающая феноменологическую эстетику, редактор-составитель сборника научных статей «Топология травмы», включающего интересный и эвристический раздел «Эстетическое поле травмы», автор доклада на конгрессе «Новый тип субъектности в работах Д. А. Пригова». Это В. В. Савчук, авторитет в областях философии искусства и теории медиа, продуктивно работающий в поле их пересечения. Он сделал доклад об одном из самых загадочных современных художников: «Ричард Серра: эстетика меняющихся условий». Это С. Б. Никонова, главный редактор журнала Российского эстетического общества «Terra Aestheticae», инициатор и руководитель секции, название которой уже содержит в себе важную научную проблему: «История эстетики — история эстетизации: от Канта до XXI века». Она сделала доклад «Специфика эстетической позиции». Это Й. Ревев,

---

синтез искусства, науки и технологии» (модератор М. Ю. Гудова); Открытая секция (модератор И. М. Лисовец).

представивший оригинальный проект коинсидентальной эстетики. Наконец, А. Фоменко, известный историк и теоретик авангарда, руководитель секции «Авангард после авангарда», сделал доклад «Машины слепоты и прозрения». Это далеко не все петербургские коллеги, принявшие участие в конгрессе, мы назвали только тех, кто, на наш взгляд, задал продуктивные концептуальные рамки, разомкнувшие устоявшиеся как классические, так и неклассические пределы эстетического знания.

Московские эстетики были представлены меньшим количеством; скорее всего, сказалось то обстоятельство, что екатеринбургских и петербургских коллег связывают давние и постоянные, уже в третьем поколении, интеллектуальные личные связи, а с московскими коллегами, к сожалению, контакты оказались нерегулярными. Тем не менее и московская школа философской эстетики была представлена десятком имен, отметим некоторые: Е. А. Кондратьев, доклад «Концепция мультистабильности как источника эстетического опыта в постфеноменологии Д. Айди» (о разнообразии эстетического опыта в ситуации новых технологических посредников восприятия), участие в панельной дискуссии «Эстетическое наших дней: феноменологии, сущности, способы описания»; И. В. Кондаков, доклад «Интермедальность как эстетический феномен»; Н. А. Хренов, доклад «Генеалогия эстетической рефлексии: от современного состояния науки о культуре к ее истории».

Участники из других российских городов откликнулись на наш призыв чаще всего потому, что со многими из них уже был опыт совместных научных событий: конференций, публикаций, грантов, отзывов на диссертации и т. д. Это коллеги из Владимира, Перми, Челябинска, Тюмени, Ярославля, Саратова, Оренбурга. И хотя понятно, почему количественно доминируют участники из Екатеринбурга, Москвы и Петербурга, городов с давними и никогда не прерывавшимися эстетическими исследованиями, сильными философскими школами, разнообразием и плотностью уникальных художественных событий и институций, вопрос о том, занимаются ли эстетикой на востоке страны (за Тюменью), возможно ли актуализировать контакты с коллегами из ближнего зарубежья, остается открытым, и это задача уже для организаторов следующего российского эстетического конгресса.

Выше мы привели имена докладчиков из группы, которую условно можно назвать представителями философской эстетики. Их участие в конгрессе было ожидаемым и планируемым оргкомитетом, так как одной из целей конгресса была совместная рефлексия предельных оснований эстетического, чему и была посвящена панельная дискуссия, с которой начинал работу конгресс: «Эстетическое наших дней: феноменологии, сущности, способы описания» (модератор Т. А. Круглова; спикеры: Л. А. Закс (Екатеринбург, УрФУ, ГУ), Е. А. Кондратьев (Москва, МГУ), А. Е. Радеев (Санкт-Петербург, СПбГУ), И. П. Смирнов (Констанц, Констанцкий университет, Германия). И хотя философов было

немало, но интересно рассмотреть и другие группы участников, доминирующие количественно, и понять, чем они руководствовались, присылая свои заявки на эстетический конгресс и записываясь в определенные секции.

Самой, пожалуй, значительной группой оказалась когорта ученых разных специальностей, занимающихся историей и теорией медиа, особенно — современных, связанных с цифрой и экраном. Оргкомитет еще на уровне планов предполагал, что таких докладов будет много, и поэтому, кроме нескольких секций, была организована панельная дискуссия «Эстетическое и художественное в цифровом информационном обществе: offline + online = ?» (спикеры: М. В. Загидуллина (Челябинск, ЧелГУ), И. В. Кондаков (Москва, РГГУ), В. В. Савчук (Санкт-Петербург, СПбГУ), К. Федорова (Лейден, университет Лейдена, Нидерланды)). Интересно, что первоначально оргкомитету казалось, что логично объединить всех специалистов по медиа в одну большую секцию, следуя проблемно-тематическому принципу. Но во время составления программы выяснилось, что связка «эстетика и медиа» — это не просто набор проблем, для обсуждения которых могут собраться исследователи, говорящие на одном языке и обладающие общим научным кругозором. «Эстетика и медиа» оказались рассредоточенными в десятке секций, в которых эстетические и художественные аспекты и вторжения на территорию новых медиа были подчинены обсуждению в разных логиках и проблемных полях. Например, в секции «Гезамткунстверк: новые практики художественного синтеза в различных видах искусства» (модератор Л. Немченко) прозвучали доклады теоретика, практика и преподавателя анимации Р. Нейковой (София) «Аспекты синтеза анимация — поэзия в современном экранном искусстве»; А. Антипина (Санкт-Петербург), специалиста, отлично владеющего технологической стороной всего спектра видео-арт-практик, «Практики и язык постцифрового видео/nft арта»; О. Багдасарян (Екатеринбург), филолога, «Киноспектакли Гоголь-центра: к вопросу о “кинофикации” театра и драмы»; кинорежиссера А. Сильвестрова (Москва) «Коллективное кино».

Для М. Гудовой и М. Загидуллиной, давно знающих друг друга по совместным проектам, распределение докладов по разным секциям, в которых они были руководителями, имело принципиальный методологический характер. М. Гудова (Екатеринбург) задавала направление исследования, отталкиваясь от концепта «медиаискусство» в совместном с Е. Рубцовой докладе «О медиа-технологической парадигме в современной философии искусства». Соответственно этой рамке рассматривались в руководимой ею секции эстетические проблемы: иммерсивность в видео-арте, влияние технологий на образные компоненты, модернизация религиозных образов в медиаискусстве, эстетика интернет-блогов. А М. Загидуллина (Челябинск), специалист в области коммуникаций, в своем докладе «Как медиаэстетизируется фатическая коммуникация» предлагала противоположный подход к проблеме: двигаться

в исследовании не от художественной специфики объектов, а от природы новых медиа, обозначая проблемное поле своей секции как «медиаэстетика». На этой секции обсуждались: способы цифрового существования музыкального произведения, эстетика инфографики, эстетика игры (на примере видеохостинга), эстетика авторского нарратива в медиасреде, креативное комментирование постов в Интернете, художественные эффекты маркетинга, эстетика самопрезентации, креолизованный текст как коммуникативная практика поэта, эстетические эксперименты в эпоху самоизоляции и т. п.

Неожиданным для оргкомитета стало скромное представительство искусствоведов, традиционно составлявших значительную часть специалистов в области видов искусства, часто поднимавшихся до фундаментальных обобщений и в теории, и в истории художественной культуры, что всегда влияло на состояние философии искусства. Но, при более внимательном рассмотрении этой ситуации, она покажется не такой уж странной. Академическое искусствоведение и институционально, и по существу трактовок художественного процесса остается в рамках классической парадигмы, уступая в активности овладения современными теоретическими инструментами, например, филологам. Наш опыт организации научных конференций, посвященных анализу современного состояния искусства и наук о нем показывает, что органично и продуктивно складываются общие интеллектуальные поля с учеными, имеющими базовое филологическое образование (замечательный пример: две открытые лекции, прочитанные онлайн во время конгресса, М. Эпштейна и И. Смирнова², — вызвали восхищение и горячий отклик у всех участников и гостей конгресса глубиной мысли, оригинальностью идей и широтой эрудиции практически во всех гуманитарных дисциплинах). Филологи в докладах на конгрессе продемонстрировали не только навыки междисциплинарного анализа (например, доклады Н. Барковской об особенностях видеопэзии и С. В. Кардинской о языке рэп-пэзии), но и вкус к эстетико-культурологическим обобщениям (доклад Л. Артамошкиной «Эстетические критерии “новой искренности” в искусстве XXI века»).

Искусствоведение, тем не менее, осваивая новые территории искусства, обращается к методам и концепциям из других гуманитарных наук, и это дает интересное приращение эстетической теории, так как часть искусствоведов уже не мыслит художественного процесса в ракурсе морфологии искусства, сложившейся в Новое время. Выдвигаются на первый план новые критерии структурирования артефактов, базирующиеся не на автономной логике развития поля искусства (стили, направления, течения), а на гетерономной, включающей

---

² Игорь Павлович Смирнов (Констанц, Констанцкий университет, Германия) «Киноискусство и “regressus ad infinitum”» и Михаил Наумович Эпштейн (США, Атланта, Университет Эмори) «Поэтическое вне поэзии».

в себя доминантные факторы из сферы психологии, физиологии, культурной антропологии, социологии, экономики. Секция «Искусство ad Marginem», организованная по инициативе искусствоведа из Перми А. Суворовой, специалиста по аутсайдерскому искусству (доклад «Поверх барьеров: “иное искусство” на выставках МоМа в 1930-е — середине 1940-х годов»), включала в себя доклады, интересные не только анализом совершенно нового материала, но и нетривиальными подходами к искусству как таковому (о канонизации маргинального в XX веке, о рисунках и фотографиях душевнобольных, о сонном параличе как эстетическом опыте, и целый блок докладов о наивном искусстве).

Удивила и обрадовала активность музыковедов, выходящая за пределы узко специализированного знания. Секция «Современная эстетика музыки» под руководством Т. Сидневой (консерватория Нижнего Новгорода) работала полных два дня, и все докладчики были настроены на междисциплинарные связи и доказывали, уже в очередной раз в истории эстетики, что музыка стимулирует поиски пересечений между эмпирическим и теоретическим (часто — философским) уровнями знания чаще и глубже, чем другие виды искусства. Об этом свидетельствуют названия докладов: «Музыка и единство эстетики: от Р. Шумана к мультимодальным проектам современности» (К. Зенкин), «“Философия нестабильности” и ее музыкальные версии» (Т. Сиднева), «Когнитивные аспекты музыкальной эстетики» (А. Амрахова), «Распад музыкального произведения?» (Е. Рубцова) и др.

Большая, тоже двухдневная, секция была посвящена насущным проблемам эстетического образования. Сама тема эстетического образования настолько гигантская, наболевшая, требующая отдельных и масштабных научно-практических конференций с привлечением специалистов из разных областей: управления, философии, социологии и антропологии образования, теории медиа, педагогики, что совершенно невозможно уместить ее в рамки одной секции. Секцией «Эстетическое образование и эстетизация образовательной среды» руководила Р. Куренкова из Владимира, опытный педагог в сфере музыкального образования. В силу ее профессиональной ориентации доклады секции содержательно дополняли круг вопросов, поставленных в секции по музыкальной эстетике.

Наибольший процент специалистов «со стороны» (со стороны таких дисциплин и профессиональных кругов, которые часто демонстрируют незаинтересованность в эстетических компетенциях, как, например, инженерные специальности, архитекторы и строители, специалисты в урбанистике и т. п.) был в секции «От технической эстетики до эстетических практик в дизайне: модусы, критерии и детерминанты XXI века», руководимой Т. Быстровой, доктором философских наук, и это нам кажется важным подчеркнуть. Пожалуй, в этой секции обсуждения носили наиболее напряженный характер, так как общий научный язык для разговора об эстетизации индустриального наследия

средствами дизайна, о проблемах эстетической экспертизы интерактивных систем, об эстетике транспарентности в мегаполисе, эстетике фракталов и математическом языке, — с трудом находит себе дорогу. Но наличие этих трудностей «взаимного перевода» свидетельствует о том, что у эстетики снова появляется возможность «выйти в жизнь», но совершенно на иных основаниях, нежели в советское время. Почти все доклады этой секции были практически ориентированы, и выступающие опирались на собственный опыт прикладных результатов своих проектов.

Мы не ставим себе задачу сделать полный обзор секций и упомянуть всех докладчиков, так как желающие смогут познакомиться с опубликованными тезисами докладов всех участников [Второй конгресс 2021]. Приводимые примеры нужны были нам для того, чтобы у читателя сложилась карта путей движений современной российской эстетики и территорий, которые она осваивает. И в конце нашего выборочного обзора мы остановимся на новых подходах и концепциях, которые стали предметом дискуссий на конгрессе. Таким образом, начав с рассказа о некоторых проблемных зонах философской эстетики, мы логично заканчиваем, обратившись к секциям и докладам, поддерживающим философский уровень дисциплины.

Мы уже упоминали секцию «Чувственность как проблема эстетики» (модераторы А. Радеев и И. Лисовец). Проблема чувственности — классическая для эстетики, но вытесненная на периферию во второй половине XX века. Но последние десятилетия в мире — а для России точнее говорить только об одном десятилетии — можно зафиксировать взрыв интереса к этой теме. Одна за другой выходят статьи и монографии, в которых и эстетическое, и художественное получают оправдание в качестве важнейших предметов изучения как феномены, отвечающие за развитие человеческой чувственности в условиях новых технологий, трансформации социальных практик и антропологических координат. И на конгрессе такие концепты как «эстетический опыт», «эстетика переживаний», «нейрофизиология и антропология чувственности», «синестезия», «опыт присутствия», «агнозийная чувственность», «чувственность за пределами человеческого», «техногенная чувственность», «акт чувственного и модели эксперимента» и т. п. звучали постоянно. С проблематикой этой секции перекликались доклады секций по медиа, «Авангард после авангарда» (руководитель А. Фоменко) и «Новое искусство и новые онтологии» (модераторы Г. Преображенский и И. Чубаров). В этих и других секциях вопрос был поставлен шире: речь шла уже не столько о чувственности, сколько о субъективности, ее модусах и границах, прежде всего, в онтологическом ракурсе (Е. Голуб «Исследование границ человеческой субъективности на материале анализа двух работ киноавангарда»; И. Чубаров, А. Русакова «Взаимное размыкание города и университета в перспективе создания “третьих мест”»; Н. Свиридова «Образы деантропологизированного мира в творчестве художника Павла

Отдельнова»; М. Васильева «Перспективы подхода 4E cognithion в эстетике. Новая интерпретация визуального восприятия»).

Выступающие еще в двух секциях пересекались в общем поле социокультурных интерпретаций искусства. Во-первых, это секция «Культурологическая эстетика» (модератор Л. А. Закс), в названии которой уже содержится проблема и контуры концепции, изложенной в докладе ее руководителя «К методологии культурологического анализа эстетического». Новизна подхода заключается в том, что культура трактуется не только как внешний для эстетической реальности фон или пространство функционирования, но и как ее «внутреннее» основание и измерение. Докладчики этой секции фокусировались на обширном наборе условий, институтов, инструментов и мест, обеспечивающих бытование эстетического отношения и искусства как феноменов культуры (А. Шаклеева «Интернет как площадь для героя-трикстера»; Е. Хромова «Транслингвальность как эстетический принцип современной литературной практики»; Н. Стрижкова «Институциональное новаторство русских авангардистов»; И. Малыгина «Феномен терроризма в контексте художественно-эстетического дискурса»; Б. Рейфман «Рождение и смерть “человека массы”»). Во-вторых, секция «Эстетическое и искусство в контексте социальной реальности и ее теорий» (модератор Т. А. Круглова), в которую были отобраны доклады, сосредоточенные на следующих вопросах: социальная миссия искусства и ответственность художника; социально-психологические и идеологические эффекты искусства; экономические и политические аспекты художественной жизни (Ф. Ким «Эстетизация авторитета и служения в “просвещенном консерватизме”»; И. Муравьев «Эстетика ритуала как фактор социальной сплоченности»; Л. Цибизова «Эстетика войны в современном массовом искусстве и СМИ»; Т. Шоломова «Подлинник и подделка на арт-рынке: особенности эстетического восприятия»).

На первый взгляд, наш краткий обзор проблематики конгресса создает пеструю картину, в которой сложно выделить центр, или мейнстрим, как это можно было сделать лет 30 назад, когда развитие эстетики резонировало с различными философскими и гуманитарными волнами или «поворотами». Да, отчасти, так и есть. Например, на конгрессе работала секция «Темпоральный поворот в эстетике, философии и искусстве» (руководитель М. Соболева, Марбург). Сегодняшняя эстетика существует в мире, где философские направления не сменяют друг друга в поисках последнего нового слова, а соседствуют и сопрягаются. Второй российский конгресс подтверждает эту гипотезу. Докладчики, ставившие задачу рефлексии методологических оснований современной эстетики, свободно обращаются к самым разным философским концепциям, не стремясь к показателям «нового» и «современного». Пожалуй, из относительно свежих философских концепций на конгрессе звучал только спекулятивный реализм, остроумно сопряженный со «старым добрым» абстракционизмом (М. Чистякова «Что К. Малевич мог бы обсудить

с Г. Харманом?»), но была отдана дань экзистенциализму, психоанализу (классическому и лакановскому), постструктурализму Делёза, символизму С. Лангер, конструктивизму, аналитической эстетике и инэстетике А. Бадью.

Рискнем предположить, что в этой пестроте тем, концепций, методов и разнопланового материала есть мерцающий центр — *онтология во всем разнообразии своих модусов* (нейрофизиологического, психологического, антропологического, культурного, социального). Все это свидетельствует о том, что эстетика — живая наука, реагирующая на вызовы современного мира и собирающая под свои знамена теоретиков, практиков, организаторов и, конечно, исследователей такой непростой, но очень увлекательной сферы человеческой жизни, как искусство, и самой жизни, увиденной сквозь призму эстетического отношения.

Список литературы

- Второй конгресс 2021 — Второй российский эстетический конгресс (1–3 июля 2021, Екатеринбург) : тезисы докладов участников / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова, А. Е. Радеев. Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2021. 655 с.
- Кларк 2018 — Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.

References

- Clark, K. (2018), *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*, translated by Gavrikova, O. and Fomenko, A., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 520 p. (in Russian).
- Kruglova, T. A. and Radeev, A. E. (eds) (2021), *Vtoroi rossiiskii esteticheskii kongress, 1–3 iyulya 2021, Yekaterinburg, tezisy dokladov uchastnikov* [Second Russian Aesthetic Congress, Yekaterinburg, Russia, 1–3 July 2021, abstracts of participants], Ural Federal University, Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, 655 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Информация об авторе

Круглова Татьяна Анатольевна
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4014-2877

Information about the author

Kruglova, Tatyana Anatolyevna
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-4014-2877

Научное издание

KOINON

2021. Т. 2. № 3

Редакторы	<i>С. В. Фельдман</i> <i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 29.12.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,39. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 315.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>